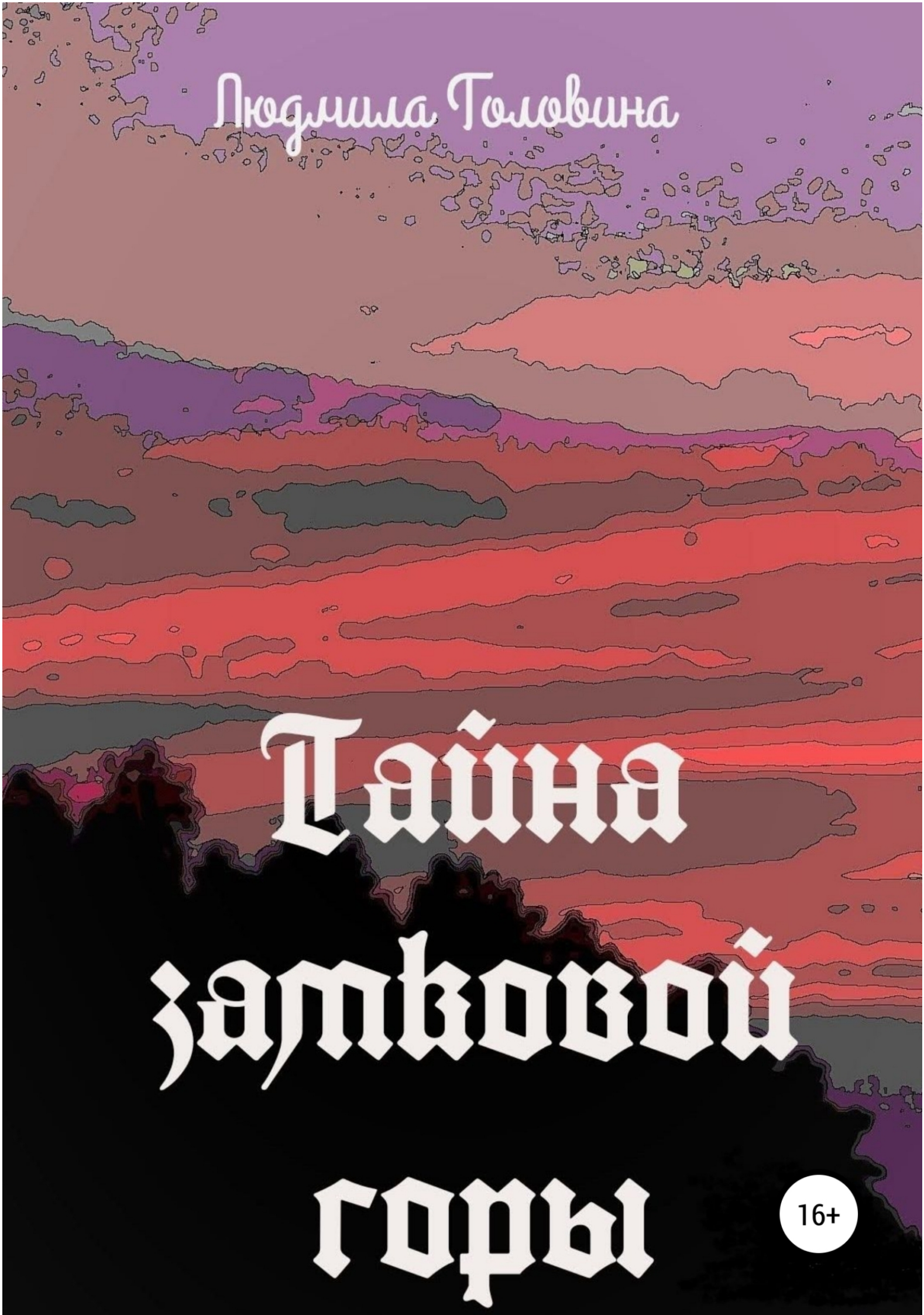

Людмила Головина
Тайна
заповедной
горы
16+

Людмила Головина

Тайна замковой горы

«Автор»
2021

Головина Л. Г.

Тайна замковой горы / Л. Г. Головина — «Автор», 2021

Средневековый замок, возвышающийся на вершине невысокой горы, к середине двадцатого века изрядно обветшал, а род владельцев древней постройки давно разорился, но потомки рыцарей и воинов – известный ученый-историк и его сын по-прежнему любят древнее обиталище своих славных предков, с ними согласны и их слуги – семейство дворецкого, который убеждён, что его род не менее древен, чем род владельцев замка. А с недавних пор в замке прижился бродячий Кот, который имеет необычного друга, живущего в маленькой пещерке на склоне горы. Похоже, тот очень интересуется всем, что происходит в замке. И в самом деле, всё не так просто. Замковая гора имеет свою тайну. И обитателям замка приходится пережить много удивительных приключений. Поиски кладов, необитаемые острова, старинные письма, загадочные существа… А ещё: борьба за свою любовь, умение сострадать, понимать и помогать…

© Головина Л. Г., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Предисловие автора 6
1. Знакомство 9
2. Поль 16
3. Кот направляется в замок 17
4. Приезд 18
5. Горе 19
6. Утро в замке 20
7. Боль утраты 21
8. В библиотеке 23
9. Встреча 24
10. Иолла 25
11. Полина 28
12. Начало 29
13. Родственные души 30
14. Отъезд 32
15. На кухне 33
16. Утренний ритуал 35
17. Кота принимают на работу 37
18. Находка 39
19. Письмо 41
20. Загадки 42
21. Валент Вундерстайн 43
22. Поиски начинаются 47
23. Кот начинает действовать 48
24. Маусина 50
25. Тайный садик 53
26. Поиски начались 56
27. Три фотографии 58
28. Первая фотография 59
29. Неоконченная сказка 60
30. Первая фотография (продолжение) 68
31. Первая фотография (окончание) 72
32. Вторая фотография 75
33. Вторая фотография (продолжение). Госпожа Фрюлинг 77
34. Вторая фотография (продолжение). В зоопарке 80
35. Вторая фотография (продолжение). Летиция 82
36. Вторая фотография (продолжение) Бабушка Генри. Исцеление души 85
37. Между второй и третьей фотографией. Встреча с Микельсами 92
38. Между второй и третьей фотографией (продолжение) 96
39. Третья фотография. Глория 98
40. Кот начинает действовать 101
41. Исполнение обещания 103
42. Клад 106
43. Нелегко обладать кладом 108
44. Клады находить нелегко 110

Конец ознакомительного фрагмента. 112

Людмила Головина
Тайна замковой горы

Предисловие автора

Я очень прошу тех, кто заинтересовался этой книгой, познакомиться с моими пояснениями, прежде чем они приступят к чтению. Мне не хочется, чтобы читатели упрекали меня, что зря потратили время на знакомство с моим трудом.

Я писала эту книгу несколько лет и закончила её, когда мне был 71 год. Я не профессиональный писатель, поэтому, возможно, книга написана не по канонам, предписанным литературными правилами.

Затрудняюсь определить жанр этой книги.

В первую очередь, это семейная сага.

Затем, это книга о любви и доброте. Если случайно книга попадёт в руки кого-то, кто ставит знак равенства между понятиями «любовь» и «секс», поясню, что под любовью я понимаю нечто значительно большее. Для того, чтобы разъяснить, что я подразумеваю под понятием «любовь», я предпосылаю книге эпиграфы из Священного писания. Это не означает, что я призываю всех погрузиться в глубины богословской мысли. Нет. Я просто хочу обратить внимание на то, что в этих цитатах сформулировано понимание любви в самом высоком её смысле. Можно сказать, что в них выражено то, на чём построена вся человеческая культура. Независимо от того, верит ли человек в Бога или нет, понятия нравственности и морали у него всё равно сформированы в результате многовекового влияния религии на современную цивилизацию. И мне хотелось через героев книги показать, что намного счастливее живут люди, умеющие по-настоящему любить, чем те, кто относится к ближним равнодушно, либо использует их в своих целях.

Затем, это книга о преодолении трудностей и испытаний, о возрождении души, об исцелении страданий, о том, что никогда нельзя терять надежду.

В книге присутствует сказочный элемент, поскольку сама эта книга первоначально задумывалась, как сказка. Поэтому в ней есть некие сказочные существа. Но это ни в коем случае не фэнтези (этот жанр, прославленный в своё время великими писателями Джоном Рональдом Руэлом Толкиным и Клайвом Стейплзом Льюисом, на мой взгляд, сейчас достаточно дискредитирован).

Равноправными, а часто и главными героями книги являются животные. Местами от них зависит многое.

Ещё в книге есть тайна, поиски кладов, путешествия, экскурсы в далёкое и не очень далекое прошлое.

И кое-где есть мои рассуждения о разных вещах, надеюсь не слишком длинные и нудные.

Чего в книге нет.

Нет современного сленга и тем более, нет нецензурных выражений.

Нет эротики. Я не ханжа, и понимаю, что физиологическая составляющая отношений – естественный и волнующий компонент. Но считаю, что такие интимные подробности следует оставлять за рамками повествования.

Нет сцен насилия и жестокости, кровавых разборок и тому подобного.

Нет грубости и вульгаризмов.

Если читающие эти строки любят книги с таким содержанием, пусть отложат моё сочинение и не мучают себя.

К моему большому сожалению, в моей книге нет самобытного и своеобразного языка, который я сама так ценю у других авторов. Но тут ничего не поделаешь.

На большинство вопросов могу ответить только одно: «Не знаю»

Не знаю, почему действие книги начинается в 1950-м году. Возможно, потому, что это была не только середина века, но и некий переломный момент истории. В связи с этим в книге есть детали, которые современному читателю могут быть непонятны. Например, почему герой пишет на борту яхты карандашом? Шариковых ручек тогда не было, а появившиеся автоматические ручки надо было постоянно заправлять чернилами, что в условиях путешествия неудобно. В прошлое ушёл процесс печати фотографий в домашних условиях. Я описала его подробнее, потому что, это было весьма увлекательно.

Не знаю, почему действие происходит в маленьком вымышленном королевстве Мединленд. Возможно для того, чтобы показать патриархальные обычаи страны и её жителей. Кроме того, это позволило избежать какой-либо конкретики и не связывать автора географическими и историческими подробностями. Да и попросту невозможно было увязать сюжет книги ни с одной реально существующей страной.

Собственные имена, используемые в книге, иногда ничего не значат, но в ряде случаев могут что-то рассказать или на что-то намекнуть. В конце книги есть расшифровка некоторых из них. Поскольку лучше других языков я знаю немецкий и латинский, то их я, в основном, и использовала. Для понимания сюжета надо знать расшифровку только одной фамилии: «Вундерстайн». Она образована от немецкого (лишь слегка видоизменённого) – «Вундерштайн» – чудесный камень.

Процесс написания книги удивил меня. Сначала, уже довольно давно, у меня в голове возник сюжет маленькой сказки, ну, максимум, сказочной повести.

Мне захотелось записать её. Но ничего не вышло. Всё получалось каким-то корявым и ненатуральным. Кроме того, я очень не люблю писать от руки. Мысль опережает руку, я тороплюсь зафиксировать то, что появилось в голове, почерк от этого становится таким неразборчивым, что я сама на могу ничего прочитать. А уж когда начинается правка…

Одним словом, набор текста на компьютере явился для меня прекрасной альтернативой. Но и тогда дело сначала не шло. Во всём я чувствовала фальшь и надолго бросала работу над текстом.

И вдруг произошло чудо. Во всяком случае, мне это показалось настоящим чудом. Откуда ни возьмись, стали появляться герои, я ясно видела обстоятельства их жизни, повороты сюжета. Иногда эта нить повествования терялась, и я не могла понять, а что же будет дальше? Но проходило несколько дней и передо мной со всей очевидностью открывались судьбы персонажей книги. От первоначального замысла практически ничего не осталось. Можно сказать, что книга писала сама себя, а я её только записывала. Не знаю, так ли у других авторов. Но меня процесс творчества удивил.

Я прочла за свою жизнь очень много книг, поэтому вижу, что какие-то герои, эпизоды, повороты сюжета навеяны тем или иным произведением других авторов. Но это ни в коем случае не плагиат, я на это надеюсь. А кое-что пришло из реальной жизни, например, «капитанский куст» – это луизеания трёхлопастная, лишь слегка художественно преобразованная.

Кое-кому может не понравиться, что, чем ближе к концу книги, тем больше случается с героями приятных событий и счастливых совпадений. Этому есть несколько причин. Во-первых, за время работы над книгой я полюбила своих героев, и мне хотелось, чтобы их жизнь складывалась счастливо. Во-вторых, это всё-таки сказка, а в сказках всегда должен быть хороший конец. Ну и последнее: я уже говорила, что книга писалась по большей части как-то сама по себе. Если кому-то такой хэппи энд покажется слащавым или сентиментальным, что ж, он в своём праве.

Ну вот, я честно призналась во всём.

Я благодарна тем, кто понял, что эта книга им не нужна, и отказался от желания её читать.

Я благодарна и тем, кто раскроет мою книгу и кому она покажется интересной. Им я желаю приятного чтения.

Спасибо.

Апрель 2021 года

<<Положи меня, как печать, на сердце твоё, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь…>>

<<(Библия, Ветхий Завет, Песня Песней 8:6)>>

<<Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит…>>

<<(Библия, Новый завет, Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла 13:4–7)>>

<<Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром.>>

<<(Библия, Новый завет, Послание к Римлянам святого апостола Павла 12:21)>>

<<Блаженнее давать, нежели принимать.>>

<<(Библия. Новый завет. Деяния святых апостолов 20:35)>>

1. Знакомство

У подножья горы Поль остановился и вышел из машины. Ему захотелось немного полюбоваться на замок, чернеющий на вершине горы в лучах вечернего зарева. Заходящее солнце окрасило небосвод во все оттенки багрового и золотого. Обычно такие пейзажи любят снимать фотографы для рекламных буклетов и календарей.

– Мяу, – услышал он.

На обочине сидел рыжий кот и внимательно глядел на Поля.

– Привет! – откликнулся Поль и сейчас же забыл про кота. Действительно, что за невидаль – бездомный кот. Поля сейчас занимали совсем другие мысли.

А Кот ещё раз взглянул на Поля, развернулся и исчез в зарослях сухой прошлогодней травы. Он всю вторую половину дня просидел около дороги, ожидая приезда молодого хозяина замка, и вот сейчас, усталый, но довольный, бежал, чтобы рассказать эту новость своему другу Руби.

Они познакомились в прошлом году. Тогда Кот только что из нескладного подростка превратился во взрослого кота и даже сам не подозревал, как ему повезло. Далеко не каждому бездомному котёнку удаётся выжить. Не умереть с голоду, не замёрзнуть холодными зимними ночами, не попасть в зубы злобных собак, а иногда и в руки злобных людей. Люди, впрочем, бывали разные. Одни выносили блюдечко молока или какие-нибудь объедки, а другие кидались камнями или хватались за метлу…

Но Кот был проворен и сообразителен. Он быстро смекнул, в каких местах можно спрятаться, а в каких – разжиться пропитанием. Днём он частенько проводил время под прилавками на местном рынке, предпочитая мясные и рыбные ряды. Его не гнали – ведь Кот был отличным мышеловом, а мыши и крысы – это беда любого рынка.

Иногда Кот заглядывал в трактир при единственной местной гостинице. Хозяйка была настроена дружелюбно и не выставляла Кота за дверь, посетители подкармливали его под столами. Правда, в этом году Кот в трактир почти не заходил, вернее, его туда не пускали. Хозяйке подарили котенка персидской породы (Кот слышал, как хозяйка произнесла это чудно́е слово). Внешность этого котенка была самая странная, какую только Кот мог себе вообразить: курносый, с плоской мордочкой и вечно сердитым и обиженным выражением на физиономии. Это была только видимость – персидский котенок был доволен жизнью. Он целыми днями дремал на кресле перед очагом на подушке, вышитой собственноручно хозяйкой. На пол он спускался только для того, чтобы вкусить из красивого фарфорового блюдечка всякие деликатесы, приготовленные специально для него. Все вокруг, особенно женщины, восторгались его длинной пушистой дымчатой шерсткой, его ленивой грацией и капризным выражением мордочки.

И после воцарения этого существа, которого нарекли Пушком, Кота стали гнать из трактира, когда он собирался туда зайти. Он ведь мог заразить их любимца какой-то болезнью или блохами. В общем, этот источник пропитания был потерян. Но Кот не унывал и на Пушка не сердился. Тот ведь не был виноват, что уродился таким неженкой.

Жизнь была бы совсем замечательной, если бы не собаки. Почему-то они люто ненавидели Кота и, едва завидев, со злобным лаем кидались в погоню с явной целью догнать и растерзать. Так и в тот раз, год назад, откуда ни возьмись выскочил огромный пёс и бросился на Кота. Как назло, поблизости не было ни одного дерева, ни одного забора, ни одной подворотни. Кот убегал что было сил, но пёс догонял его. Гибель казалось неизбежной, и в этот момент лапу Кота пронзила острая боль. Но останавливаться было смерти подобно, и Кот, сделав последний рывок, вдруг увидел небольшую щель между двумя соседними домами, куда и нырнул. Ему повезло. Это был не тупик, Коту удалось пробраться по этому проходу на задний двор, а оттуда на пустырь. Он был спасён, но лапа болела так, что он не мог на неё наступать и прыгал

на трёх остальных. За Котом тянулась дорожка из капель крови. Он хотел зализать ранку, но язык наткнулся на что-то острое и колючее. Потряс лапой, но и это не помогло. Кот не мог себе представить, что делать дальше. Ничего не придумывалось кроме того, что надо где-то спрятаться и отлежаться. Но где? Он был почти за городом. За пустырем начинался подъем в гору, на вершине которой горделиво возвышался замок. Кот там никогда не был, да и вряд ли его там кто-то ждал. А потом он вдруг вспомнил, что видел как-то у самого подножья горы странное строение. Это был сложенный из грубого дикого камня сарай, одной стеной которого был отвесный склон горы. Окон у сарая не было, а простая деревянная дверь не доходила до земли, и туда вполне можно было проползти. Другого убежища поблизости не наблюдалось, и Кот заковылял по направлению к горе.

Но, к его огорчению, на этот раз дверь сарая была распахнута, и оттуда доносились какие-то звуки.

У Кота просто не было сил никуда идти, и он решил заглянуть в сарай. Там перед каким-то непонятным сооружением стоял очень невысокий человечек. Он нажимал ногой на качающуюся доску, а та приводила в движение круглый камень. Человечек подносил к камню угрожающих размеров нож, и от их соприкосновения вылетал целый сноп искр. От этой картины Кот попятился и хотел потихоньку удрать, но вдруг услышал спокойный и приветливый голос:

– Куда же ты? Не бойся, заходи.

Кот нерешительно, держась поближе к стенке, зашёл в сарай.

– Почему хромаешь? Лапу поранил?

– Мяу, – сказал Кот, – мяу, мяу!

– Понятно. Собака – это опасно. Не переживай. Сейчас вот закончу точить нож, полечу твою лапу.

И правда, вскоре человечек отошёл от крутящегося камня. Тот остановился, искры перестали вылетать. Незнакомец положил нож на стол и направился в угол, где лежал Кот. Он присел и стал осматривать лапу Кота. Потом сказал:

– Вижу.

И сделав быстрое движение, выдернул острый кусок стекла, вонзившийся между подушечками ступни. Боль сразу стала меньше, и Кот попытался встать

– Нет, лежи. Ранка глубокая, попадёт грязь – пропадёшь. Я тебя подлечу.

В этот момент раздался женский голос:

– Ну что, господин Руби, готовы мои ножи?

На пороге сарая стояла женщина, которую Кот часто видел на рынке: она продавала молоко, сметану и творог.

– Да, госпожа, Манс, вот они.

Женщина взяла со стола ножи и слегка потрогала лезвия пальцем.

– Острее бритвы. Никто не может так остро наточить ножи, как вы. Большое спасибо. Сколько я Вам должна за работу?

– Ну что вы, какие пустяки! Единственное, чего бы я у вас попросил, это немного молока для вон того рыжего кота. Он поранил лапу, и я хочу его немного подлечить.

– Вы добрый человек, господин Руби. Всем помогаете: и людям, и животным. Я пришлю внучку, она принесёт молока и ещё чего-нибудь для вашего подопечного.

Она ушла, а Руби развёл огонь в маленьком очаге, согрел воду и промыл ранку.

Потом прибежала девочка с корзинкой, в которой была бутылка молока и кулёк с кусочками вареной курицы.

Руби поблагодарил, и девочка убежала.

– Ну что, пора домой, – сказал новый знакомый. Он взял Кота на руки, поднял корзину и вышел из сарая.

«Где он живёт? – размышлял Кот. – Никогда не видел его в городе. Я бы запомнил такого маленького человечка».

Но вместо того, чтобы направиться в город, Руби стал подниматься в гору. Он удивительно ловко и быстро продвигался вверх даже там, где гора была очень крутой, почти отвесной, а руки у Руби были заняты Котом и корзинкой. Кот даже немного боялся, что они упадут, но Руби находил для опоры едва заметные выступы и уверенно шёл вверх. Сначала Кот решил, что они направляются в замок. Но на середине горы Руби свернул вправо, и вскоре они оказались на небольшой каменной площадке, с которой открывался узкий вход в маленькую пещерку.

Если не знать, где находится этот вход, его нипочём нельзя было бы заметить. Небольшое отверстие, почти щель, надёжно скрывалось под сплошной завесой плюща, карабкающегося вверх по отвесной скале. Даже при своих некрупных размерах новый знакомый Кота мог втиснуться туда, только вытянувшись в струнку и втянув живот. Человек обычной комплекции вряд ли смог бы проделать это. Руби пролез в щель, и они оказались в небольшой пещерке, чистой и обжитой. Предметов мебели было два: топчан и стол, сколоченные из досок, да ещё небольшая полка в нише. В углу был сложен очаг из камней.

Руби осторожно положил Кота на пол и стал возиться с очагом. Вскоре вспыхнули язычки пламени, и пещера стала наполняться теплом. Над огнём уже грелся котелок с водой, а Руби бросал в него какие-то сухие травки, которые висели пучками на колышках, вбитых в стены пещеры. Затем снял с полки два глиняных блюдца и наполнил одно из них молоком, а другое курятиной и поставил перед Котом.

– Давай, ешь.

Но Кот вдруг почувствовал такую слабость, что даже не смог притронуться к пище, хотя целый день не ел. Лапа болела всё сильнее, перед глазами стоял туман, а всё худое тельце кота сотрясала сильная дрожь.

Человек заметил, как худо Коту, и пробормотал:

– Да ты совсем плох, бедняга. Срочно надо тебя спасать.

По всей пещерке уже расползался запах от трав, кипящих в котелке. Руби снял их с огня, процедил через чистую тряпочку и вынес наружу, чтобы скорее остудить.

Через несколько минут он взял Кота на руки и стал осторожно промывать отваром рану. Сначала лапу Кота сильно защипало, и он напряг все силы, чтобы вырваться, но Руби держал Кота крепко, да и боль вдруг стала отступать. Кот затих, и когда человек опустил лапу в остаток отвара, он только слегка дёрнулся, а потом целиком доверился заботливым рукам, которые его лечили.

Полежав с завязанной лапой у очага, Кот стал немного бодрее, и у него вновь появился аппетит. Насытившись, он крепко заснул, и когда открыл глаза, увидел, что в пещерку пробивается дневной свет, а рядом с ним на корточках сидит Руби.

– Ну, как твоя лапа? – спросил он, и, взяв Кота на руки, стал осторожно снимать повязку.

Лапа болела гораздо меньше, и Кот попытался вывернуться из рук Руби и убежать. Хоть этот человек и помог ему вчера, но всё же Кот привык не слишком доверять людям и старался держаться от них подальше.

– Ты куда? – остановил его новый знакомый. – Забыл, как вчера чуть не помер? Рана ещё не зажила. Попадёт грязь – пропадёшь. Никто тогда тебе не поможет. Наберись терпения, поживи у меня несколько дней. Я тебя подлечу, а потом беги, куда хочешь.

Так Кот остался на некоторое время в маленькой пещерке и обрёл себе друга.

Руби иногда уходил на несколько часов, а потом возвращался с едой для Кота и новой порцией целебных трав. Его заботами лапа быстро заживала, а Кот отъедался и отсыпался.

Ему было хорошо у Руби, но он всё-таки тосковал по вольной жизни, к которой привык с рождения.

Кот не слишком хорошо разбирался в людях. Он с грехом пополам понимал, что они ему говорят. Многие слова были Коту непонятны. А вот люди – те вообще не понимали Кота, когда он мяуканьем пытался им что-то сказать.

Но с новым знакомым было не так. Он подолгу разговаривал с Котом каждый день, и Кот понимал его гораздо лучше, чем других людей. Непонятные слова Руби растолковывал. Но самое удивительное – он понимал то, что говорил Кот. Он отвечал всегда по делу, а не наугад, как остальные люди.

Вторая необычность нового знакомого состояла в его удивительной силе. Около входа в пещеру лежал большой камень, на котором Руби любил сидеть. Так вот, он с легкостью передвигал и даже переносил этот камень туда, где ему было удобнее, как будто это был не тяжёлый валун, а обыкновенный стул.

Внешность у Руби, если не считать того, что он был очень низкого роста, была самая заурядная: небольшая бородка, коротко стриженные, слегка тронутые сединой волосы, серые глаза, которые он постоянно держал полузакрытыми. Задубевшая от постоянного пребывания на открытом воздухе кожа была покрыта сеткой мелких морщинок. Его возраст не только Кот, но и люди не могли точно определить. Иногда, когда он неподвижно сидел, слегка ссутулясь, на камне возле пещеры, казалось, что он – старик. Но стоило ему взяться за какую-нибудь работу, как ловкие и сильные движения говорили о том, что перед вами довольно молодой человек.

Одевался Руби скромно и неприметно. Казалось, что главное в одежде для него – чтобы было удобно и не бросалось в глаза.

Люди часто обращались к Руби с просьбами помочь в разных делах. И он умел делать буквально всё. Надо ли подковать лошадь, запаять и залудить кастрюлю или чайник, отбить косу, наточить инструмент, выковать фигурную решётку, даже сделать колечко или брошку – любая работа спорилась в его руках. Всё он делал очень быстро, был вежлив, но немногословен, в лишние разговоры не вступал. Если кто-нибудь нуждался в услугах Руби, то просто подходил к его мастерской в сарае у подножья горы, звал его, и Руби сразу же спускался. Слух у него был отличный, пожалуй, даже лучше, чем у самого Кота.

Уже потом Кот заметил, что Руби никогда не появляется в городе. Кот спросил об этом, а также о том, почему Руби живет не в доме, а в пещере, и получил ответ:

– Мне нельзя. Почему, ты не поймёшь, но поверь, это правда.

Нельзя, так нельзя. Кот перестал допытываться, и вскоре вообще бросил об этом думать.

Когда лапа окончательно зажила, и Кот смог ходить, бегать и лазать по деревьям и заборам, как прежде, Руби сказал ему:

– Ну вот, теперь я тебя не держу, можешь бежать, куда захочешь. Но если ты когда-нибудь соскучишься и решишь меня навестить, заглядывай, я буду рад. Смотри по сторонам, старайся больше не попадать в неприятные истории.

И Кот убежал. Но через пару дней ему очень захотелось снова увидеть Руби. Ему не хватало общения с ним, их долгих разговоров, вечеров на камне около маленькой пещерки. Так подружились человек и Кот.

Вскоре Кот заметил, что его другу интересно слушать разные новости, которые Кот узнавал во время своих прогулок по городу. И он специально стал искать места, где можно было эти новости услышать. Это были рынок, трактир при гостинице, а также и почта. На почту регулярно приходил из замка молодой парень, получал письма, тут же читал их, и когда почтовый служащий спрашивал: какие новости? молодой человек говорил, что всё без изменений, семья графа по-прежнему в столице, приедут ли они летом в замок, неизвестно, поскольку графине нездоровится.

Кот рассказывал обо всём, что услышал, Руби, и тот объяснил Коту, что граф – это владелец замка, графиня – его жена, у неё слабое здоровье, и условия жизни в замке не позволяют

ей долго здесь находиться. А ещё у них есть сын – Поль, он окончил лицей, собирается поступать в университет. Руби растолковал, как мог, Коту слова «лицей» и «университет».

Еще с ними в городе живёт семья слуг по фамилии Микельсы. Только младший сын Микельсов – Тоби остался в замке, чтобы приглядывать за хозяйством.

– Кот, у меня к тебе просьба, – как-то сказал Руби. – Если услышишь что-нибудь о семье графа, или о делах в замке, не забудь, сообщи мне, пожалуйста. Мне это очень надо знать, а людей расспрашивать неудобно, могут плохо подумать.

Кот был только рад услужить Руби. Поэтому, узнав что-то новое и интересное, он бежал знакомой тропинкой к пещере.

В конце зимы вести стали всё тревожнее, здоровье графини ухудшалось.

Потом зима стала постепенно сходить на нет, повеяло весенним ветром.

Как раз в это время Руби попросил Кота сходить в замок.

– Посмотри, – попросил он, – как там дела. Вдруг ты познакомишься с Тоби и сможешь иногда заглядывать в замок. Если этим летом хозяева приедут сюда, может случиться то, чего я жду уже много лет. Понимаешь, очень-очень давно пропала одна вещь, принадлежавшая мне… моей семье. Пропала по моей глупости и самоуверенности. Хозяева замка не при чём, но от них зависит многое. Эта вещь в замке, я точно знаю, но только не знаю где именно. И обитатели замка тоже не знают, они вообще почти ничего не знают об этой вещи, поэтому и не ищут. А она позарез нужна мне и моим родным, от неё жизнь наша зависит, вот такие дела, Кот. Знал бы ты, как мне тяжело, что я не могу исправить свою ошибку. Запомни, совершить ошибку гораздо легче, чем потом её исправить.

И Кот направился в замок. Только-только началась весна. В городе уже были оттепели, но вокруг замка всё ещё лежал глубокий снег. Кот осторожно вступил во двор замка, и его нос подсказал ему, что самое обитаемое место в замке – кухня, куда он и проник, благо в двери имелся лаз для кошек.

Кот специально выбрал время, когда Тоби отправился на почту и рынок, потому что по опыту знал: не всем людям нравится, когда в их жилище проникают незнакомые коты.

Не успел Кот оглянуться по сторонам, как вдруг перед его глазами возникло существо неземной красоты – кошка с такой белоснежной и пушистой шёрсткой, какую можно было сравнить только с чистейшим, только что выпавшим снегом. Красавица посмотрела на Кота огромными зелёными глазами достаточно строго, а потом выгнула спину и зашипела. Кот попятился. Не потому, что испугался, а просто от огорчения, что незнакомке не понравилось его внезапное появление.

Кот выбрался наружу и сел около входной двери. Он прикидывал, что надо сделать, чтобы красотка сменила гнев на милость.

Через несколько минут обольстительница сама вылезла через лаз и уселась на крыльце. Её мучило любопытство.

– Ты кто такой, и почему вторгся на мою территорию? Здесь я живу, я – хозяйская кошка! И никого другого не допущу.

– Да, пожалуйста, – отвечал Кот. – Я и не собирался здесь жить. Просто из любопытства зашёл. И нисколько не жалею, потому что увидел вас, а до этого даже не подозревал, что на свете существуют создания такой красоты! Кстати, меня зовут Кот.

– Ты что, бродячий? – спросила кошка с некоторым презрением.

– Вовсе нет, – соврал Кот. – Я здесь неподалеку живу, моего хозяина зовут Руби.

– Значит, у твоего хозяина нет фантазии и вкуса. Меня вот зовут Мисси. Это похоже и на «миленькая» и на «кис-кис»!

– Это имя навсегда запечатлеется в моём сердце! – Кот сам не понимал, откуда он знает такие слова. Наверное, они рождались в глубине его влюбленного сердца.

Они ещё немного поболтали, потом пришёл Тоби, Кот спрятался, а Мисси удалилась.

Кот забыл и про просьбу Руби, и про еду, он не ощущал голода. Единственной его мечтой было снова увидеть Мисси.

Ночью было довольно холодно, поэтому Кот потихоньку пробрался через лаз в сени и там переночевал. Но уже ни свет, ни заря он был во дворе, а через некоторое время туда вышла и красавица Мисси. Она была гордой и слегка капризной особой, а поэтому ни за что на свете не призналась бы, что ей очень понравился вчерашний кавалер. Он говорил такие изысканные комплименты, и, к тому же, был красивым и сильным. Надо сказать, что за несколько месяцев, проведённых с Руби, Кот, действительно, отъелся и возмужал. Он уже не был нескладным подростком с всклокоченной шерстью и выпирающими рёбрами. Когда Коту было голодно, холодно или одиноко, он знал, что есть место, где ему рады и всегда помогут.

– А, ты снова здесь… – лениво промяукала Мисси и разлеглась на крыльце, на том месте, которое прогрелось весенним солнышком, в самой изящной и непринужденной позе.

Кот был счастлив, что его не прогоняют и даже, вроде, не сердятся.

Он любовался на свою избранницу и ликовал от того, что понял: он ей не безразличен.

А потом наступили дни полного и безмятежного счастья. Влюблённые все дни проводили вместе. Тоби, уже заприметивший Кота, только посмеивался, но не гнал ухажёра Мисси и даже иногда подкармливал его.

Только раз он рассердился на парочку, когда они, взобравшись на крышу гаража, дуэтом распевали одну из самых трогательных любовных песен. По мнению Кота, нельзя было даже вообразить ничего более восхитительного, чем их пение, но Тоби оно почему-то не понравилось. Он запустил в певцов снежком и невежливо велел им заткнуться. И Кот понял, что люди (при всех их достоинствах) ничего не понимают в настоящем искусстве.

Сколько дней влюблённый Кот провёл в замке, он не запомнил. Но однажды все закончилось. Ближе к вечеру Тоби, как всегда, вернулся из города, но был в этот раз необычно печален. Он погладил Мисси и сказал:

– Ну вот, Мисси, мы и осиротели. Умерла наша хозяйка…

И Кот внезапно вспомнил, что его друг Руби ждёт новостей, а он совсем забыл про это.

Коту стало стыдно. Он сообщил Мисси, что должен срочно отлучиться по важному делу, и со всех ног помчался к пещере на склоне горы.

Руби не ругал Кота за долгое отсутствие. Услышав печальную новость, он взял Кота на колени и долго молчал. Потом произнёс:

– Да, Кот, жалко графиню. Она была доброй и славной женщиной. Никогда и ни от кого я не слышал о ней ни одного плохого слова. Все её любили. И ведь она была совсем молодой! Как хрупки и недолговечны люди…

Он ещё помолчал и продолжил:

– Возможно, граф с сыном приедут на лето в замок. Давно уже господа подолгу здесь не жили. Я слышал, граф очень хочет провести в замке кое-какие изменения, слишком уж обветшали все строения. Может быть, этим летом затеют в замке ремонт. А там, глядишь, и найдётся пропавшая вещь…

Руби попросил Кота очень внимательно слушать, что будут говорить в городе о хозяевах замка, и сообщать ему. И Кот, не жалея лап, целый день бегал по городу и выполнял просьбу Руби. Странно, но про Мисси он почему-то совершенно забыл.

Кот сначала принёс своему другу весть, что скоро в замок прибудет сам граф и все слуги. В столице остаётся только сын графа – Поль, он приедет позже. Особенно радовалась их возвращению жена трактирщика. Оказывается, дворецкий Микельс был её братом.

И, действительно, вскоре замок ожил. Жена дворецкого в сопровождении старшего сына почти ежедневно закупала в городе провизию. После того, как покупки бывали сделаны, она неизменно на несколько минут заглядывала в трактир, чтобы немного поболтать с трактирщиком и его женой. А Кот, притаившись под лавкой (чтобы его не выгнали), внимательно слушал

и запоминал. И узнал, что граф очень тоскует по супруге. Чтобы отвлечься, он стал разбирать какие-то старые бумажки, и вот несколько дней назад его поведение резко изменилось, так, что стало внушать опасения. Граф стал очень тревожен, потерял аппетит, почти не спит и со странным видом, озираясь, бродит по замку. Все слуги за него очень переживают.

А вчера, когда уже стало темнеть, Кот вдруг увидел старого дворецкого Микельса, который быстрым шагом направлялся из замка в город. Это было очень странно, ведь в замке была машина, а Микельс был совсем не в том возрасте, чтобы в темноте бегать по горным тропинкам. Коту стало любопытно, и он последовал за дворецким.

Дойдя до города, Микельс сразу же отправился на почту и заказал телефонный разговор (Кот знал, что здесь можно разговаривать с теми, кто находится очень далеко). Ждать пришлось долго, потому что там, куда дворецкий звонил, никого не было дома.

Наконец телефонистка позвала Микельса в кабинку, он о чём-то недолго поговорил. А после на минутку заскочил в трактир, где сказал только одну фразу:

– Господин Поль завтра вечером приезжает.

После этого дворецкий заспешил в замок, а Кот помчался к Руби, чтобы сообщить ему последнюю новость.

И вот сегодня Кот с обеда несколько часов просидел у того места, где дорога, ведущая к замку, сворачивает в гору. Ему хотелось самому увидеть приезд Поля, чтобы сразу доложить Руби. Он не удержался и поздоровался с Полем, но тот не обратил на Кота почти никакого внимания.

Ну что же, Кот привык, что большинству людей не было до него никакого дела. Зато у него был друг, к этому другу Кот и бежал.

Он застал Руби (как, впрочем, почти всегда) на небольшой площадке над крутым склоном горы. Тот сидел на камне. Глаза его были закрыты, но Кот чувствовал, что Руби не спит, поэтому подошёл и потёрся о его ногу. Маленький человек открыл глаза и, увидев Кота, улыбнулся.

– Здравствуй, Кот, хорошо, что пришёл, я ждал тебя. Ну что, какие новости?

Кот рассказал о прибытии Поля.

Руби, как всегда, немного помолчал, а потом погладил Кота и сказал:

– Ну, что же, теперь будем ждать. Ты молодец, очень мне помогаешь. Что бы я без тебя делал? Проголодался, наверное? Пошли, у меня для тебя что-то есть.

В пещерке было темно, но Кот прекрасно видел в темноте, хозяина отсутствие света тоже, как видно, не смущало.

Руби извлёк откуда-то бутылку с молоком и блюдце. Два раза он наливал Коту молоко, пока бутылка не опустела, а Кот не почувствовал блаженную сытость.

– Извини, больше ничего нет. Ты, наверное, ещё и продрог? Ночи холодные. Сейчас мы это исправим – и хозяин странного жилища положил в очаг блестящие чёрные камни (он их называл «уголь»), затем сухую траву на растопку, из двух кремней высек несколько искр, от которых затлела трава, а за ней и уголь. В пещере стало тепло и уютно. Кота стал смаривать сон. Он прилёг на коврик, который заботливый хозяин вытащил из-под топчана, и уже сквозь сон подумал: «Завтра с утра побегу в замок…»

2. Поль

После ухода Кота Поль продолжал стоять на обочине дороги и любовался закатным заревом, горой и чёрным силуэтом замка на её вершине. Гора, если честно, была не слишком высока, а замок не особенно большим, но это было неважно, Поль любил этот замок с детства и всегда им любовался. Сейчас он выглядел особенно величественно. Это зрелище, бесспорно, стоило того, чтобы ненадолго задержаться.

О чём может думать молодой человек, созерцающий такую картину? Правильно, он представлял себе, что если бы рядом была сейчас его любимая девушка, он мог сказать (с напускной небрежностью), указывая на чёрные очертания замка:

– Правда, красиво? Здесь испокон века жили мои предки.

Хотя родители и старались воспитать в Поле скромность, но, когда тебе двадцать лет, всё равно хочется выглядеть перед своей любимой в более выгодном свете. На самом деле, Поль никак не ощущал своё знатное происхождение. Кроме воспитания этому способствовало и то, что их род (один из древнейших в стране), давно разорился, растерял всё былое состояние. Остались только вот этот замок – памятник средневековой архитектуры, который был так стар, что мог в любой момент превратиться в руины, да дом в столице, Флизберге. Но что гораздо важнее, осталось чувство чести, не позволяющее совершать неблаговидные поступки, обманывать, присваивать чужое, унижать и презирать окружающих. Ясно, что с такими жизненными принципами укрепить своё материальное положение было почти невозможно. Поль и его отец были единственными представителями древнего дворянского рода Вундерстайнов. Большинства своих предков им стыдиться не приходилось. Фамилию прославили выдающиеся политические деятели и полководцы. И почти все они (насколько уходили вглубь истории корни генеалогического древа) жили на этой земле, в этом замке.

Гора, на которой он был воздвигнут ещё в раннем средневековье, находилась на самой границе их маленькой страны. Замок на протяжении многих столетий служил зорким часовым, не позволяющим вторгнуться через горный перевал захватчикам из соседней страны. Сейчас обе страны жили в мире, да и перевал давным-давно завален обрушившейся скалой, но были времена, когда соседи из-за гор очень стремились завладеть землями родины Поля. Здесь было больше равнин, пригодных для земледелия, а главное, был выход к морю. Вот почему, предки Поля много раз отражали вражеские набеги. И каждый раз страдал замок. Трудно сказать, сколько раз он горел, сколько раз был разграблен.

Краски неба постепенно угасали. Поль оторвался от созерцания замка и от размышлений. Сумерки сгущались, а поездка на машине по горной дороге, пусть и не слишком опасной, в полной темноте – аттракцион на любителя. Поэтому Поль поспешил сесть за руль, и автомобиль медленно пополз в гору.

3. Кот направляется в замок

Кот проснулся, когда в пещере было почти светло. Сквозь завесу плюща пробивались солнечные лучи. Вчерашнее беспокойство и усталость прошли без следа. Хозяин пещеры смотрел на Кота и улыбался.

– С добрым утром! – поприветствовал он своего гостя. – Извини, завтрака нет. Ну да в замке тебя накормят, я уверен. Ты ведь сейчас в замок побежишь? – и вдруг очень серьёзно произнёс: – Слушай, Кот, я знаю, ты меня понимаешь. Ты смышлёный и сообразительный. Я не могу сам быть в замке, поэтому прошу тебя быть моими глазами и ушами. Вдруг совершиться то, чего я так давно жду. Сейчас благоприятный момент. Что-то может произойти случайно, само собой, а что-то надо слегка подтолкнуть. Ту вещь надо найти. Если ты сможешь помочь, то поможешь не только мне, но и многим другим. Постарайся, ладно? Всё внимательно слушай и всё запоминай. Я в тебя верю. А если что-то будет непонятно, или ты не будешь знать, как поступить, приходи ко мне, расскажи всё, а я постараюсь дать совет.

Руби снова улыбнулся, достал гребешок и сказал:

– Дай-ка я тебя приведу в порядок, нехорошо являться в замок в таком виде.

Кот стоически претерпел вычёсывание из шерсти репьёв и приобрёл вполне пристойный вид. Они выбрались из пещеры, и Кот затрусил по дорожке, вьющейся вверх по склону горы. Маленький человек долго смотрел ему вслед.

4. Приезд

Когда Кот уже подбегал к замку, Поль только-только приоткрыл глаза. Накануне он въехал в ворота замка довольно поздно, но дворецкий Микельс поджидал его и вышел на звук автомобильного мотора. Сын Микельса, Брун вышел вместе с отцом и, поздоровавшись с Полем, сел за руль, чтобы отвести машину в гараж.

– Благодарю Вас, господин Поль, что вы приехали так быстро, – сказал дворецкий.

– Как отец, Микельс? – спросил Поль.

– Их сиятельство в том же состоянии, о котором я вам сообщил по телефону. Они в кабинете. Я сейчас доложу о вашем приезде. Они будут рады. Только, если вы не возражаете, им лучше было бы не говорить, что это я вас вызвал. Они разволнуются, да и мне попадёт.

– Не волнуйтесь, Микельс, я это и сам понимаю, – ответил Поль.

Они зашли в замок – не через главный портал – он был закрыт уже много лет, а через вход, который вёл в правое, сравнительно недавно (всего каких-то триста – четыреста лет назад!) пристроенное крыло, где, собственно, и были все жилые помещения и кухня. Только здесь топились камины, убирались помещения, только здесь протекала вся жизнь хозяев и слуг. Собственно, слуг было совсем мало: дворецкий Микельс, его жена Фанни, отменная повариха, старший сын Брун, выполнявший разные работы по хозяйству, его жена Сусанна, а также и младший сын Микельсов Тоби, который был всего на два года старше Поля.

В прошлом году граф Рольф Вундерстайн пригласил своего дворецкого в кабинет и обратился к нему со следующей речью:

– Ваша семья, Микельс, уже многие годы служит у нас верой и правдой. И я, и моё семейство высоко это ценим. Однако наши финансовые дела обстоят очень плохо. Я не хотел бы удерживать вас на службе за такое небольшое жалование, которое вы сейчас получаете, и не желал бы вас обманывать, обещая в будущем заманчивые перспективы. Поэтому хочу вам сказать, что, если будет таковым ваше желание, и вы найдёте работу, где получите условия, достойные вашей квалификации, я не только пойму это, но и дам вам самые лучшие рекомендации.

Микельс какое-то время молчал, а потом ответил так:

– Ваше сиятельство, я не думаю, что, говоря это, вы хотели меня обидеть или избавиться от нас. Но хочу вам сказать вот что: ваш род, конечно, древний, у вас есть родословные книги. А наш род их не вёл. Но только сдаётся мне, что всегда, с самого начала, рядом с вашими предками находились наши предки. И наши, как они называются, генеалогические что ли, деревья уже давным-давно сплелись и срослись так, что отделить их друг от друга невозможно. Поэтому, даже если вы вообще не будете нам платить, мы всё равно будем рядом, разумеется, если вы нас не прогоните. Да вы и не забыли, небось, сколько лет мы ждали вашего возвращения в самые трудные времена.

Да, это было. При всей своей сдержанности граф был очень тронут. Он подошёл к Микельсу, пожал ему руку и сказал, что его семье очень повезло иметь рядом таких даже не слуг, а друзей.

5. Горе

Этот разговор произошёл осенью прошлого года. Кто тогда мог предположить, что впереди их ждали большие испытания и большое горе, по сравнению с которым нехватка средств кажется сущим пустяком.

Графиня Глория Вундерстайн, мама Поля, была моложе своего супруга почти на пятнадцать лет, но это совершенно не ощущалось. Родители любили друг друга, причём не на показ, не на словах, а той молчаливой и верной любовью, когда становится понятным, что значит «иметь одну душу на двоих».

Графиня ничем серьёзным не болела, но часто испытывала слабость, что всегда объясняли её хрупким сложением. Однако, когда в начале зимы этот упадок сил стал настолько очевидным, что в иные дни она не могла подняться с постели, граф настоял на визите к врачу. Тот не сказал ничего определённого, но назначил множество исследований. Когда все они были проведены, медицинское светило пригласил к себе в кабинет графа и Поля (графиня оставалась дома).

То, что они услышали, сразило их. У графини обнаружилось очень редкое врождённое заболевание, до сих пор толком не изученное, так как таких больных можно пересчитать по пальцам. Лечить эту болезнь пока не научились. Протекает она практически бессимптомно, но подтачивает организм изнутри и проявляется около сорока лет. Тогда болезнь развивается стремительно, и никакие меры не могут предотвратить летальный исход.

Как-то, когда Поль был в университете, графиня попросила своего мужа выслушать её, ничего не возражая и не перебивая.

– Я не знаю, что вам сказал врач, но мне и не надо этого знать. Моя болезнь точь-в-точь похожа на ту, которая унесла мою маму примерно в этом же возрасте. Я даже прожила на два года дольше. У нас в роду это случается со всеми женщинами. К счастью, на мужчин болезнь не распространяется, так что за Поля я спокойна. Я хочу тебе сказать, что я была очень счастлива в моей, пусть и недолгой жизни, благодаря тебе и Полю. Поэтому, я очень прошу о двух вещах. Не надо сильно горевать, когда меня не станет. Я понимаю, вам будет тяжело, как и мне сейчас тяжело покидать вас. Но ещё тяжелее мне думать, что причиняю вам страдания, хоть и невольно. Поэтому, ради меня, постарайтесь преодолеть вашу скорбь. И второе, о чём я прошу. Не потеряйте взаимное доверие и любовь. Нет ничего лучше, чем когда между отцом и сыном есть дружба, поддержка и взаимопонимание. Обещай мне, что постараешься это выполнить. Я очень хочу, чтобы вы были счастливы.

Граф молча поцеловал супругу и пожал ей руку. И это было крепче любой клятвы. Граф не знал, говорила ли об этом графиня с сыном, но предполагал, что да.

Через неделю их семья осиротела.

6. Утро в замке

Итак, Поль проснулся. В комнате было темно, и было бы почти невозможно догадаться, что на дворе уже день, если бы не солнечный луч, пробивающийся через щель между тяжёлыми гардинами. В луче весело плясали тысячи пылинок (почему их видно только когда кругом темно?) Каждая пылинка светилась, как крохотная звёздочка. Поль вспомнил, как фантазировал в детстве, будто бы все эти пылинки на самом деле – звёзды и планеты. И на них живут крохотные человечки. Поль задавал себе вопрос, а видят ли они нас, и если да, то что о нас думают?..

Потом его мысли переключились на вчерашний вечер. Отец обрадовался его приезду.

– Я тебя не ждал, ты же написал, что приедешь через неделю. Но очень, очень рад. Мне нужно рассказать тебе одну важную вещь. Я думаю, сегодня уже поздно, давай завтра утром, после завтрака. Микельс, соберите господину Полю поужинать и приготовьте ему комнату.

– Папа, я поем на кухне, Фанни мне что-нибудь соберёт. Да я и не хочу есть. Я устал, хотел бы побыстрее лечь.

– Хорошо, тебе нужно отдохнуть. Спокойной ночи, Поль.

– Спокойной ночи, папа.

На кухне было тепло и уютно. На столе уже было накрыто. Фанни Микельс, жена дворецкого, встретила своего любимца Поля с радостной улыбкой. В детстве она была его няней. А сейчас на ней было приготовление пищи и, надо признаться, делала она это замечательно. У неё был кулинарный талант, любое блюдо, даже самое простое, выходило из её рук необыкновенно вкусным.

Поль был тоже очень рад встрече, он обнял и поцеловал Фанни, так, что она почти прослезилась.

Пока Поль ел, Фанни стояла и смотрела на него, готовая каждый миг положить добавки или подлить чая.

Внимание Поля привлекла стоящая в углу корзинка, в которой возлежала белая кошка Мисси. Она появилась в замке в прошлом году, когда развелось много мышей. Мисси оказалась хорошей охотницей и наводила страх на всю мышиную братию.

Вдруг Поль услышал слабое попискивание, которое доносилось из корзинки.

Госпожа Микельс перехватила его взгляд и пояснила:

– У нашей Мисси котятки появились.

Поль подошел к корзинке и увидел, что под тёплым боком Мисси возятся три крошечных котёнка, у которых только что открылись глаза. Один был чисто белый, как мамаша, второй – белый с рыжими пятнышками, а третий – чисто рыжий, только мордочка и чулочки были белыми.

Увидев, что на её потомство смотрят, Мисси стала энергично облизывать котят, одновременно бросая на Поля тревожные взгляды.

– Всё, ухожу, ухожу, не волнуйся, – рассмеялся Поль.

В кухню зашёл дворецкий.

– Сейчас поздно, господин Поль. Вы устали. Я завтра зайду к вам пораньше, и мы тогда поговорим. Утро вечера мудренее. Ваша комната готова. Желаю Вам хорошего сна.

Поль поднялся в свою спальню. Камин был затоплен, в комнате было тепло. Постель тоже была согрета. Только сейчас Поль почувствовал, как он устал. Он едва добрался до кровати и сразу провалился в сон.

7. Боль утраты

А сейчас Поль лежал, мысли его текли неторопливо. Воспоминания переплетались с мыслями о будущем.

В последнее время их семья редко бывала в замке. Учёба Поля, работа (до недавнего времени) графа Вундерстайна, плохое здоровье графини делали поездки в замок всё более редкими и непродолжительными. Не следует удивляться тому, что граф Вундерстайн работал. Он не только носил графский титул, но и был известным учёным-историком, читал на кафедре университета курс лекций по отечественной истории (он был её непревзойдённым знатоком), написал несколько книг. Но в нём всегда теплилась надежда, что придёт время, когда он сможет всё бросить, уйти с кафедры и заняться изучением уникального семейного архива, охватывающего несколько столетий и чудом избежавшего всех пожаров и катаклизмов. Когда графиня тяжело заболела, он решился и написал заявление об уходе с кафедры. Его уговаривали остаться, но не слишком настаивали, понимая, что графу хочется побыть около умирающей жены.

Когда графини не стало, надо было жить дальше. Поль отстал от учёбы и стал навёрстывать упущенное, пропадая целыми днями в библиотеках – не за горами были экзамены. Он заканчивал первый курс филологического факультета. Поль хорошо знал и любил литературу и мечтал стать писателем. А мечтой отца было видеть сына историком, продолжателем его дела. На этой почве у них даже вышла размолвка, но графиня убедила мужа, что человек находит радость только в том деле, к которому имеет призвание. И отец смирился и принял выбор сына.

Характеры графа Рольфа Вундерстайна и его сына Поля сильно различались. Поль был романтиком и фантазёром с открытым, мягким, но немного ранимым сердцем. Граф Вундерстайн, напротив, был сдержанным и даже суховатым (с теми, кто ему не нравился), предпочитал реалистический взгляд на жизнь. Такая разница возникла, скорее всего из-за разных условий, в которых формировались их характеры. Поль рос в обстановке семейной любви, доверия и понимания и был, что называется, «домашним» ребёнком. Граф Рольф Вундерстайн, напротив, в шестилетнем возрасте потерял родителей, после чего ему пришлось пережить много тяжёлых, травмирующих сердце ребенка, событий.

Итак, пока Поль штудировал и конспектировал учебники и первоисточники, граф Вундерстайн все дни проводил в одиночестве (не считая слуг, которые старались не беспокоить графа и редко попадались на глаза без необходимости). А он буквально ничем не мог отвлечься от печальных воспоминаний. Всё время ему казалось, что дверь откроется и войдёт Глория. В какую бы комнату он ни заходил, везде ему бросались в глаза вещи, напоминающие об усопшей. Вот рояль, на котором она любила играть, напевая вполголоса… Вот её любимое кресло… Вот её портрет на стене…

В какой-то момент граф понял, что надо сделать что-то решительное, иначе он не сможет сдержать слово, которое дал супруге перед смертью.

За ужином он спросил сына:

– Ты не будешь против, если я уеду в замок? Я бы мог начать разбирать архивы, это отвлекло бы меня. Ты знаешь, я давно собирался это сделать. А ты приедешь, когда сдашь экзамены. Тебе тоже не помешает сменить обстановку.

Поль и сам в последнее время испытывал беспокойство за отца, видя, как тот осунулся и сдал. Он охотно поддержал графа, понимая, что сейчас все равно не смог бы уделить отцу много внимания, в котором тот так нуждался. Поль также настоял, чтобы все слуги тоже уехали в замок. Решили, что завтраки и ужины Поль будет заказывать на дом, а обедать – в студенческом кафе. Для уборки пригласили пожилую женщину, которую они нанимали для этого уже не один раз.

И вот, с отъездом графа и слуг, дом опустел. В нём стало тихо и темно (поскольку Поль возвращался довольно поздно).

Поль ужинал и ложился спать, чтобы утром, наспех позавтракав, снова бежать в университет. Когда на него накатывали печальные воспоминания, он говорил себе, что лучшее, что он может сделать в память о маме, это продолжать учиться, зная, что это её порадовало бы.

8. В библиотеке

Мог ли Поль предположить, что вскоре его жизнь круто изменится? И случилось это в библиотеке.

Как уже говорилось, Поль очень любил книги. Он много размышлял о том, какую роль сыграла в жизни людей письменность.

Тысячи лет люди не могли закрепить свои слова и мысли для того, чтобы передать их следующим поколениям. Как часто приходится читать: «Эта техника утрачена… Об этом народе никаких сведений не сохранилось… Учёные предполагают, но письменного подтверждения нет…» И тому подобные высказывания.

Народы жили, делали открытия, пользовались ими, но потом те, кто владел этими знаниями, умирали, не передав их потомству, и знания утрачивались. Проходили годы, а может быть, даже и века, открытие делалось повторно, и история повторялась. Развитие человечества буксовало на месте или продвигалось вперёд крохотными шажками. Передаваемые устно знания искажались, что было неизбежно, так как каждый их носитель мог что-то забыть, перепутать или добавить от себя и не всегда в лучшую сторону. Что говорить о преданиях, легендах, да и об исторических сведениях! До нас из дописьменной эпохи дошли крохи.

Конечно, гениальная идея запечатлевать слова на материальных носителях (будь то глиняные таблички, или береста, или пергамент, или ещё что-то) пришла в голову не одному человеку и не сразу. Но каждого из них можно смело считать гением. Это был прорыв. Цивилизация ринулась вперёд семимильными шагами. Очень скоро (в масштабах истории) возникли книги. И вскоре нашлись люди, которые стали собирать их в библиотеки. Конечно, пока не было изобретено книгопечатание, книга была предметом роскоши, иметь её мог не всякий. К тому же, рукописные книги не были свободны от ошибок переписчиков.

Когда же книги стали доступны всем, и неграмотных людей почти не осталось, мы перестали осознавать, какое это чудо – книга. В самом деле: человек держит перед собой белый листок, испещрённый чёрными значками. Но видит он не это. Перед его внутренним взором проходят картины жизни различных людей, он следует вместе с ними по их жизненному пути, переживает за их судьбу, смеётся и горюет вместе с ними. Читатель может путешествовать по разным странам, под водой и под землёй, в космическом пространстве и на далёких планетах, в прошлом и в будущем. Или вслед за автором вникает в сложные научные проблемы, постигает тайны природы. Или обучается основам ремесла или искусства. Давно умершие и ныне живущие авторы беседуют с читателем со страниц своих книг, где бы и когда бы эти читатели ни жили.

Тишина и величие библиотек всегда завораживали Поля. Они напоминали ему храмы. И там, и там разговаривают только шёпотом, чтобы ничто не нарушало общение людей с Богом или с книгами.

И вот, именно в библиотеке произошла встреча, изменившая его жизнь.

9. Встреча

День был пасмурным. На столах читального зала библиотеки горели лампы. Они отбрасывали жёлтые круги на страницы книг. А всё остальное было погружено в полумрак. Поль тоже склонился над книгой. Завтра последний экзамен. От множества наскоро прочитанных страниц в голове была какая-то каша. Полю подумалось: то, что происходит в его мозгу, напоминает квартиру сразу после переезда. Вещи все здесь, в коробках и тюках, но попробуй, найди что-нибудь! Поль мысленно приказал себе сосредоточиться и снова склонился над страницами. Кругом была тишина, которую нарушал только шелест страниц и иногда – шёпот у стола выдачи книг. И вдруг из туч выглянуло солнце и сразу осветило читальный зал. Поль машинально поднял голову и огляделся. Его взгляд упал на девушку, получавшую от библиотекаря стопку книг.

«Тоже, видимо, экзамен на носу», – подумал Поль. Внешне это была самая обыкновенная девушка: не красавица, и не дурнушка, одета была скромно, Поль взглянул девушку и сразу же забыл о ней. Он снова опустил глаза на страницы книги. Но не успел прочесть и двух строчек, вдруг услышал:

– У вас здесь свободно? Можно?

Поль с готовностью подвинулся, освобождая место для девушки, и она положила на стол свои книги. Поль скользнул взглядом по обложке той книги, которая лежала сверху, и оторопел: он увидел имя своего отца. Более того, ниже был изображён их фамильный герб. Такой же был высечен из камня над главным входом в замок и снаружи, и изнутри. Книга называлась «Геральдика Мединленда». Конечно, Поль знал, что отец написал такую книгу, держал её в руках и листал. Но вот то, что этой книгой может заинтересоваться ещё кто-нибудь, как-то не приходила ему в голову (он, честно говоря, считал такие книги скучноватыми), а тут вдруг его ровесница, кажется, собирается ее штудировать. Он не удержался и прошептал:

– Эту книгу написал мой отец. А это – наш герб.

Тут пришла пора удивляться девушке:

– Вы – граф Вундерстайн?

– Нет, я его сын, и не хочу становиться графом как можно дольше.

Девушка кивнула. Она, очевидно, поняла, что титул в семье Поля наследуется (имелись ещё и титулы, которые присваивались от рождения), и поняла, что Поль хочет, чтобы его отец ещё долго был жив и здоров.

Они перебросились ещё парой фраз и вдруг услышали покашливание. Библиотекарь смотрела на них с укоризной, покачивая головой и, поднеся палец к губам, призывала к тишине. Поль позанимался ещё с час. Прочитанное никак не откладывалось в его голове, почему-то все мысли возвращались к девушке. Он то и дело бросал на неё быстрый взгляд. Она сидела, не отрываясь от книги, но, когда Поль не смотрел на неё, он сам ощущал на себе её взгляды.

Поль поднялся, собрал свои книги и тетради и, уходя, шепнул девушке (неожиданно для себя самого):

– Я подожду вас на улице, около входа.

К его удивлению, девушка ответила, как будто ждала этой фразы:

– Хорошо, я постараюсь побыстрее.

10. Иолла

Пока Поль ждал девушку на скамейке около входа в библиотеку, он пытался разобраться в своих чувствах. Версию о том, что девушка чем-то его зацепила, Поль отверг, как маловероятную. Девушка самая обыкновенная, да и не то у него настроение, чтобы заглядываться на кого-то. Скорее всего, решил он, просто захотелось похвастаться: вот, мол, мой отец граф и учёный, автор книг по истории. Да и род мы древний, вот герб, смотрите. Полю стало стыдно. Родители с детских лет внушали ему, что нет никакой его заслуги в том, что он родился в знатной семье. С таким же успехом мог родиться у незнатных и небогатых родителей, тогда пробиваться в жизни было бы значительно труднее, так что с уважением надо смотреть на тех, кому приходится это делать самостоятельно.

Поль хотел уйти, чтобы не краснеть за своё поведение, если девушка поняла это так же, как он. Потом он решил остаться и попытаться исправить то впечатление, которое наверняка произвёл на незнакомку.

Вообще-то у Поля было мало опыта в общении с девушками. Сначала было домашнее воспитание, затем закрытый мужской лицей. На улице Поль не знакомился – считал неприличным. В обществе, где было бы много девушек, бывал очень редко. Вообще он был домосед и мечтатель. Будущая любовь казалась ему волшебным и неземным чувством.

На первом курсе литературного факультета преобладали юноши, но девушки были тоже. Пока Поль осматривался, не решаясь подойти и познакомиться, более бойкие студенты уже нашли себе подруг.

На курсе выделялась одна девушка. Взгляды всех молодых людей были обращены на неё. Звали девушку Иолла Терс. Она была единственной дочерью крупного банкира (кто же не знает банка «Терс и компания»? Впрочем, «компании» не было, отец Иоллы распоряжался банком практически единолично). Девушка была очень красива и хорошо сложена, одевалась по последней моде, держалась гордо и независимо, была остра на язык. Вдобавок, она была поэтесса. Поль ещё только мечтал о том, как он будет писать книги, а у Иоллы уже вышла книга стихов. Правда, девушки, которые единодушно её недолюбливали, говорили, что книга издана полностью на деньги отца и в магазинах спросом не пользуется. Но это не отменяло впечатления, когда Иолла доставала из сумочки книжечку своих стихов (у неё они всегда были в наличии) и дарила, снабдив автографом: «С любовью, от автора».

Каково же было удивление Поля, когда она однажды на перемене сама подошла к нему и с улыбкой начала разговор. Она сказала, что ей очень приятно познакомиться с представителем древнего и славного рода, о котором столько слышала и читала. Затем стала рассказывать о себе и тут же подарила Полю свою книгу.

К слову сказать, стихи в сборнике были разные. Некоторые Полю нравились, в них было чувство, и мысль, и ещё что-то, что превращает рифмованные строки в настоящие стихи. Но в других стихотворениях ветреная Муза улетала от поэтессы и тогда они становились ремесленными виршами на тему: «Любовь – кровь, страсть – пропасть и страдаю – не знаю». Но Поль сказал себе: «Ты и таких не напишешь». Хотя, если сказать правду, Поль иногда сочинял стихи, и даже записывал их в тетрадку, которую никому не показывал. Он считал, что его стихи несовершенны, но поскольку они рождены были в его душе, то он очень боялся критики. Ведь если кому-то не понравятся его строки, не будет ли это означать, что такая оценка относится и к сокровенным струнам его души?

С того дня, когда Иолла подарила Полю свою книгу, начался их непродолжительный роман. Сначала всё было неплохо. Но царапали иногда душу какие-то мелкие детали, слова. Так, однажды Поль пригласил её покататься на автомобиле. Далеко не в каждой семье была машина, а вот у Вундерстайнов их было даже две (да ещё одна в за́мке), но обе довольно ста-

рые, приобретённые ещё до войны. Сейчас не было никакой материальной возможности обновить свой автопарк, да, признаться, в этом не было необходимости. Машины были на ходу и всех устраивали.

Увидев автомобиль Поля, Иолла иронически сморщила носик и насмешливо произнесла:

– Вот не знала, Поль, что вы любитель ретроавтомобилей. Однако я боюсь в него садиться. Вы уверены, что он не развалится? Советую вам не держаться за старьё, а купить новую модель. Отец недавно приобрёл две недурные машинки. Одну – мне лично.

Они всё-таки поехали, но у Поля остался неприятный осадок.

В другой раз Поль пригласил её в кафе, но Иолла, передёрнув плечиками, сказала:

– Я в такие забегаловки не хожу. Пойдёмте лучше в «Диамант»

«Диамант» был самым дорогим рестораном столицы. Скромный ужин на двоих там стоил больше, чем месячный бюджет семьи Вундерстайнов. Поль не знал, как объяснить девушке, что он не в состоянии водить её по таким ресторанам.

Однажды Иолла высказала желание познакомиться с его родителями. Поль уже имел некоторое представление о характере и жизненных воззрениях Иоллы, и ему не очень-то хотелось приглашать её к себе домой. Но не нашёл предлога отказать, и, договорившись с родителями, привёл Иоллу в небольшой особнячок в стиле модерн, где жили графы Вундерстайны последние 60 лет. До этого они владели большим, но по рассказам очень неудобным домом (скорее, даже дворцом). Содержать такой дом было не по карману, поэтому, когда в процессе реконструкции улицы, на которой он располагался, его потребовалось снести, дед нынешнего графа, не раздумывая, согласился, а на выплаченную компенсацию купил небольшой двухэтажный особнячок, очень красивый, очень уютный, где сейчас и жило семейство Поля. Поль любил свой дом, но иногда жалел о сносе старинного, даже древнего дворца, наверняка хранившего в своих стенах легенды и предания о многих поколениях его предков.

Иолла вела себя в гостях на редкость скромно и сдержанно. После обеда она сразу засобиралась домой и попросила Поля проводить её. Когда они вышли, всю её сдержанность как рукой сняло. Она стала критиковать всё, что увидела в доме Поля. В таких интерьерах уже давно никто не живёт! Мебель давно пора поменять! Почему один и тот же слуга и открывает двери, и прислуживает за столом? И почему у него потёртый сюртук? Слуг надо одевать прилично! И многое ещё она говорила, от чего у Поля горели уши. Он только и смог ответить:

– Каждый живёт так, как может и как ему нравится.

Родители ничего не говорили, но Поль почувствовал, что Иолла им не очень понравилась, хотя Поль и не рассказывал им о ней того, что его смущало.

Поль как-то поведал Иолле про старинный замок, принадлежащий их роду, не скрыл и того, что он требует серьёзной реставрации.

На следующий день Иолла сказала:

– Я говорила с отцом о вашем замке. Он сказал, что нет никакого смысла вкладывать деньги в реставрацию старой рухляди. Его надо просто разобрать на кирпичи и продать их фермерам на хозяйственные постройки. Это единственный экономически приемлемый вариант.

Поль возразил:

– Замок построен не из кирпича, а из дикого камня. Это же раннее средневековье.

– Тем более, – отрезала Иолла. – Глупо держаться за такое старьё!

Поль предпочёл не продолжать разговор.

А потом произошёл случай, положивший конец их отношениям. Иолла пришла в тот день на занятия в потрясающе красивом платье из зелёного панбархата. Юноши не отводили от неё восторженных взглядов, а девушки – завистливых.

После занятий Иолла предложила Полю прогуляться. Он не сводил глаз со своей спутницы и не заметил, как они оказались перед дверями ювелирного магазина. Прежде, чем Поль

что-то сообразил, они уже были внутри. Продавец приветствовал Иоллу как хорошую знакомую, а вскоре появился и владелец магазина, который сам занялся обслуживанием красавицы.

Он сделал комплимент ей и её туалету, но Иолла возразила:

– Ансамбль не завершён. Вы же видите, здесь чего-то не хватает.

– Да, безусловно, – согласился ювелир, – но это легко исправить. Я недавно получил гарнитур с изумрудами. Мне кажется, он просто создан для вас.

И он выложил на прилавок удлинённый футляр. Внутри на белом атласе покоились колье и серьги из крупных изумрудов в филигранной золотой оправе.

– Какая прелесть! – воскликнула Иолла и попросила разрешения примерить.

– Поль, Поль! Смотрите как красиво! Правда, мне идёт?

После этого Иолла спросила цену, и когда ювелир её назвал, у Поля потемнело в глазах.

– Как жаль, – огорчилась Иолла. – У меня сейчас нет с собой такой суммы. А чековую книжку мне отец пока не даёт, знает, что я люблю всё красивое, вмиг всё истрачу. Поль, может быть, вы выпишете чек? Я потом верну.

Поль пробормотал, что забыл чековую книжку дома (на самом деле, её у него никогда и не было).

– Я так и предполагала, – сердито сказала Иолла и попросила ювелира отложить гарнитур. – Отец обязательно мне его купит. Он мне не ни в чём не отказывает!

– Безусловно, мадемуазель Терс, кому же носить такие камни, как не вам. Ваши красота и молодость должны иметь соответствующее обрамление.

Они вышли из ювелирного магазина, Иолла сухо попрощалась, взяла такси и, не оглянувшись, уехала.

А Поль задумчиво пошёл домой, рассуждая сам с собой, так ли он влюблён, чтобы связывать с Иоллой свою судьбу.

На следующий день Поль случайно задержался у дверей в аудиторию (развязался шнурок) и вдруг услышал голоса. Это была Иолла и двое парней с его курса. Они смеялись. Иолла говорила:

– Представляете, какой жадина! Пустяшный подарок для своей девушки купить – денег пожалел! Только и слава, что род древний! А сам свой род позорит. Жалко, нельзя титул купить, а то, кто бы на него смотреть стал!

Снова раздался взрыв смеха. О чём они говорили дальше, Поль не слышал. Он отошёл от дверей, постоял у окна, сказал себе, что он дурак, если сразу не понял, чего от него надо Иолле, и сам удивился, как легко вдруг стало на душе. Потом он вошёл в аудиторию, поздоровался со всеми, но Иоллу искать глазами не стал. Так закончился их роман. Вскоре заболела мама Поля, и ему стало не до ухаживаний и новых знакомств. Но в душе завёлся червячок, который время от времени напоминал ему, что девушкам нужен не он сам, а его титул.

Вот с такими мыслями и ждал Поль выхода неизвестной девушки.

11. Полина

Поль так задумался, что в первую секунду не заметил, что девушка, которую он ожидал, вышла из дверей библиотеки и легко спускается по ступенькам крыльца, направляясь прямо к его скамейке. Поль вскочил и изготовился произнести слова извинения, но девушка его опередила:

– Извините, что заставила вас ждать, я взяла несколько книг, чтобы позаниматься дома. У меня послезавтра экзамен.

– А у меня завтра.

– Тогда тем более извините, что отняла у вас время.

– Пустяки, всё равно у меня уже ничего не помещается в голову, лучше немного отвлечься. Иногда это помогает лучше, чем зубрёжка всю ночь накануне экзамена.

– Согласна. Но я вас, всё-таки, надолго не задержу. Я только хотела спросить вот о чём: в первом семестре курс отечественной истории нам читал ваш отец. Но почему-то во втором полугодии его сменил другой преподаватель. Сказали, что профессор Вундерстайн уволился. Если это не слишком дерзко с моей стороны, я хотела бы узнать, что случилось, и вернётся ли профессор Вундерстайн в университет? Все студенты, в том числе и я, очень любили его лекции.

Поль в нескольких словах рассказал о болезни и смерти матери, и о том, что сейчас его отец решил посвятить своё время изучению старого семейного архива.

– Это очень грустно. Примите мои соболезнования, господин Вундерстайн.

– Ну зачем так официально. Зовите меня по имени. Разрешите представиться – Поль.

На лице девушки возникло выражение, которое очень смутило Поля: брови удивлённо приподнялись, на губах появилась улыбка, которая показалась ему иронической.

– Вам не понравилось моё имя?

– Что вы, напротив. Просто удивительно, что мы с вами почти тёзки. Меня зовут Полина. Полина Петерс.

– Очень приятно.

Поль вдруг почувствовал, что ему ужасно не хочется сейчас возвращаться в свой пустой дом, ужинать в одиночестве. И он пригласил Полину в кафе.

– Соглашайтесь, много времени это не займёт. А я потом провожу вас домой. А то у меня дома сейчас ни души. Вы не представляете, как это угнетает.

И Полина, к радости Поля, согласилась.

Они пошли. Поль взял у девушки портфель и в душе обругал себя, что не сделал этого раньше. Портфель был очень тяжелый.

12. Начало

Они зашли в маленькое кафе неподалёку от библиотеки и сели за столик на двоих. Поль сделал заказ. Они болтали друг с другом так, будто были давно знакомы. Поль обычно переживал за своё поведение в обществе (это всё его мнительность!). Ему вечно казалось, что он что-то не то сказал, не так сделал. Но сейчас он чувствовал себя легко и свободно.

Полина рассказала, что она, как и Поль, заканчивает первый курс, только не филологического, а исторического факультета, что живёт с родителями и братом Робом, который моложе её на два года и через год заканчивает колледж. Отец работает учителем в колледже, а мама – домохозяйка. Полина подрабатывает, потому что семья копит деньги на высшее образование для Роба – он мечтает стать геологом или минерологом. Она перепечатывает бумаги на машинке и делает переводы с французского, поскольку неплохо знает этот язык. А в этом году ей очень повезло. На кафедре ей предложили принять участие в раскопках недавно обнаруженного древнего города. Во-первых, это очень интересно, Полина всегда об этом мечтала, во-вторых, работа неплохо оплачивается. Осталось сдать два экзамена, а потом через два – три дня она уезжает в экспедицию.

В планах Поля было сразу же после сдачи последнего экзамена уехать в замок. Он беспокоился за отца, да и одиночество угнетало его.

Но сейчас Поль вдруг решил, что может на несколько дней отложить свой отъезд. Послезавтра Полина сдавала экзамен, а через день – ещё один. После этого ещё несколько дней до отъезда на раскопки. Всего – не больше недели.

Полина жила в отдаленном районе. Её квартира располагалась в четырёхэтажном, довольно мрачном с виду доме.

Поль проводил новую знакомую до подъезда. Они договорились, что встретятся послезавтра в Восточном парке в три часа. Экзамен у Полины уже должен был закончиться.

Современный читатель даже представить не может, как непросто было договориться о встрече в ту эпоху, когда о мобильных телефонах никто даже не мечтал, да и домашние телефоны были у немногих. Сколько встреч не состоялось, столько людей потеряли друг друга навсегда только потому, что обстоятельства внезапно изменились, а сообщить об этом было невозможно!

Поль был рад тому, что он теперь знал, где живёт Полина и где учится, в крайнем случае, если она не придёт в парк, он сможет её найти. Домашнего телефона у Полины не было. Да и у Вундерстайнов телефон появился только два года назад. В замке о телефоне не приходилось и мечтать, поэтому звонить было особо некуда. Поль записал номер своего телефона на бумажке и отдал Полине (на всякий случай, как сказал он).

Они простились, и Поль отправился домой. Впервые за несколько месяцев на душе у него было светло и спокойно.

13. Родственные души

Экзамен Поль сдал на отлично. С ним на экзаменах всегда было так. Все волнения заканчивались, как только в руках оказывался экзаменационный билет. Вопросы казались ясными и простыми. Поль всякий раз радовался, что вытянул то, что лучше всего знает. Но, скорее всего, он просто хорошо знал весь предмет, а сосредоточив память не на всём материале, а на конкретных вопросах, он понимал, что легко справится с ними.

В одиннадцать часов он уже был свободен. Общаться ни с кем не хотелось, чувства, которые его переполняли, он всё равно не стал бы ни с кем обсуждать, а говорить ни о чём другом он просто не мог.

Поль пошёл домой, но и там не мог усидеть, решил немного погулять, и ноги сами принесли его в парк, на место завтрашнего свидания.

Он всё же заставил себя зайти на почту и написать письмо отцу. Поль сообщил, что успешно сдал последний экзамен, но у него остались кое-какие дела в университете, поэтому он на недельку задержится. Он знал, что это известие огорчит отца, но объяснять ничего не стал, не хотел сочинять отговорки.

Потом Поль возобновил свои скитания по городу. Он даже не замечал, где носили его ноги. Мысли были далеко, а день тянулся так медленно, что казалось, что завтра не наступит никогда.

Поль пытался понять, что с ним произошло. Ещё вчера в это время он не знал никакой Полины. Что в ней его так зацепило? Внешность? Она не была дурнушкой, но не была и красавицей, такой, как Иолла. Одета она была скромно. Не кокетничала, как многие девушки, держалась просто и естественно. Это-то и нравилось Полю больше всего. Наконец он нашёл главное: они – родственные души. Это, как в музыке. Мама как-то объясняла Полю, что одни звуки образуют гармоничные, приятные для слуха созвучия, а другие нет. Да, Поль почти слышал, как его душа поёт, сливаясь с мелодией, которая звучит в душе девушки. И он решил, что приложит все силы, чтобы удержать Полину около себя на всю жизнь. Его огорчала скорая разлука. Вдруг на раскопках она встретит другого, кто ей понравится больше Поля? Да и нравится ли ей Поль? Возможно, она согласилась на встречу, чтобы поговорить о профессоре Вундерстайне, своём любимом преподавателе?

От этих мыслей Поль совсем извёлся. День, тем не менее, подходил к концу. Поль решил лечь спать пораньше, но сон всё не приходил. Он ворочался с боку на бок, потом всё-таки задремал и проснулся от того, что в комнате стало почти светло.

За час до назначенного времени он уже был на назначенном месте. В руках Поль нервно крутил букетик фиалок. Трогательные цветочки с нежным ароматом по его представлениям гораздо больше подходили Полине, чем чопорные розы или экзотические орхидеи.

Когда Полина появилась в конце аллеи, Поль вскочил и пошёл к ней навстречу. Она пришла вовремя (в отличие от Иоллы – та всегда опаздывала и при этом каждый раз говорила, что женщина должна опаздывать, а мужчина должен ждать).

Полина, кажется, тоже была рада встрече. Фиалки ей, очевидно, понравились, она то и дело подносила их к лицу и вдыхала тонкий свежий запах.

Экзамен Полина сдала на отлично, и для неё это было гораздо важнее, чем для Поля, потому что для отличников плата за обучение снижается на треть.

Поль впервые понял, что то, что в их семье считалось скромным достатком, для других могло быть сущим богатством. Никогда он не задумывался над тем, хватит ли денег на его обучение, а в семье Полины найти средства на образование двух детей было непросто.

Разговор перескакивал с одного предмета на другой. Поль и Полина рассказывали о своих интересах, увлечениях, о разных случаях из жизни, о родных. Полина спросила, когда Поль

уезжает в замок. И ему показалось, что она обрадовалась, узнав, что Поль решил отложить поездку на несколько дней.

Назавтра Полина собиралась готовиться к экзамену, и они договорились о встрече на послезавтра в то же время.

Следующий день Поль провел в переживаниях своих чувств и только под вечер решил сходить погулять.

Когда он вернулся, было уже совсем темно. Ещё в холле Поль услышал телефонный звонок. Первая мысль была: «Это Полина!»

Но в трубке раздался далёкий мужской голос. Он не сразу сообразил, что это звонит их дворецкий Микельс.

– Добрый вечер, господин Поль. Наконец-то я дозвонился до вас.

– Добрый вечер, Микельс. Что случилось? Что-нибудь с отцом?

Страх Поля был объясним. В замке телефона не было. Чтобы позвонить, надо было добраться до почтового отделения в маленьком городке, раскинувшемся у подножия горы и носившего такое же название, как и их фамилия (раньше это была родовая вотчина графов Вундерстайнов).

Для того, чтобы в сумерках спускаться с горы, а потом проделывать обратную дорогу такому немолодому человеку как Микельс, нужны были серьёзные причины.

– Не волнуйтесь, господин Поль. Их сиятельство здоровы. И всё же, их состояние меня очень беспокоит. Они совсем мало кушают, почти не спят, то целый день сидят в библиотеке и роются в книгах, то начинают блуждать по замку, и как-то странно всё осматривают. Мы получили ваше письмо. Извините мне мою дерзость, но я вас очень прошу приехать как можно скорее.

– Конечно, конечно, Микельс, я постараюсь приехать завтра вечером, в крайнем случае, послезавтра. Передайте отцу привет от меня.

– Господин Поль, их сиятельство не знают, что я решил вам позвонить. Боюсь, они будут очень недовольны, что я взял на себя смелость обратиться к вам за помощью. Прошу вас не говорить им.

– Микельс, вы всё сделали правильно, и я вам очень благодарен. Ждите, я скоро буду.

– Благодарю вас, господин Поль. Желаю вам благополучного пути.

И в трубке раздались короткие гудки.

Этот звонок очень расстроил Поля. Он любил отца и ругал себя за то, что думает только о себе. А ведь уже два дня он мог быть рядом с отцом в такое тяжёлое для него время.

14. Отъезд

С вечера Поль собрал свои вещи, а на следующий день с утра сел в машину и поехал к корпусу исторического факультета. Он не мог уехать, не предупредив Полину. Экзамены ещё не начались, но студенты уже потихоньку собирались у дверей аудиторий, где им предстояло сдавать экзамены. Почти все лихорадочно листали учебники и конспекты и ничего вокруг себя не замечали.

Поль быстро разузнал, где сдаёт экзамен группа Полины. Она была уже там и очень удивилась, увидев Поля. Тот наскоро извинился и в двух словах объяснил причину своего внезапного появления и необходимость скорейшего отъезда. Полина его поняла и поддержала. Она сама поступила бы точно также в подобных обстоятельствах.

Поль дал ей адрес для писем, но попросил писать не в замок, а до востребования на почту городка Вундерстайн. Он объяснил Полине, что почту в замок доставляют очень редко. Это была половина правды. Ему почему-то не хотелось расспросов отца (а, может быть, и молчаливой заинтересованности слуг). После визита Иоллы Полю казалось, что все будут считать его либо ветреником, то и дело меняющим девушек, либо неудачником, около которого девушки долго не удерживаются. Ну и потом, его самого удручала мысль, что не слишком-то красиво заводить роман вскоре после траурных дней. Все могут подумать, что он не способен на глубокие чувства и слишком быстро забыл маму.

Они попрощались. Поль сказал, что будет ждать писем, и Полина обещала писать.

После этого Поль, не заезжая домой, отправился в замок.

15. На кухне

Пока Поль лежал под одеялом в своей комнате и перебирал воспоминания, Кот добежал известными ему тропинками до замка, юркнул в полуразрушенные ворота, пересёк площадь перед центральным порталом, завернул за угол и устремился к входу в кухню.

Этот путь был хорошо знаком Коту. Сейчас, попав на территорию замка, Кот припомнил их с Мисси любовь и удивился, почему в последнее время совсем забыл о ней. Пожалуй, она обиделась. Но, в самом деле, не мог же он целые дни проводить подле неё, у него есть и другие дела!

Кот проскользнул в длинную прихожую, куда выходили двери кладовых, и в нос ему ударил соблазнительный запах различных припасов, там хранящихся.

Но ещё вкуснее пахло из кухни, куда осторожно вступил Кот.

Кухарка, стоя к нему спиной, хлопотала у плиты. Она не заметила Кота. Но и сам Кот недолго смотрел на госпожу Микельс. Его внимание привлекла Мисси, вальяжно развалившаяся в корзинке. Её взгляд не предвещал Коту ничего хорошего.

– Здравствуй, Мисси, хорошо выглядишь. Извини, что долго не заходил, дела, знаешь ли… – пробормотал Кот, приближаясь к корзинке.

Внезапно Мисси вскочила, прижала уши к голове, дугой выгнула спину и угрожающе зашипела. Её когтистая лапа замахнулась в нескольких сантиметрах от морды Кота. Он отпрянул, хоть и был неробкого десятка.

В этот миг Кот заметил, что на дне корзинки копошатся несколько меховых клубочков, которые, к тому же, тоненько запищали, потревоженные поведением Мисси.

– Мисси, что ты! Ну не сердись! И зачем ты притащила этих пискунов?

Все их разговоры привлекли, наконец, внимание госпожи Микельс. Она отложила поварёшку и схватила веник, что не предвещало для Кота ничего хорошего. Он попятился и приготовился к бегству.

На его счастье, в этот момент на кухню зашёл Тоби с охапкой дров. Он сложил их у плиты и увидел, что его родительница решительно наступает на Кота со словами: «А ну, брысь отсюда!» Тоби остановил позорное изгнание:

– Погоди, мама, не гони его, это ведь папаша наших котяток, пришёл, видно, проведать жену и детей.

Госпожа Микельс сменила гнев на милость:

– Вот как? Ты уверен?

– Ну, ещё бы, разве такое забудешь! Тут такие концерты были!

Госпожа Микельс внимательно рассмотрела Кота, потом котят и вынесла своё заключение:

– Правда, похожи. Особенно рыженький – точная копия. Чей он?

– Да, вроде, ничей. То в одном месте поживёт, то в другом…

Кот был очень удивлён. Во-первых, тем, что его не прогнали, во-вторых, что он, оказывается, имеет непосредственное отношение к этой пищащей мелюзге, а, главным образом, тем, что Мисси продолжает вести себя враждебно и, как будто, его не узнаёт.

– Не тревожь её, – сказала госпожа Микельс уже почти миролюбивым тоном. – Отойди, она боится за котят. Потом их рассмотришь. Давай, я тебе лучше поесть дам, а то вон ты какой тощий, бродяга.

Кот не считал себя тощим. Не то, что год назад! Но в последнее время от беспрерывной беготни он и впрямь похудел. Есть, конечно, очень хотелось.

Перед Котом появились два блюдца. Два огромных блюдца! В одном из них белело превосходное, жирное молоко, во втором – целая гора всякой всячины. В такое счастье трудно

было поверить. Кот набросился на угощение с такой жадностью, как будто боялся, что это всё дали ему по ошибке и сейчас отнимут.

Госпожа Микельс была женщиной сердобольной. Голодное животное вызвало в ней сострадание, и участь Кота была решена. Пока он набивал живот, госпожа Микельс вышла и вернулась со стареньким, но чистым и мягким ковриком. Со словами:

– Ладно, поживи пока здесь, бедолага. Там видно будет, – она положила коврик за шкафом, подальше от корзинки Мисси.

Кот всё понял. Он тщательно вылизал опустевшие блюдца, подошёл к госпоже Микельс, потёрся о её ноги и промурлыкал благодарственные слова. Затем удалился за шкаф, лёг на коврик и прикрыл глаза. Он не спал, но решил, что лучше всего не путаться под ногами.

16. Утренний ритуал

Поль понимал, что пора вставать. Не для того же он приехал, чтобы валяться в постели. Надо выяснить, что за важный разговор с отцом ему предстоит. Но в комнате было так холодно! Камин давно прогорел, а стены замка за зиму вобрали в себя столько холода, что ещё нескоро здесь прекратят топить печи и камины.

Часы Поль оставил на столе, поэтому не знал, сколько сейчас времени. И когда он, в который раз, приказывал себе вылезти из-под тёплого одеяла, послышался тихий стук в дверь и голос Микельса:

– Господин Поль, вы уже проснулись?

Поль сразу вспомнил, что ему предстоит «утренний ритуал» (так он шутливо называл про себя упорное желание дворецкого выполнять все освященные традицией процедуры, которые были заведены в незапамятные времена). Ни Поль, ни его отец не требовали, чтобы их одевали, умывали и каждую секунду старались освободить от любых усилий. В городе граф решительно отменил подобные услуги, но в замке, где не было удобств, Микельс считал своим неотъемлемым правом полностью исполнять все обязанности, доставшиеся ему по наследству от его предков, и воспринимал как личную обиду, если ему в этом препятствовали.

Поль решил не перечить и откликнулся:

– Да, Микельс, заходите!

Микельс появился не один. Брун нёс охапку дров.

Они пожелали Полю доброго утра, Микельс выразил надежду, что Поль выспался хорошо.

Брун сразу направился к камину, и через несколько минут по поленьям запрыгали весёлые язычки пламени. Комната стала наполняться теплом.

Микельс раздвинул тяжёлые портьеры, и комнату сразу залили лучи летнего солнца.

В этот момент вошла Фанни с подносом в руках. На подносе исходила паром большая чашка с какао, а рядом с ней на блюдце источали потрясающий аромат только что испеченные любимые булочки Поля.

Фанни наклонилась и поцеловала Поля в макушку. Она была счастлива от того, что её любимый мальчик (так она часто называла Поля) снова с ней.

Микельс для вида попенял жене, что она перебивает господину Полю аппетит, и что скоро завтрак.

– Ничего, Микельс, я так соскучился по домашней еде, что в меня влезет два завтрака, – засмеялся Поль.

Госпожа Микельс удалилась, но вскоре появилась снова с одеждой и халатом Поля. Всё было согрето на кухне. Младший сын Микельсов Тоби принёс кувшин с тёплой водой.

Когда Поль остался с Микельсом наедине, ему наконец-то было разрешено встать. Дворецкий помог надеть халат (Поль прекрасно мог сделать это сам!) и стал поливать из кувшина воду, чтобы Поль умылся над фаянсовым тазом позапрошлого века, как это делали многие поколения его предков.

Наконец, все священнодействия были закончены, и Поль был облачён в домашний костюм, подходящий, по мнению Микельса, для завтрака.

– Завтрак через пятнадцать минут, господин Поль. А сейчас я, с вашего позволения хочу сказать вам несколько слов о том, что меня встревожило.

Когда мы приехали в замок, всё было, как обычно.

Их сиятельство взялись за изучение архива. Они, как всегда, читали очередную бумажку, фотографировали её, записывали в карточки, укладывали в папки… Я в этом разбираюсь плохо, но их сиятельство не были ни взволнованы, ни огорчены. Но дней через пять что-то

случилось: я пришёл звать их к ужину и буквально не узнал их сиятельства. Весь стол был завален открытыми книгами, посредине стола лежала какая-то старая бумага, прикрытая сверху стеклом. Я знаю, так их сиятельство делают, когда документ очень редкий и старинный. Их сиятельство отказались идти на ужин и велели мне не мешать. За ночь я несколько раз подходил к дверям кабинета, поэтому знаю, что их сиятельство в ту ночь не ложились.

На следующий день я с трудом уговорил их немного поесть, после чего их сиятельство снова уединились в кабинете. И с тех пор всё без изменений. Они почти не кушают, спят урывками в кабинете на диване, иногда начинают бродить по замку, по его старой части, и озираются кругом, как будто видят всё в первый раз. Мне ничего говорить не хотят, но как-то спрашивали, не сохранилось ли в нашем роду каких-нибудь преданий времён Битвы при перевале.

Хорошо, что вы приехали, господин Поль, а то я уж и не знал, что и делать.

На этом разговор прекратился, потому что пора было спускаться к завтраку.

17. Кота принимают на работу

Граф Вундерстайн уже был за столом. Завтрак накрыли в малой гостиной, её легче было протопить. Госпожа Микельс, наверное, сегодня совсем не спала, иначе, когда бы она успела наготовить столько потрясающе вкусных кушаний? Даже если бы сейчас пришлось принимать самых взыскательных гостей, и то бы не пришлось краснеть.

Поль воздал всему должное, но его тревожило, что отец ест мало и, кажется, совсем не обращает внимания на изысканный стол. Он расспрашивал сына об экзаменах, о его жизни в городе. Но Поль чувствовал, что граф слушает ответы рассеянно, а мысли его витают где-то далеко.

Наконец завтрак был окончен, и граф пригласил сына в кабинет. Но перед этим он попросил дворецкого тоже зайти туда и получить кое-какие распоряжения.

В кабинете действительно стоял непривычный беспорядок. На столе громоздились стопы книг, какие-то бумаги, ящики с картотеками.

– Подойдите, Микельс и посмотрите, – сказал граф, показывая на корешок одной из книг. – Как вы думаете, что это?

Дворецкий посмотрел, на лице его возникло скорбное выражение.

– Осмелюсь предположить, ваше сиятельство, это погрызла мышь.

– Вот именно. И вы, наверное, помните, что ещё в прошлом году у нас был разговор на эту тему. Вы обещали, что примете меры и заведёте кошку. И я, кажется, видел белую кошку, гуляющую по замку. Если она не способна ловить мышей, такая кошка не нужна. Сходите в город и купите мышеловки. Хорошо, что испорченная книга не является раритетом, но в другой раз может пострадать редкое издание.

Микельс, казалось, был раздавлен. Ему было указано на беспорядок в вверенном ему хозяйстве.

– Ваше сиятельство, это моя вина. Пока мы были в городе, у нашей кошки родились котята, а Тоби их пожалел и оставил. Я ему уже строго выговорил за это. Поэтому Мисси, наша кошка, на время отстранилась от своих прямых обязанностей. Это, разумеется, не оправдывает меня.

– Я видел вчера этих котят, папа. Они очень миленькие, – вставил Поль.

– Ваше сиятельство, – продолжил Микельс, – сегодня утром я заметил на кухне еще одного кота. Фанни говорит, что это отец котят. Он, кажется, бездомный. Может быть, пока у Мисси котята, оставим этого кота? Вдруг он хороший мышелов?

– Вы скоро превратите замок в приют для всех бездомных котов и кошек. Впрочем, это лучше, чем мыши, грызущие всё подряд. Несите сюда этого кота. Пусть сидит в кабинете весь день, может быть, кошачий запах отпугнёт этих грызунов.

Микельс удалился и вскоре появился с рыжим котом, которого бесцеремонно нёс за подмышки. Кот решил всё претерпеть. Он ведь знал, что ему предстоит сделать что-то важное, только не знал, что. В кабинете нос Кота сразу учуял знакомый запах. Надо мышь поймать? Ну что же, дело нехитрое.

Микельс опустил Кота на пол.

Граф с сомнением посмотрел на нового представителя кошачьего племени. А Поль вдруг узнал кота, которого видел вчера на обочине дороги.

– Да я его знаю, когда я вчера подъехал к подъёму на гору, он сидел около дороги, и даже мяукнул мне.

– Ты уже всех успел повидать, вот что значит молодость. Микельс, – оставьте кота и можете быть свободны.

Микельс удалился, а Кот спрятался под кресло, стоящее рядом с книжным шкафом (здесь запах мышей был сильнее всего). Он решил ни в коем случае не дремать и постараться расслышать и запомнить каждое слово.

Кот всей своей шкурой чувствовал, что сейчас будет сказано что-то очень важное.

18. Находка

Когда отец и сын остались наедине (кроме, конечно, Кота, которого во внимание не принимали), граф обратился к сыну:

– Я очень рад, Поль, что ты приехал. Я не мог дождаться, когда смогу рассказать тебе об уникальном документе, который обнаружился совершенно случайно.

Меня эта находка абсолютно выбила из колеи, настолько она необычна. Я все время о ней думаю, стал плохо спать, отсюда и раздражительность. Мне самому неприятен тон, которым я сейчас разговаривал с Микельсом. Он наверняка обиделся.

– Папа, он много лет живёт с нами, и я знаю, что он не умеет долго сердиться, кроме того, ты можешь попросить прощения за свою резкость.

– Пожалуй, я так и сделаю, – промолвил граф.

В глубине души Поль опасался чего-то плохого, поэтому вздохнул с облегчением и возблагодарил небо за то, что его страшные предположения оказались ложными. Отец не болен – это главное. После смерти матери Поля преследовал страх, что он может потерять и отца, и остаться один. Кто терял любимых людей, может его понять. И что тоже важно – отец не повредился в рассудке под тяжестью своего горя. Его ум был по-прежнему ясен и способен увлечённо заниматься своим делом. А документ, каким бы интересным он ни был, не может быть поводом для тревоги. И со спокойным сердцем Поль попросил отца рассказать ему о своей находке.

– Ты ведь знаешь, что архивы, хранящиеся в «невестиных» сундуках, принадлежат примерно одному периоду времени в каждом сундуке.

Поль это слышал от отца не раз.

«Невестины» сундуки на протяжении нескольких столетий были неотъемлемым атрибутом каждой свадьбы. В некоторых далёких уголках страны обычая хранить приданое в таких сундуках придерживались до сих пор.

Каждой невесте полагалось везти своё приданное в дом будущего мужа в специально изготовленном для этого сундуке. Размер и внешний вид зависели от достатка в семье невесты. В богатых семьях сундуки заказывали специальным мастерам, в бедных их изготавливал отец или старшие братья. Иногда сундуки начинали готовить сразу после рождения дочери. Было делом престижа украсить сундук как можно богаче и причудливей. Два раза использовать сундук не полагалось – это считалось плохой приметой.

После свадьбы такой сундук устанавливался в ногах супружеской кровати и стоял там до смерти его владелицы. После этого его можно было использовать для домашних нужд. В них хранили одежду, разную утварь, посуду, книги и многое другое. Когда сундук приходил в негодность, его обычно сжигали.

В замке Вундерстайнов за столетия собралась большая коллекция «невестиных» сундуков. Любой музей дорого бы дал за право выставить их в своей экспозиции. По ним можно было изучать историю развития декоративно-прикладного искусства на протяжении нескольких веков. Одни экземпляры из дорогих пород дерева были покрыты тонкой резьбой, другие расписаны сценами из мифологии, либо цветами и фруктами. Были сундуки, инкрустированные перламутром, слоновой костью и рогом, были покрытые пластинами чеканного или литого металла – бронзы или серебра… Разнообразие ручек, уголков и прочей фурнитуры могло вызвать восторг не только у знатока, но и у любого ценителя прекрасного. Когда-то в этих сундуках были сложены роскошные наряды из парчи, шёлка, бархата и дорогих мехов, драгоценности и уникальные безделушки. Но прошли столетия. Наряды сносились, меха истлели, драгоценности были утрачены в разные нелёгкие времена. Слуги стаскивали все сундуки в одно помещение (возможно, когда-то дал такое распоряжение один из владельцев замка). Чтобы

сундуки не пустовали, в них стали складывать различные документы – хозяйственные книги, счета, арендные договоры, письма и любые бумаги, на которых было хоть что-то написано. Когда заполнялся один сундук, начинали складывать бумаги в следующий. Большинство слуг были неграмотными, поэтому ни о каком порядке говорить не приходилось. Графы (до нынешнего) совсем не интересовались содержимым сундуков, да вряд ли знали о них, поэтому никто не отдал распоряжения выбросить старые бумаги. А вышколенные слуги продолжали поддерживать заведённый когда-то порядок и сохранять все рукописные документы.

Когда теперешнему графу Рольфу Вундерстайну исполнилось восемнадцать лет, и он вступил в права владения своим имуществом, он сразу же отправился в замок, в котором не был двенадцать лет. Он тогда только готовился к поступлению на исторический факультет университета и был увлечён историей вообще и историей своего рода в частности. Он сразу же оценил богатство, которое ему досталось. Нет, не материальное, но для него не менее ценное. Из старых документов можно очень многое узнать об ушедших эпохах. Надо только разобрать и изучить весь архив, внести в картотеки все события, имена, даты. Надо было также сфотографировать наиболее важные бумаги, особенно если они плохо сохранились и, работая с оригиналом, можно его повредить. Поэтому граф оборудовал небольшую фотолабораторию в замке. А далее, документы сортировались и раскладывались по папкам.

Оценил граф и художественную ценность «невестиных» сундуков и мечтал, когда они опустеют, открыть специальную выставку и даже написать в соавторстве с каким-нибудь искусствоведом книгу.

Однако изучение архива продвигалось медленно. Сначала были годы учёбы, потом работа в университете, женитьба… Хрупкое здоровье графини не позволяло часто выезжать в замок. Тащить сундуки, либо их содержимое через всю страну в городской дом тоже не имело смысла, так как у графа всё время отнимала работа на кафедре и написание книг.

Всё это Поль знал. Граф между тем продолжал:

– Я разбирал архив, относящийся примерно к концу семнадцатого – началу восемнадцатого века. Никаких особых открытий не было. Выяснил имена нескольких арендаторов, нашёл описание небольшого пожара в конюшне. И вдруг среди страниц хозяйственной книги я обнаружил сложенный пополам лист пергамента. Я сразу понял, что он относится совсем к другой эпохе – на несколько веков старше всех остальных документов. Я с большими предосторожностями развернул пергамент. Он оказался письмом. Пергамент неплохо сохранился, но я решил, что лучше сразу сделать фотокопию, а сам документ поместить тёмное место и лишний раз к нему не прикасаться. Вот, смотри.

Поль взял в руки фотографию. Пергамент почти не потемнел, а вот чернила выцвели. Почерк писавшего был очень мелким и так сильно отличался от современного, что Поль с трудом одолел несколько строчек и вряд ли понял прочитанное.

– Я так и думал, что тебе с непривычки трудно будет прочитать этот текст, поэтому, если можно так сказать, перевёл его для тебя.

Граф уже хотел передать Полю несколько машинописных страничек, но потом сказал:

– Нет, давай я буду лучше читать сам, а по ходу, если потребуется, делать разъяснения.

И граф приступил к чтению.

19. Письмо

«Прощай, моя дорогая супруга! Прощай главное сокровище моей жизни!

Благодарю Бога за то, что в этот страшный час ты и наш сын в безопасности.

Думал ли я, что так неожиданно закончится наше счастье! Но враг подходит к нашим пределам. Силы неравны, и в этой битве с нашей стороны в живых не останется никто. Мы задержим врага, а там должно подоспеть войско государя, и отчизна будет спасена. Как тяжко мне сознавать, что я виной тому, что низовийцы дерзнули на этот поход, рассчитывая не встретить никакого сопротивления. Я проклинаю своё простодушие и доверчивость! Как я мог, беседуя с низовийским послом, открыть ему, откуда я! А сейчас по моей оплошности погибнет множество народа. И ещё. Сбылось древнее предсказание: если чудесный камень будет находиться далеко от горы, все жители горы и окрестностей погибнут. И хотя камень возвратился на то место, где он и должен быть всегда, губительное действо началось, его не остановить. Почему я не внял голосу древней мудрости? Но сделанного не вернуть, осталось только кровью смыть с моей совести этот грех. Молю Господа о прощении и о том, чтобы Он не оставил своей милостью нашего сына и тебя, моя дорогая супруга. Мой сын слишком мал, он не запомнит меня. Расскажи ему о его отце, скажи, что я его любил, что я завещаю ему быть добрым христианином, больше жизни беречь честь рода Вундерстайнов, верно служить королю и родине, почитать свою мать, любить свою будущую супругу и детей, быть милостивым, справедливым и мудрым управителем своих земель и своего народа.

Увы, не я посажу своего сына в первый раз на коня, не я научу его рубиться мечом, метко стрелять из арбалета, разить без промаха копьём. Твой отец, дорогая, – доблестный рыцарь. Передай ему, что я прошу его обучить всему этому внука. И отдельно завещаю сыну. Когда он достигнет зрелого возраста, пускай прочтёт мои записки, которые я сделал на корабле, возвращаясь на родину. Пусть он откроет тайну, которую хотел открыть я, но Бог судил иное. Его святая воля!

Мои записки, а также драгоценные реликвии нашего рода я положил в шкатулку с секретом и скрыл в тайнике. Ты знаешь его местонахождение и знаешь секрет шкатулки. Ещё знает Микль, но я не думаю, что он сохранит жизнь в грядущем бою.

И ещё. Всю казну и ценную утварь ещё до моего приезда слуги скрыли в земле. Ты знаешь это место, я показывал тебе, где в случае опасности должны быть спрятаны все сокровища. Да не достанутся они врагам! Моя семья не должна терпеть нужду.

Я слышу сигнальный рог. Войско врага близко. Пора облачаться в доспехи. Да поможет нам Бог! Молись о моей душе.

Письмо тебе отдаст жена Микля. Надеюсь, женщин они пощадят.

Мой последний поцелуй и благодарность за то, что ты была в моей жизни, пусть запечатлеет это письмо.

Твой супруг в этой и будущей жизни Валент Вундерстайн».

20. Загадки

Граф закончил чтение.

– Ну, что ты скажешь? – спросил он сына.

– Я думаю, это письмо нашего предка, графа Валента Вундерстайна, героя Битвы при перевале.

– Безусловно. Только он не был графом. Титул король пожаловал его сыну Альберту за заслуги отца.

– Но ведь это четырнадцатый век! Как могло сохраниться письмо?

– Да, это удивительно. Очевидно, оно находилось в благоприятных условиях. Кто и когда переложил это письмо в книгу с хозяйственными записями, относящуюся к концу семнадцатого века, мы никогда не узнаем. Возможно, не совсем грамотные слуги просто использовали письмо в качестве закладки, а остальные документы той эпохи попросту были уничтожены. Пергамент часто использовали повторно, соскребая предыдущий текст. А бумажными документами могли растапливать камины.

У меня возникло несколько вопросов.

Первое. Попало ли это письмо в руки адресата – Алисии Вундерстайн? Думаю, вряд ли. Как утверждают исторические хроники, после Битвы при перевале Алисия уже никогда не возвращалась в замок. Альберт посетил землю предков, будучи уже взрослым мужчиной, но, найдя всё в страшном разорении, не захотел, либо не смог начать восстановление города. Вскоре он вернулся в столицу, и несколько последующих поколений Вундерстайнов в замок не наведывались.

– А как же охрана границы? Ведь замок был форпостом на границе с Низовией?

– Граф Альберт во время своей поездки в замок узнал от оставшихся местных жителей, что вскоре после Битвы при перевале в горах случилось землетрясение, в результате которого обрушились две скалы, и перевал перестал существовать. Говорят, в горах сохранилась только одна труднопреодолимая тропа, по которой можно попасть в Низовию, но не каждый рискнёт пройти по ней.

Второе. Был ли обнаружен тот тайник с секретной шкатулкой? В ней должны быть реликвии рода. Я думаю, это тот самый «чудесный камень», который изображён на нашем гербе, возможно, что-то ещё. И главное – записки. Что за тайна волновала нашего предка? И почему он винил себя в нападении низовийцев? Никакой шкатулки с секретом среди вещей, принадлежавших нашему роду, я не знаю. Хотя после гибели моих родителей в замке несколько лет хозяйничал чужой человек, пропало много вещей…

И третье. В письме упоминаются скрытые в земле сокровища. Тут, я думаю, надежд мало. Прошло шестьсот лет. В течение долгого времени замок оставался без надзора. Клад могли найти местные жители или случайные посторонние люди. Даже если клад до сих пор находится там же, где был закопан, найти его не представляется мне возможным. Посуди сам: площадь замка хоть и невелика, но всё же перекопать её полностью невозможно. Да и неизвестно, может быть, клад закопан не в замке, а где-то в окрестностях. За несколько столетий часть зданий была снесена, на их месте построены другие. Как знать, возможно, клад лежит под кухней или гаражом, или даже под нашим флигелем. Не можем же мы сносить все постройки. Только одно очевидно: именно после Битвы при перевале наш род обеднел, так что Вундерстайны свои сокровища снова не обрели. Это несомненно.

Поэтому я выделяю задачу, которая нам доступна: постараться найти тайник, в котором хранится шкатулка. Даже если её забрали, тайник всё равно должен остаться, ведь старая часть замка сохранилась почти полностью.

21. Валент Вундерстайн

– Знаешь, – сказал Поль, – я много слышал и читал о Битве при перевале, Ты мне рассказывал, и в лицее мы проходили. Несколько раз ходили мы с тобой туда, где проходила битва, на Поле скорби. Я думал, что мне известно об этом событии всё. А вот сейчас я как будто услышал голос самого Валента Вундерстайна и понял, что я очень мало о нём знаю. Какой он был человек, какую прожил жизнь? И почему он имел прозвище «Друг короля»?

Граф Вундерстайн улыбнулся.

– Я предвидел, что ты задашь этот вопрос. Конечно, я мог бы тебя сейчас засадить за книги, но ты и так устал от чтения, готовясь к экзаменам, поэтому я расскажу то немногое, что можно считать достоверным. В основном, это летопись монастыря Святых Тайн, составленная через полтора века после событий, и хроники королевского двора. Вот что из них следует.

Валент Вундерстайн родился примерно в 1343 году. Тогда наш замок стоял на страже границы Мединленда и не раз пресекал поползновения низовийцев эту границу нарушить. Поэтому, разумеется, в городе имелась обученная военному делу и вооружённая дружина. Думаю, что Валент Вундерстайн также с детства обучался военным премудростям. Люди тогда рано становились взрослыми.

В 1365-м году у ворот замка остановился конь со всадником. В руках у всадника был штандарт с королевским гербом. Это был герольд короля. Ворота замка распахнулись, всадник, въехал на замковую площадь и огласил перед собравшимся народом две вести. Во-первых, о кончине короля Эдвина IV. И, во-вторых, о том, что дни траура подходят к концу, и через неделю состоится коронация его сына, Эдвина V (будущего Победителя). Надо сказать, что новый король был всего на один год старше Валента. Старший представитель рода Вундерстайнов должен был присутствовать на коронации. Отец Валента к тому времени, очевидно, умер, иначе бы на коронацию поехал он.

Думаю, что Валент собрался без промедления, но, то ли герольд припозднился, что неудивительно, потому что наш замок, как ты знаешь, находится на границе, и от столицы довольно далеко, то ли сам Валент долго добирался по неизвестной причине, но, когда он подъехал к королевскому дворцу, коронация уже состоялась. По обычаю той эпохи после коронации был устроен рыцарский турнир, благо, на коронацию съехались все самые прославленные рыцари королевства. Узнав о турнире, Валент тоже заявил о своём желании участвовать. В это время турнир шёл к концу, осталось несколько самых сильных и ловких рыцарей. Но искусней и храбрее всех бился рыцарь с опущенным забралом и гербом, который был незнаком Валенту. (Хотя, я полагаю, он, как любой дворянин того времени, неплохо знал геральдику). Звали его Золотой рыцарь. И вот, когда Золотой рыцарь одержал победу надо всеми, он бросил вызов, не хочет ли кто-нибудь ещё скрестить с ним оружие. И Валент, хоть и устал с дороги, не смог обуздать свой молодой задор и вызов принял. Не знал он, кем был Золотой рыцарь.

Долго сражались рыцари. То, казалось, одолевает один, то другой. Но в какой-то момент наш предок изловчился и сбросил своего соперника с коня на землю. Он наступил ногой на поверженного (так научил его отец) и горделиво оглянулся на зрителей. Надо сказать, что ещё до начала поединка он заприметил на трибунах среди пышно и богато одетых придворных прекрасное и юное девичье лицо, и это видение навсегда покорило его сердце. Ради этой девушки он сражался, ей посвятил он свою победу.

Валент ждал приветственных криков и рукоплесканий, но увидел только испуганные и растерянные лица. К его сопернику бросилось несколько человек, быстро подняли его с земли и сняли шлем. На Валента глядел молодой человек, который, несмотря на поражение, улыбался. Роскошно одетый придворный склонился перед ним со словами:

– Государь, вы не ранены?

– Нет, нисколько, всё хорошо.

– А что делать с этим? – спросил придворный, указывая на Валента.

– Как что? Его надо наградить, как победителя, если только никто не захочет бросить ему вызов.

Никто не захотел, и Валент принял из рук короля золотой кубок с королевским гербом.

– Ты победил Золотого рыцаря, Валент Вундерстайн. А королю, я надеюсь, ты будешь хорошим подданным и верным другом. Увидев твою воинскую доблесть, я понял, что ты достойный сын своих предков, которые не раз отгоняли врагов от пределов нашего королевства.

– Государь, моя победа смутила меня. Если бы я знал, кто скрывается под доспехами Золотого рыцаря, я никогда не осмелился принять ваш вызов. Простите мне мою невольную дерзость.

– Дорогой Валент, разве интересно жить, когда все кругом льстят и поддаются? Как я тогда узнаю, есть ли во мне рыцарская доблесть? Только поражения учат побеждать. Празднества продлятся неделю, и я надеюсь, мы найдём ещё время для новых поединков. Я хочу, чтобы ты показал мне некоторые из твоих приемов, которые мне неизвестны.

– Разумеется, государь, – склонился в поклоне Валент.

Дальнейшие дни проходили в пирах и турнирах. Король не отпускал от себя Валента. Во дворце он привык с детских лет, что все перед ним раболепствуют, ни с кем не мог он поговорит по душам. А этот молодой человек с самой окраины его страны говорил с уважением, но без слащавой лести, которая так ему надоела. Однако, король замечал, что его новообретённый друг часто не весел, а глаза его всё время кого-то ищут. Из головы у Валента не выходил образ прекрасной девушки. Девушка тоже заметила его, и украдкой бросала на Валента взгляды. Иногда их глаза встречались, и девушка сразу отворачивалась и краснела. Он узнал, что её зовут Алисия и что она единственная дочь богатого и знатного придворного – барона Вестера. Других детей у барона не было. Нечего было и мечтать, что он отдаст дочь за нетитулованного и малоизвестного дворянина, который, к тому же, живёт так далеко, что с любимой дочерью видеться придётся очень редко. Король приступил с расспросами, и Валент признался ему в своей несчастной любви.

С минуту подумав, король сказал:

– Я знаю, как тебе помочь. Есть сват, которому её родители не смогут отказать.

– Кто это? – удивился Валент,

– Я, – засмеялся король.

– Но это невозможно, государь. Есть же правило, по которому король не может никого сватать, дабы не принуждать никого своей властью к браку.

– А я буду сватать тебя не как король, а как твой друг. Сначала, я издам эдикт, по которому все должны будут к твоему имени прибавлять слова «друг короля». Затем мы при свидетелях дадим друг другу клятву взаимного сватовства.

Я не знаю, известно ли тебе Поль, что в старину существовал между друзьями (в основном, дворянами), обычай взаимного сватовства.

Он состоял в том, что каждый из друзей сватает для другого невесту. Друзья приносят клятву, от которой может освободить только смерть одного из друзей.

– А если так получится, что друг хочет сосватать своему приятелю девушку, которая ему не нравится? – поинтересовался Поль.

– Тогда это не настоящий друг, и клятва тоже не действительна. Обычно всё делалось с обоюдного согласия. Но продолжим.

– Государь, но кого же я смогу сосватать вам? Я не смогу выполнить свою часть клятвы и обреку себя на позор.

– Не волнуйся, когда настанет время, я всё устрою.

Всё свершилось именно так, как задумал король.

Граф Вестер не смог отказать самому королю, хотя тот и сказал, что просит руки его дочери для Валента Вундерстайна не как король, но как друг последнего, да ещё и связанный клятвой взаимного сватовства.

Свадьбу сыграли в столице. А вскоре Валент с молодой женой отправились в замок, который нельзя было оставлять надолго. Низовийцы могли разнюхать, что некому сейчас возглавить оборону, и вторгнуться в пределы королевства.

Через год у Валента и Алисии Вундерстайн родился сын, которого нарекли Альбертом, а ещё через год явился посланник с письмом от короля, в котором он призывал Валента в столицу, дабы тот исполнил свою часть клятвы о взаимном сватовстве.

Летописи и хроники молчат, но я думаю, что вместе с Валентом Вундерстайном в столицу уехали и его жена с сыном. Во всяком случае, из найденного письма очевидно, что перед началом Битвы при перевале Алисии и Альберта в замке уже не было. Вряд ли они могли совершить этот вояж без мужа и отца (во время его пребывания в Версинии) – путешествия в то время были небезопасны.

Возможно, Алисия попросила супруга взять её с собой, чтобы повидаться с родителями и показать им внука.

По приезде Валента в столицу король дал ему поручение отправиться на корабле в Версинию и сосватать для него дочь короля – принцессу Динею, которая, по рассказам, была не только красива, но также и умна, и благонравна.

Король вручил Валенту свой портрет, а также богатые дары для короля Версинии и его дочери, и наш предок ступил на борт корабля.

Известно, что сватовство прошло успешно. А из найденного письма мы знаем, что Валент по простодушию допустил невольно какой-то промах в разговоре с низовийским послом, что привело к печальным последствиям.

В порту Валента ждало несколько человек из его вотчины. Они сообщили, что пастухи в горах видели огромное низовийское войско, передвигающееся по перевалу к границам Мединленда. Надо было срочно организовать оборону. Поэтому Валент Вундерстайн отдал все документы, подтверждающие состоявшееся сватовство, и портрет принцессы Динеи капитану, умоляя того срочно скакать в столицу, передать всё королю и просить его без промедления выслать войско навстречу врагу. Поскольку Валент Вундерстайн не сомневался, что своими силами низовийскую армию им не остановить.

Они сделали, что могли. Битва при перевале длилась два дня. В ней погибло всё мужское население городка Вундерстайн. Дети, женщины и старики спаслись за стенами замка. Низовийцы потеряли в этой битве половину своего войска. Почти все здания в городе сгорели. Замок трогать они не стали. Приступом его взять было невозможно, а длительная осада в их планы не входила. Но уже на второй день своего продвижения вглубь страны они встретились с королевским войском. Состоялась ещё одна кровопролитнейшая битва, в которой низовийское войско перестало существовать.

Дальше ты уже всё знаешь. Павших на Поле скорби захоронили неподалёку от того места, где они приняли смерть. Позже рядом поставили церковь Всех святых. И это – единственный памятник героям Битвы при перевале. Тела врагов похоронили у того места, где дорога перевала выходила на равнину. Это место назвали Вражья земля. Враги хотели захватить землю Мединленда. Они её получили. Правда, совсем не так много, как мечтали.

Король купил у семейства Вундерстайнов землю, на которой происходили все события. Он запретил навеки что-либо выращивать на этой земле, строить здания или использовать иным способом. С тех пор эти места так и стоят нетронутыми. Я очень хотел бы там провести раскопки, а потом создать мемориал. Но пока нам это не по карману.

Известно также, что через полгода король Эдвин V женился на Динее Версинийской, и это был счастливый брак. Он намеревался наградить своего друга Валента Вундерстайна титулом графа после своей свадьбы. Но сложилось по-другому. Титул получил за заслуги отца малолетний Альберт.

Вот, вкратце, и всё.

22. Поиски начинаются

– О чём ты задумался, Поль? – спросил граф.

– Вот что удивительно. Валент Вундерстайн во время Битвы при перевале был ненамного старше меня. Тем не менее, вошёл в историю, и его имя знает почти каждый медилендец. А было много таких, чьи имена никому неизвестны, хотя они прожили долгую жизнь и совершили, возможно, немало достойных дел.

– Да, правда. Тут всё зависит, мне думается, от двух факторов. С одной стороны, кто-то оказывается в решающий момент на том самом месте, где происходят ключевые события истории. А с другой стороны важно, как проявит себя человек в этот миг. У него есть, как правило, свобода выбора. Валент Вундерстайн, сойдя с корабля и узнав о грядущем нападении низовийцев, мог рассудить, что принять бой силами его небольшой дружины – это безумие. У него также нашлось бы оправдание – желание сохранить десятки жизней своих людей. Он мог сразу лично отправиться к королю с известием о нападении. Скорее всего, он тоже принял бы участие в решающем сражении, но силы в этой битве у сторон были бы равны, а соответственно и шанс выжить – больше. Только вот армия противника была бы гораздо сильнее, и неизвестно, чем бы всё закончилось. Возможно, сейчас не существовало бы такой страны – Медиленд. Впрочем, как говорится, история не имеет сослагательного наклонения.

– Ты думаешь, мы сможем найти шкатулку с реликвиями? – перескочил на другую тему Поль.

– Шансы очень малы. Прошло почти 600 лет. Замок многократно достраивался, многие постройки обветшали и были разобраны. А сколько новых построек было возведено за эти годы… Я прикинул, что от тех лет остались только портал, старый зал с галереями и несколькими оставшимися помещениями, развалины сторожевой башни и остатки крепостных стен. Впрочем, не думаю, что тайник находился вне основного здания. Подземелья в замке не было никогда – здесь очень твёрдый скальный грунт, даже нет погреба для вин. Дубовые панели хоть и старинные, но им от силы лет четыреста. Кроме того, весьма вероятно, что эту шкатулку давно нашёл кто-то другой.

– Тогда это было бы известно!

– Не обязательно. Бывали десятилетия, когда в замке никто не жил. Мост через ров не поднимался, да и ров давно высох и осыпался. Любой искатель лёгкой наживы мог беспрепятственно проникнуть в замок и заняться поисками кладов.

– А что говорит Микельс? – вопрос этот Поль задал не без умысла. Ему очень хотелось, чтобы отец всё сам рассказал дворецкому, и тот, наконец, успокоился бы.

– Я пока не рассказал ему о письме.

– Почему?

– Не хотел, чтобы он решил, что я тронулся умом и собираюсь искать какие-то мифические сокровища.

– А я думаю, напротив, Микельса очень должно заинтересовать это письмо. Я уверен, что упоминающийся в письме Микль – это его предок. Он всегда твердит о том, что его род веками жил рядом с нашим, а письмо – подтверждение его слов. Затем, он как никто знает замок. Он может дать ценный совет. Ну и посуди сам, как мы будем выглядеть в глазах Микельсов, если начнём бродить по замку и выстукивать стены?

– Да, ты, наверное, прав, – задумчиво произнёс граф.

Он позвонил и, когда появился дворецкий, сначала извинился перед ним за свой резкий тон, а затем распорядился, чтобы через полчаса после обеда всё семейство Микельсов явилось в кабинет.

23. Кот начинает действовать

Когда все люди, наконец, ушли из кабинета, Кот покинул свой наблюдательный (скорее, подслушивательный) пост. Он сидел с зажмуренными глазами, и любой сказал бы, что Кот дремлет. Но на самом деле он очень внимательно всё слушал и старался запомнить и понять. Сейчас Кот был в смятении. Очень много всего обрушилось на его бедную кошачью голову. Он был простой бездомный бродяга, и многие слова ему были совершенно непонятны.

Что такое «сокровища» или «шкатулка» или «реликвии»? Кот не знал. Он с трудом запомнил эти и другие подобные слова. Надо было срочно прояснить их смысл. Кот подумал, что ему может помочь Мисси. Первый год своей жизни Мисси провела в доме престарелой вдовы, большой любительницы кошек. У неё их было семь. Вдова была богата, и её милые кошечки ни в чём не знали недостатка. После смерти вдовы наследники стали пристраивать осиротевших кошек «в хорошие руки». А чем не хорошие руки – семейство дворецкого? Так Мисси переехала в замок, где ей впервые в жизни пришлось заняться работой – охранять библиотеку и кладовую от мышей. Впрочем, ей это даже нравилось: Мисси была молода и азартна, охота была ей по душе. Коту подумалось, что Мисси могла слышать эти непонятные слова в доме прежней хозяйки.

Кот потихоньку пробрался в кухню. Людей там не было, а Мисси всё также возлежала в корзинке со своими чадами.

– Мисси, помоги мне, пожалуйста. Скажи, что это означает? – и Кот перечислил загадочные слова.

Мисси зажмурилась и отвернулась. Она также, как и Кот, не знала этих слов, но не хотела в этом признаться.

Кот было огорчился, но тут его осенило:

– Надо бежать к моему другу! Как же я сразу об этом не подумал!

И он выскользнул из кухни через маленький лаз внизу двери, который когда-то сделали специально для Мисси.

Он стремглав понёсся по знакомой тропинке и вскоре добежал до пещерки, перед которой всё в той же позе сидел его приятель.

При его виде Руби обрадовался, хотя по внешнему виду это было незаметно. Но Кот хорошо ощущал эмоции.

– Ну что, как там в замке? Какие новости? – торопил человек Кота.

И тот начал рассказ, сбиваясь на каждом шагу, потому что рассказать всё по порядку было очень нелегко.

Тем не менее, Руби всё понял. Он вдруг схватил Кота на руки (тот даже немного испугался), прижал к себе и сказал (Коту показалось, что голос у него слегка дрожал):

– Какой ты молодец, Кот! Ну какой же ты молодец!

А немного успокоившись, произнёс:

– Надо чтобы они обязательно нашли эту шкатулку. Она ещё там. Это я точно знаю. Сможешь помочь?

– А что такое «шкатулка»? – спросил Кот.

– Это такая коробка. Если эта та шкатулка, о которой я думаю, она должна быть вот такой величины, – человек показал руками. И сделана она из металла. Знаешь, что такое металл?

Кот кивнул.

– В ней лежит очень важная вещь, которую необходимо найти.

– «Реликвия»? – догадался Кот.

– Ну да, можно сказать и так.

– А что такое «сокровища»?

– Это разные красивые и очень дорогие вещи, возможно деньги, только не бумажные, а монеты. Видел монеты?

Кот снова кивнул. Ему приходилось видеть, как люди на рынке отдавали торговцам кружочки металла, а те им за них давали то, что лежало на прилавке.

– А эти «сокровища» тоже надо найти? – спросил Кот.

– Это необязательно, но, если удастся, хозяева замка будут очень рады. Возможно, это поможет и в поисках шкатулки.

– А что это значит: «сокровища в земле»?

– Это значит: выкопали яму, поместили туда сокровища – скорее всего в сундуках (это такие очень большие деревянные ящики, снаружи обитые железом). Потом снова засыпали землёй, а место сделали незаметным.

– Зачем? – удивился Кот.

– А затем, чтобы никто чужой до них не добрался. Это делали, когда была опасность, что сокровища могут отобрать. Когда опасность проходила, сокровища выкапывали. Но бывало так, что те, кто знал место, умирали, и уже никто не мог найти закопанные сундуки. Таких мест довольно много. Это называется «клады». И есть люди, которые специально занимаются их поиском.

– А как я смогу найти все эти места? – спросил Кот.

– Я не знаю. Но верю, что ты что-нибудь придумаешь. Ты умница и быстро соображаешь. Спасибо за хорошие вести. А сейчас беги в замок. Ты ведь должен ещё поймать и эту злополучную мышь, которая повредила книгу. Мне её жалко. Но если ты этого не сделаешь, тебя могут выгнать из замка, тогда ты не сумеешь помочь в поисках. Только, если сможешь, пожалуйста, не убивай эту мышь. Припугни и отпусти. Нельзя начинать никакое дело с убийства. Пусть даже мыши.

Кот не понимал, как можно жалеть мышей, от которых один только вред, и которые только и годятся на то, чтобы их ловили и ели. Но раз Руби просил, ему, наверное, виднее. И Кот обещал по возможности сохранить этой преступнице жизнь.

24. Маусина

В замок Кот возвратился как раз вовремя. Не успел он шмыгнуть в кабинет и устроиться под креслом, как появились граф с сыном, а через какое-то время и вся семья Микельсов.

Кот продолжал слушать, но это становилось всё труднее. Сначала снова читалось древнее письмо. Затем все говорили очень много всяких вещей, от которых голова у Кота просто шла кругом. Например, похоже ли слово «Микль» на слово «Микельс», и что это может означать. Потом перешли на более интересную тему – где может быть спрятана шкатулка, а также и про «сокровища в земле» – клад. Единственное, что понял Кот – это то, что клад не найти, а шкатулка может быть спрятана в стене, либо в полу, но только там, где самые старые постройки, где всё сделано не из кирпича, а из камня. (Кот знал, и что такое кирпич, и что такое камень – нередко в него кидали и тем, и другим. Хорошо, что он умел ловко увёртываться).

Никогда у Кота не было такого трудного дня, как сегодня. Беготня, непонятные разговоры, незнакомые люди утомили его настолько, что он стал терять нить беседы, а потом и вовсе крепко заснул.

Коту приснилось, что он стоит у ворот замка, а Мисси злорадно смеётся и говорит:

– Ну вот, не смог даже мышку поймать! Хозяева убедились, что от тебя никакого толка. Пошёл вон, и в замке больше не появляйся!

Коту стало так обидно, что он проснулся и увидел, что в кабинете совсем темно, все люди ушли, и давно наступило время, когда хозяйничают мыши.

Кот в ужасе вскочил. Неужели сон сбылся, и зловредная мышь продолжила своё пакостное дело? Если она ещё больше погрызла книгу, то его утром изгонят с позором из замка. И не гнев хозяев, и не презрение и насмешки Мисси, а то, что он не сможет выполнить просьбу Руби – вот что повергало Кота в отчаяние.

Он вскочил и тщательно обнюхал пол вокруг того места, где плинтус слегка отошёл от стены. Нового мышиного запаха не было, и Кот немного успокоился. Он снова занял своё место под креслом и стал внимательно прислушиваться. Через какое-то время лёгкий шорох донёсся до его чутких ушей, и Кот напрягся, как пружина. Внешне он был неподвижен, и только подёргивающийся кончик хвоста выдавал его волнение.

И вот из-за плинтуса высунулась мордочка крохотной мышки. Не учуяв никакой опасности, мышка вылезла целиком и как маленький серый шарик покатилась по направлению к столу, на котором лежала книга.

Выждав пару секунд, чтобы добыча подальше отошла от спасительной норки, Кот сделал точно рассчитанный бросок, и добыча оказалась в его когтистых лапах.

Мышка отчаянно пищала и пыталась вырваться, но от Кота было не уйти. Однако есть её он не собирался. Кот был сыт, а когда его не мучил голод, он предпочитал поиграть со своей жертвой. Кроме того, он обещал своему другу не убивать мышь.

Кот заметил, что при броске слегка надорвал у своей добычи ухо, и выступила капля крови. Кот слизнул её, а мышка, увидев его язык и зубы, снова забилась в истерике.

– Сиди тихо! – сказал Кот. – А то мне придётся принять меры. Тебе не понравится!

– Умоляю, отпустите меня, господин Кот! Я больше не буду!

– Чего ты больше не будешь?

– Грызть вон ту большую штуку на столе!

– Эта «большая штука» называется книгой. Значит, ты знала, что этого делать нельзя, а всё-таки сделала. Спрашивается, зачем? Я понимаю, если бы ты забралась в кладовую, там много вкусных вещей. Но зачем грызть книгу? Хозяин очень рассержен, и приказал мне изловить тебя и наказать за порчу книги. Вот я это и сделал.

– Господин Кот, ну, пожалуйста, отпустите меня! Я сделала это, чтобы стать умнее.

– Как это? – удивился Кот.

– В школе, где я учусь, мы спросили у учителя, почему человек, хоть у него нет острых зубов, крепких когтей и быстрых ног, всё равно самый сильный и опасный враг. И учитель нам ответил: это потому, что человек самый мудрый, и может придумать что угодно, и повелевать всеми. «А почему он самый мудрый?» – спросили мы. – «А потому, что он грызёт гранит науки (как они сами говорят). Особенно в детстве и юности надо сгрызть много этого гранита, чтобы вся мудрость вошла в голову. Они делают это целыми днями, не поднимая головы». – «А как он выглядит, этот гранит?» – спросили мы. Учитель объяснил, но предупредил нас, чтобы мы никогда этого не делали, потому что человек гневается, когда кто-то покушается на его гранит, и уничтожает нарушителя. Ах, теперь я вижу, что учитель был прав, почему я его не послушалась!

Мышь снова залилась слезами, а потом продолжила:

– Вчера ночью я, не сказав никому, вылезла из-под пола, нашла «гранит науки» и отгрызла от него маленький кусочек. На вкус он был очень противный, и я поняла, как нелегко даётся мудрость. У меня даже заболел живот, и я решила, что отложу это занятие до завтра. За день мне стало лучше, и я почувствовала, что стала намного умнее. И я решила продолжить. Вот чем это закончилось!

– Слушай, мышь, – сказал Кот. – Я не знаю, что такое «гранит науки». Наверное, это одно из тех мудрёных выражений, которые любят произносить люди. Но точно знаю, что ни один человек никогда не грыз ни одной книги. Хотя мудрость из книг они получают. Они раскрывают книгу и долго смотрят на чёрные значки внутри неё. Таких значков в книге много, и надо рассмотреть все. У этих чёрных значков есть тайна, и люди знают её. А если я или ты будем смотреть на эти значки, то умнее не станем. Я пробовал. Это может только человек.

– Я поняла, господин Кот! Даю слово, что и сама больше никогда не трону ни одной книги (как вы это называете), и всем расскажу, что делать это бесполезно. Но если вы меня не отпустите, то я не смогу ничего рассказать, придут мои соплеменники и снова будут грызть книги.

– А если я тебя отпущу, то меня выгонят из замка, а мне необходимо здесь остаться. А если я останусь, то всех вас переловлю, не сомневайся!

– Господин Кот, за меня могут заплатить большой выкуп! Я невеста самого наследника престола, а моя мама – любимая фрейлина королевы. Мой жених очень меня любит, и когда мы с ним достигнем совершеннолетия, то поженимся! А потом я стану королевой! Меня зовут Маусина. Спросите любую мышь, и она вам скажет, что Маусина – любимица короля и королевы, невеста принца! И король ничего не пожалеет, чтобы спасти её жизнь!

– Ха! – рассмеялся Кот – Что ваше племя может мне предложить? Засохшую корочку сыра? Или чёрствый сухарик? Благодарю покорно!

– Вы напрасно смеётесь, господин Кот. Мы находим в земле и под полом много красивых вещичек, которые так любят люди. Такие кругляшки, которые люди носят с собой и часто роняют на землю, а также маленькие штучки, которыми женщины украшают пальцы и уши, они часто проваливаются между половицами. Мы их находим и уносим в свои норки. У нас много такого добра, и мы всё можем отдать вам в обмен на мою жизнь. Господин Кот, вы меня слушаете?

Но Кот действительно слушал Маусину вполуха. В голове у него звучали слова: «кругляшки», «в земле», «под полом». Он ведь уже не в первый раз слышит эти слова! Сокровища! Вот оно, решение!

Кот перекинул Маусину из лапы в лапу, так, что у неё захватило дух, и строго спросил:

– Всё-всё сделают, чтобы спасти твою жизнь?

– Всё, господин Кот – пропищала Маусина, перед которой забрезжил свет надежды.

– Тогда у меня есть задание для всех вас. Вы маленькие, можете пролезть в любую щель. Надо найти в замке две вещи. Во-первых, где-то в стене или в полу есть пустое место, и там спрятана шкатулка. Это такой ящик из металла величиной с две книги, как та, которую ты испортила, если их положить друг на друга. Надо узнать, где это место. Во-вторых. Где-то в земле вокруг замка закопан большой ящик или несколько ящиков. Их тоже надо найти. Если вы найдете и то, и другое, я обещаю, что никогда в жизни не трону больше ни одной мыши, при условии, что вы уберётесь из замка, кухни и кладовой. На улице и в гараже можете жить. Но ничего не портить!

Если найдёте что-то одно, обещаю не ловить мышей вокруг замка, но в других местах – извините!

Если не найдёте ни одного из этих мест, но явитесь, и честно скажете, что не нашли, буду ловить вас везде, но тебя больше не трону.

Но если я тебя отпущу, а ты просто сбежишь, я не только истреблю всё твоё племя, но особо буду охотиться за мышью с надорванным ухом и, клянусь, ты пожалеешь о том дне, когда меня обманула!

Ты всё поняла? Даю на всё две недели. Согласна?

– А что такое две недели? – спросила Маусина.

Кот и сам не знал, что это такое. Просто днём он услышал на кухне разговор между госпожой Микельс и Бруном.

– Матушка, на капитанском кусте появились почки.

– Значит, через две недели расцветёт. Прибери всё в садике, господа, наверное, захотят полюбоваться.

– Хорошо.

И Кот спросил Маусину.

– Знаешь куст в садике за гаражом?

– Не знаю, – сказала Маусина. – Я ведь совсем недавно родилась, и из замка никогда не выходила.

– Ну, кто-то из твоих соплеменников знает. Так вот, к тому времени, когда на нём распустится первый цветок, задание должно быть выполнено. Если сделаете раньше, ещё лучше.

– Хорошо! Значит, вы меня отпускаете?

– Не сейчас, – сказал Кот. – Дождёмся утра. Должен же я показать хозяевам, что выполнил работу. Прикинешься дохлой, и я вынесу тебя из замка на глазах хозяев. Потом покажу тебе тот самый куст и отпущу. Но если ты задумала меня обмануть, месть моя будет страшной!

– Нет-нет, господин Кот, ручаюсь вам, что мы сделаем всё возможное, чтобы найти то, о чём вы просите!

25. Тайный садик

Утром Кота ждал небольшой триумф.

Он слышал, как проснулись обитатели замка, раздавались их голоса, звон посуды, шаги…

И вот, наконец, в кабинет вошли граф с сыном, а за ними – дворецкий. Кот сидел посредине кабинета с Маусиной в зубах. Та, как и было договорено, безвольно свесила хвост и лапки и усердно притворялась дохлой. Кот старался не очень сильно сжимать зубы, чтобы взаправду не прикончить её.

– Смотрите, какой молодец! – похвалил граф. – Пусть и дальше сидит в кабинете и в библиотеке. Скажите госпоже Микельс, – обратился он к дворецкому, – чтобы она получше его устроила, а то ещё сбежит, потом ищи нового мышелова.

Кот гордо прошёл со своей добычей в зубах мимо людей, быстро пробежал пустой коридор, потом ещё один, и, наконец, неторопливым шагом прошествовал через кухню, где выслушал одобрение со стороны госпожи Микельс и поймал ревнивый взгляд Мисси. Много, очень много мышей поймал Кот за свою жизнь, но ни за одну он не удостоился даже самого маленькой благодарности. Поэтому сейчас у него в душе всё ликовало, и он надеялся, что дальше будет ещё лучше.

Попав на брусчатую мостовую замкового двора, Кот снова ускорил шаг. Перебежав довольно обширную площадь, Кот юркнул в ворота гаража. Хорошо, что они были неплотно притворены. Раньше это была конюшня, но сейчас на месте бывших стойл отдыхали не породистые лошади, а три автомобиля. Один – тот, на котором позавчера вечером приехал Поль, второй – который доставил в замок графа Вундерстайна и слуг. А третий – старый и неказистый, но выносливый и безотказный, никогда не покидал пределов горы и городка. Он исправно возил провизию с рынка, питьевую воду с родника, строительные материалы, если что-то нуждалось в ремонте.

Кота машины не интересовали, он пробежал мимо них к крайней справа торцевой стене. Здесь начинался очень узкий и длинный ход, который шёл параллельно задней стене замка. Казалось, ход кончался тупиком, но если пройти его до конца, то слева открывался небольшой проход. За ним можно было обнаружить не слишком обширное, но не такое уж и маленькое пространство, называемое обитателями замка «тайный садик». Увидеть этот клочок земли можно было только из одного окна донжона – сторожевой башни. Ни один посторонний человек не мог даже заподозрить о существовании этого садика. Крыша конюшни была устроена так, что забраться на неё и удержаться на ней, чтобы рассмотреть пространство за зданием, не смог бы ни один человек. Но что невозможно человеку, то по силам кошкам. И Коту приходилось там бывать вместе с Мисси. Ах, то были незабываемые, романтические мгновения!

Садик был устроен в незапамятные времена, когда замок подвергался регулярным нападениям и осадам. В нём могли укрыться женщины, дети и старики. А вот вооружённые и облачённые в латы воины преодолеть узкий проход не могли. Даже, если бы они разоблачились и протискивались по одному, их легко можно было уничтожить у бокового прохода, который возникал перед глазами идущего человека неожиданно.

Садик выходил на глубокое ущелье, и был отгорожен от него стеной чуть выше человеческого роста. Толщина стены, если сравнивать со стенами, обращёнными к городу и дороге, тоже не была слишком большой. Ведь она не должна была противостоять натиску врага, а всего лишь предохраняла людей от случайного падения в пропасть. Горы по ту сторону ущелья нависали над ним крутыми обрывами, и ни один человек не смог бы с той стороны рассмотреть, что делается в садике.

Одним словом, этот участок земли был почти неприступен. В нём когда-то были размещены лёгкие деревянные постройки для людей и провизии, но в последние столетия их разо-

брали и разбили маленький садик, в котором можно было уединиться, чтобы послушать пенье птиц, полюбоваться на плывущие в небе облака, а ночью – на звёзды. Растений в садике было не очень много. Видимо, плодородный слой почвы был не слишком глубок, корням больших деревьев не хватало места. Три приземистых деревца, два причудливо искривленных можжевельника, полудикие цветы. И гордость хозяев – неизвестное растение под условным названием «капитанский куст».

История его была такова. На свадьбе родителей графа кто-то из друзей со стороны невесты преподнёс им саженец неизвестного растения. Друг был капитаном, и привёз свой подарок откуда-то из дальних стран. Он уверял, что цветение этого растения является фантастическим по красоте зрелищем.

Кустик был посажен. За ним заботливо ухаживали, но рос он очень медленно и цвести не собирался. А через семь лет родители Рольфа Вундерстайна трагически погибли, и сам он надолго был разлучён с родными местами.

Когда же граф достиг совершеннолетия и вступил в права наследства, он снова приехал в замок.

Среди прочего, Микельсы, которые все эти годы старались по мере своих сил сохранить то, что возможно, показали юному графу сильно разросшийся куст и сказали, что каждый год он радует своим цветением, но все попытки размножить растение успехом не увенчались. Отпрысков он не давал, черенки и отводки не укоренялись, семян куст не завязывал. Возможно, ему не хватало для размножения какого-то важного условия. На следующий год граф Вундерстайн любовался незабываемой картиной цветения «капитанского куста». Сначала на голых ветках появлялись маленькие, не больше булавочной головки, сизовато-коричневые почки, они росли, наливались, и через две недели вдруг лопались и из них на волю вырывались розовые махровые лепестки, такие большие, что было совершенно непонятно, как они помещались в маленьких почках. В центре каждого цветка виднелся султан золотистых тычинок. Дугообразные ветки куста казались фонтаном розовой пены, мерцающей золотыми искрами.

Великолепную картину дополнял слабый, но очень приятный аромат.

Три дня можно было любоваться этой картиной, потом лепестки опадали на землю, образуя розовый ковёр, а ветки покрывались зелёными листочками. Около куста Микельсы поставили две скамейки, чтобы можно было неспешно любоваться цветением куста. Поль сравнивал это с обычаем японцев любоваться цветущей сакурой.

В дальнем углу слуги разбили небольшой огород, который в трудные времена кормил их семью, а сейчас там росли пряные травы к столу. Огромная бочка у стены по водостокам наполнялась дождевой водой для полива.

В центре садика можно было увидеть два больших прямоугольных грубо отёсанных камня. То ли это были постаменты каких-то не сохранившихся скульптур, то ли остатки фундамента какого-то сооружения. Камни вросли в землю и покрылись мхом, но Полю они всё равно очень нравились, поскольку были немыми свидетелями прошедших веков.

Цветение куста Кот никогда не видел, но эту достопримечательность ему показывала Мисси в пору их романтических отношений.

Выпустив Маусину из зубов и прижав её на всякий случай лапой, Кот сказал:

– Видишь этот куст? До того времени, когда на нём расцветёт первый цветок, ты должна явиться ко мне одна, или с другими мышами и доложить, что вам удалось узнать. Как видишь, я слово держу и сейчас тебя отпущу. Но если ты меня обманешь, берегись! Условия договора помнишь? Или повторить?

– У меня прекрасная память, я в школе первая по успеваемости! И во мне благородная кровь, поэтому раз дала слово, то его сдержу! – обиженно пропищала Маусина.

Кот убрал лапу:

– Смотри же, я жду!

Мышка сначала слегка пошевелилась, оживляя кровообращение в затёкшем тельце, а потом с непостижимой скоростью юркнула в траву.

До Кота донеслось:

– Благодарю вас, господин Кот! Мы сделаем всё, что возможно!

– Надеюсь, – буркнул Кот и направился на кухню, где его ожидала (как он успел заметить) миска, полная всякой вкуснятины.

26. Поиски начались

Если бы кто-то мог наблюдать поведение обитателей замка в последующие две недели, то наверняка решил бы, что все они подверглись массовому помешательству. Из шкафов были извлечены горы книг по истории и по средневековой архитектуре. Ящики с картотекой, которую много лет скрупулёзно вёл граф, загромождали весь стол. Слуги выборочно снимали со стен тяжёлые панели из резного дуба, а потом начинали простукивать обнажившиеся камни. Граф и Поль пристально вглядывались в каждый шов древней каменной кладки, нажимали на каждый торчащий из стены гвоздь, надеясь, что сработает некий механизм, и перед ними откроется тайник.

Всё было бесполезно. Замок не хотел делиться с ними своей тайной.

Между тем в глубине кладки время от времени слышались звуки, которые не могли быть ничем иным, кроме как мышиной беготнёй и вознёй.

Граф с раздражением (он был раздосадован отсутствием результатов в поисках) заметил:

– Замок, оказывается, просто оккупирован мышами! И наличие двух кошек ничего не меняет!

Но Микельс почтительно возразил:

– Осмелюсь предположить, ваше сиятельство, что, возможно, мышей не так и много, просто они испугались нашего простукивания стен, вот и мечутся из одного места в другое. Ни в кладовой, ни на кухне мышей нет. Кот, как вы сами убедились, ваше сиятельство, хорошо ловит мышей, будем надеяться, что он не даст им появляться в замке. Дырку за плинтусом в кабинете мы уже заделали, за книги, думаю, можно не беспокоиться.

– Мяу! – подтвердил Кот, который находился тут же. И все невольно улыбнулись.

Энтузиазм поисков стал постепенно угасать. Царившее вокруг разорение вносило в жизнь неудобства и усталость. Наконец, граф отдал распоряжение привести всё в порядок. Было очевидно, что для поиска тайника надо избрать другую тактику. Но какую, никто не знал. Граф погрузился в изучение научных трудов. Поль достал с полки любимые книги с описанием поисков кладов и сокровищ, надеясь из них почерпнуть что-то полезное.

У Поля было ещё одно важное дело, которое он тщательно ото всех скрывал. Ежедневно под предлогом прогулки он наведывался в городок, раскинувшийся у подножья горы, и справлялся на местной почте, нет ли для него писем «до востребования». Сначала ему стандартно отвечали, что пока таких писем нет. Но вот однажды почтовый работник вручил ему конверт, подписанный чётким почерком. В графе «Отправитель» было указано: «П. Петерс». Сердце Поля радостно заколотилось.

У него не хватило терпения даже выйти из помещения почты. Поль тут же вскрыл конверт и погрузился в чтение письма. Оно было подробным и обстоятельным. Полина писала, как они добирались до места раскопок, как устроились, какая работа ей поручена. Она очень поэтично (по мнению Поля) описала природу и те древние памятники, которые ей довелось увидеть.

Поль прочёл письмо несколько раз, потом спрятал его и помчался в замок писать ответ.

К сожалению, он не мог сообщить Полине о таинственном письме и об их поисках, так как на семейном совете было решено держать всё в тайне. Не хотелось привлекать внимание криминальных искателей кладов. Иногда такая непредусмотрительность стоила людям жизни. А ведь его письмо могло случайно попасть в чужие руки.

Поэтому Поль написал только, что, к счастью, здоровье графа в порядке. Они вместе разбирают старый семейный архив. Поль также подробно описал замок, отметив, что тот очень красив, хотя и сильно обветшал, и, конечно, ему очень хотелось бы показать Полине и замок, и величественные горы, его окружающие. В письме Поль выразил надежду, что когда-нибудь это обязательно случится.

Уже на следующий день Поль опускал своё письмо в щель почтового ящика.

27. Три фотографии

Кроме большого рабочего стола в кабинете имелся ещё один столик, за которым граф, когда уставал от работы, пил чай. На столике стояли три фотографии в серебряных рамках.

Первая фотография была сильно потёрта на уголках, это было заметно даже через стекло. На фотографии были запечатлены трое: мужчина, женщина и мальчик лет пяти, который был посредине, а взрослые обнимали его с двух сторон. На мужчине фрак, галстук-бабочка. Лицо украшали тонкие франтоватые усики. Женщина в шикарном пышном платье, в длинных перчатках, с множеством украшений и с цветами в сложной причёске. Она молода и удивительно хороша собой. Мальчик в бархатном костюмчике. И все радостно улыбались. Это были не искусственные улыбки напоказ, а такие, которые рождаются в глубине любящей и счастливой души. Поль знал, что это детская фотография отца со своими родителями.

На второй фотографии был портрет пожилой дамы. Она была одета немного старомодно, на голове сидела маленькая шляпка со спускающейся на лоб вуалеткой. На груди – лорнет на цепочке. Дама выглядела строгой, но не чопорной и не надменной. Скорее, она задумалась о чём то, может быть грустном, а может быть просто давно ушедшем.

Поль знал, что женщину эту звали Генриетта Фрюлинг и, что, хотя она и не являлась их роднёй, но отец глубоко чтит её память и говорит, что очень многим ей обязан.

Третью фотографию Поль знал очень хорошо, как и изображённых на ней людей. На ней был он сам в возрасте двух лет и его родители. Отец бережно и заботливо склонился над женой и сидящим на её коленях сыном. Мама, хрупкая и вся какая-то воздушная, крепко прижала к себе ребёнка и счастливо улыбается. И он сам – упитанный бутуз, сжимающий в ручках маленького плюшевого медвежонка.

Как-то вечером, устав от поисков, граф с сыном пили чай в кабинете.

Поль рассматривал фотографии и о чём-то думал.

Граф, перехватив его взгляд, сказал:

– Знаешь, я тебе никогда не рассказывал подробно о своём детстве. Когда ты был мал, не хотелось огорчать тебя грустными воспоминаниями. Ты был очень чувствительным и впечатлительным ребёнком. Потом у тебя была учёба, у меня работа, всё было как-то недосуг. Потом заболела мама… В общем, ты знаешь только самые основные факты. Но если тебе интересно, я хотел бы рассказать тебе о моих детских годах. Может быть, ты на самом деле станешь писателем, захочешь написать книгу об истории нашего рода. Тогда мой рассказ сможет тебе пригодиться. Мне кажется, сейчас самое время для такой беседы.

– Я сам хотел тебя об этом просить, но не решался, думал, тебе сейчас это будет тяжело.

– Напротив. Ведь кроме горестей, было и много хорошего. Встречались в жизни и плохие люди, и очень хорошие. Я рад буду вспомнить о них.

28. Первая фотография

– Детство у меня было очень счастливим, – начал граф, – но очень коротким. Мои родители – граф Маркус и графиня Севастиана были красивыми, молодыми, весёлыми, энергичными людьми. Жизненная сила, казалось, переполняла их. Отец любил верховую езду. В нашей конюшне были прекрасные верховые лошади и для него, и для мамы, а на пятилетие мне подарили чудесного серого пони. Отец научил меня ездить на нём, и мы втроем совершали конные прогулки по окрестностям. Зиму мы проводили в столице. Там я меньше видел родителей, они были завсегдатаями всех светских раутов и часто отсутствовали. Родители прекрасно танцевали, и я не раз слышал, как знакомые называли маму королевой балов. Ещё они любили музыку и нередко уходили вечерами в театр или на концерт. Я грустил без них, но меня всегда умела утешить моя няня Лиззи. Это была мама нашего дворецкого Микельса. Дворецким в ту пору был его отец. А наш теперешний дворецкий был подростком, и отец обучал его всем тем правилам и обязанностям службы, которых сейчас он так истово придерживается. В семействе дворецкого были ещё дочери: младшая – Анна, которая, как ты знаешь, в последствии вышла замуж за владельца гостиницы и трактира Антония и старшая – Ленни, служившая у мамы горничной. Другая прислуга не относилась к семейству Микельсов. Помню, их было человек пять – шесть.

На лето мы переезжали в замок. Начинались самые счастливые для меня дни. Родители неотлучно были со мной. Они придумывали массу всяких развлечений и забав. Особенно радостно проходили дни моего рождения. К вечеру весь замок бывал украшен бумажными фонариками. В садике накрывали стол, на котором были собраны все мои самые любимые кушанья. И в завершение праздника отец устраивал небольшой фейерверк.

А ещё мама умела рассказывать необыкновенные сказки. Няня Лиззи тоже знала много сказок. Но они были короткими, на один вечер, и не отличались такой фантазией, как мамины.

Мама приходила вечером, когда я уже лежал в кроватке, и начинала рассказывать. Я из всех сил старался не заснуть, но каждый раз не выдерживал и постепенно сон брал надо мной верх. Утром я начинал просить маму рассказать, что было дальше, но она всегда отвечала, что сказка приходит к ней в голову только тогда, когда я лежу в своей постельке. Вечером она спрашивала меня:

– Ну, и где мы вчера остановились? – и продолжала повествование. Знаешь, Поль, я иногда думаю, что твоё желание стать писателем у тебя от бабушки. Она с успехом могла бы писать детские книжки.

В то лето, когда мне исполнилось шесть лет, мама начала рассказывать особенно интересную сказку, которая меня увлекла, и я с нетерпением ожидал каждого вечера, чтобы услышать продолжение. К сожалению, конца этой сказки мне было так и не суждено узнать. Каким-то непонятным образом эта сказка явилась зловещим пророчеством. В детстве я часто думал, что если бы знал, чем кончается сказка, то смог бы предотвратить произошедшее с родителями несчастье. Позже, повзрослев, я пересмотрел множество книг со сказками, но ни в одной из них не нашёл ту, которую рассказывала мне мама. Какие-то отдельные детали встречались в других книгах, но в целом, всё-таки, сказку, видимо, сочинила твоя бабушка.

Я тебе расскажу содержание этой сказки. Вдруг тебе повезёт больше, и ты сумеешь найти окончание. Итак…

29. Неоконченная сказка

В одной стране король надумал женить своего наследника. У королей это всегда непросто, но родители не хотели, чтобы их сын женился по принуждению на той невесте, которую они ему сами подберут. Поэтому они решили устроить бал, на который были приглашены все самые красивые и знатные девицы их королевства, а также и принцессы из других стран.

Назначили дату, разослали приглашения. И в указанный день и час к дворцу стало съезжаться великое множество карет. И из каждой кареты выходила красавица в великолепном наряде. Когда в сверкающем огнями и роскошно украшенном зале заиграла музыка, появилась королевская чета, а с ними принц. Все кавалеры низко поклонились, все дамы присели в глубоком реверансе. Король с королевой заняли свои места на тронах, а церемониймейстер дал знак, что бал можно начинать. По условиям бала никто не имел права приглашать даму на танец, пока этого не сделает принц. А у принца разбежались глаза. Все приглашённые девицы были чудо, как хороши, одна лучше другой. Он шагнул к той, что была ближе других, и бал начался. На каждый танец принц приглашал новую партнёршу. Он не мог остановить выбор ни на одной. Все они были не только красивы, но и умны, в чём принц убеждался, перекинувшись с ними несколькими фразами во время танца. Но, с кем бы он ни танцевал, он всё время ощущал на себе чей-то пристальный, и, принц даже бы сказал, дерзкий взгляд.

На него в упор смотрела красивая брюнетка в ярко-красном платье. Принц заметил, что незнакомка отказывает всем кавалерам и не танцует. От него также не укрылось то, что она старается держаться как можно ближе к принцу. Он совсем не был польщен таким вниманием, ему даже стало не по себе от такой назойливости.

Церемониймейстер объявил белый танец. И не успел никто опомниться, как незнакомка в красном уже стояла перед принцем и приглашала его на танец. По придворному этикету отказать было нельзя, и принц, скрепя сердце, подал партнёрше руку. Он твёрдо решил, что не будет с ней заговаривать, и на следующий танец её не пригласит.

Но незнакомка, вопреки правилам этикета, начала разговор первая:

– Ваше высочество, вы меня не помните?

– Нет, не припоминаю, – сухо ответил принц.

– Ну да, мы были тогда детьми. Но с тех пор я только о вас и думаю. Я дочь вашего бывшего премьер-министра, меня зовут Золинда.

Принц вспомнил, что несколько лет назад была с этим премьер-министром какая-то неприятная история. Кажется, он украл из государственной казны много денег, а когда его уличили, удрал с награбленным за границу. Принц тогда ещё был мал и не вникал в финансовые вопросы, но хорошо помнил, как был рассержен и огорчён отец. На каком-то из приёмов он, возможно, и видел Золинду, но совершенно её не запомнил. И вообще, непонятно, как она получила приглашение на бал после всей этой истории?

– Папа сейчас за рубежом, а я живу у его сестры, моей тётки. Она достала мне приглашение, поскольку состоит при дворе его величества, – как бы отвечая на недоумение принца, промолвила Золинда и продолжила: – ваше высочество, понимаю, что ваш выбор затруднителен, здесь очень много красивых и знатных особ. Но я, без ложной скромности, хочу предложить вам свою кандидатуру. Я красива, очень умна, у меня прекрасное образование. Мне нельзя отказать в находчивости, иначе меня не было бы здесь, а также в решительности, иначе я бы не дерзнула сказать вам всё это. Все перечисленные качества помогут мне стать образцовой королевой, а вам – счастливейшим королём.

И Золинда уставилась своим немигающим взглядом прямо в зрачки принца. У него закружилась голова, всё расплывалось перед глазами, в ушах вместо музыки звучал непрекра-

щающийся звон и шум. Принцу показалось, что стоит только произнести слова согласия и сделать незнакомке предложение, всё наваждение сразу прекратится.

Но в этот момент, на счастье принца, танец закончился. Золинда не отходила от него, рассчитывая, очевидно, что тот пригласит её на следующий танец. Но, когда снова заиграла музыка, принц, не глядя, пригласил первую попавшуюся девушку, которая стояла рядом, и постарался в танце как можно дальше удалиться от этой странной Золинды.

Девушка, которую принц пригласил на танец, видимо совсем не ожидала такого внимания со стороны принца. На её щеках проступил яркий румянец. Она низко опустила голову, и не смела поднять глаза на принца. Белокурая прядка её волос выбилась из причёски и упала на лицо.

Принц решил ободрить её и начал разговор. Его партнёрша отвечала скромно, но с достоинством. Она была принцессой маленького королевства и самой младшей из двенадцати королевских дочерей. Её отец, как видно, плохо знал арифметику. Поэтому распределял дочерям приданое не по справедливости, а по старинному обычаю.

За первой дочерью он отдал половину королевства, за второй – половину половины, за третьей – ещё половину от того, что осталось. Когда замуж выходила предпоследняя дочь, делить было уже нечего, и король отдал в приданое королевский дворец, а сам вместе с королевой и младшей дочерью переселился в домик садовника. Младшая дочь осталась без приданого, и это очень огорчало короля и королеву. И вот, как-то они получили приглашение на бал. Подумав, они позвали младшую принцессу и отдали ей приглашение.

– Возьми, дитя, съезди и повеселись, не так много у тебя в жизни развлечений. Рассчитывать, как ты сама понимаешь, не на что, но развеяться тебе не помешает.

Мать-королева перешила на дочку одно из своих платьев, замужняя сестра, проживавшая в замке, одолжила карету и кучера, и вот, принцесса оказалась на этом волшебном балу.

Принцу понравилась скромность принцессы и то, что она не ругает ни родителей, ни сестёр, хотя обошлись с ней явно несправедливо. Напротив, она была всем довольна и с любовью говорила о родных.

Принц пригласил её на следующий танец, потом ещё на один, и так до конца бала уже ни с кем другим не танцевал. Но рядом всё время маячила фигура в красном.

После бала принц подвёл свою избранницу к родителям и объявил им, что выбор сделал. Король и королева не были самодурами. Они поговорили с принцессой и одобрили решение сына. Их не смутило отсутствие приданого у претендентки на сердце наследника. Королевство и так было достаточно богатым, и за приумножением этого богатства никто не гнался.

После сватовства и прочих, установленных традициями церемоний, сыграли свадьбу.

Прошло девять лет. Старый король удалился на покой и передал бразды правления своему сыну. У молодой королевской четы подрастал наследник, которого они назвали Венцианом.

Принц Венциан был любимцем своего королевства. Он был добр, умён и великодушен. Несмотря на его небольшой возраст, к нему нередко обращались за помощью, и принц всегда старался помочь.

Когда принцу исполнилось семь лет, родители стали искать ему учителя. Принц уже постигал премудрости фехтования и верховой езды, танцев и музыки, но сейчас пришла пора изучать серьезные науки. Король и королева пригласили из далёкой страны мудреца, который знал великое множество различных наук и говорил почти на всех языках. Этот учёный привёз с собой много книг и удивительные научные приборы.

Звали мудреца доктор Гнозиус. Целую башню дворца отдали в его распоряжение. В одной из комнат мудрец разместил библиотеку, в другой устроил лабораторию, в третьей, которая была освещена лучше других, завёл зимний сад. В кадках там росли заморские растения,

между ними разместились просторные вольеры с экзотическими птицами, а посредине стоял огромный аквариум, за стёклами которого мелькали стайки пёстрых рыбок.

На самой вершине башни была оборудована обсерватория. Там стоял большой телескоп, в который можно было наблюдать за Луной, планетами и звёздами.

Надо ли говорить, что любознательный принц Венциан с радостью принялся за обучение. Он не мог дождаться того часа, когда у него по расписанию начинались уроки, и со всех ног бежал в удивительную башню. Он любил своего учителя, у которого всегда мог получить ответ на любой вопрос.

Доктор Гнозиус тоже полюбил своего ученика. Ему по душе был любознательный характер принца, его упорство и трудолюбие.

Целый год обучался принц и во многом преуспел за это время.

Наступил день рождения Венциана, его восьмилетие.

По этому случаю король устроил праздник. Очень многие подданные хотели лично поздравить юного принца и подарить свои подарки. Среди них были и богатые, и бедные, и взрослые, и дети. Принц сказал, что не хочет никого обижать и примет всех.

И вот с утра в тронный зал потянулась цепочка людей, желающих поздравить Венциана с днём рождения. Принц сидел на невысоком креслице и принимал поздравления. Каждого он благодарил, и каждому дарил памятную монетку, на которой была выбита дата и надпись. «Благодарю. Принц Венциан в день восьмилетия». Эти монетки специально отчеканили из серебра на монетном дворе по просьбе принца. Когда монетки заканчивались, слуги приносили новую порцию. Они же складывали все подарки на специальном столе. Богатые люди дарили драгоценные кубки, золотые цепи, книги в изукрашенных самоцветными камнями окладах и другие ценные вещи. А бедные могли подарить вытканный своими руками поясок, деревянную ложку с причудливой резьбой, а то и просто корзину с яблоками или букет полевых цветов.

Дети дарили любимые ими вещицы: пёстрые камушки, цветные стёклышки, окатанные морской волной, ракушки, птичьи пёрышки и всё подобное, что взрослые считают хламом. Но принц Венциан принимал все подарки с улыбкой и с одинаковыми словами благодарности. И каждому дарил памятную монетку.

Музыканты играли красивую музыку, а всех гостей после поздравления угощали за королевским столом.

Принц очень устал, но принял всех посетителей. Наконец двери дворца закрылись, и принц и родителями отправились во внутренние покои.

Венциану очень хотелось рассмотреть подарок родителей: маленький кинжал на перевязи и в ножнах, украшенных драгоценными камнями.

А ещё, его ждал подарок учителя – микроскоп.

Но только королевская семья осталась в покоях одна, как открылась внутренняя дверь, и в комнату вошла высокая худая женщина в сером плаще.

Король, увидев её, решил, что это одна из посетительниц, каким-то образом заблудившаяся во дворце, и, потянувшись за колокольчиком, сказал:

– Уважаемая, вы ошиблись дверью, сейчас я позову слуг, они вас проводят.

Но странная посетительница протянула вперёд руку, и колокольчик выпал из пальцев короля. А женщина недобро усмехнулась, сбросила плащ и сказала:

– Нет, я пришла куда хотела, а ты снова меня не узнал.

Ошеломлённый король вгляделся и побледнел.

– Золинда?!

– Да, это я. Что, постарела? Злость и ненависть не молодят, знаешь ли. От желания отомстить седеют волосы, лицо покрывается морщинами, но ещё хуже обстоит дело с душой, она становится всё чернее и чернее, а это больно даже мне. Вот я и подумала, зачем мне одной страдать? Я ведь тебя предупреждала, что получила хорошее образование. Там, где я училась,

преподают такие науки, которые тебе и не снились. И ты сейчас в этом убедишься. Тебя, – она взглянула на королеву, – тоже придётся наказать, ведь это ты отняла у меня то, что должно было мне принадлежать! Я должна была стать королевой, а ты перешла дорогу!

Золинда обвела взглядом комнату и заметила в углу клетку с попугаем.

– Вот это кстати, – пробормотала она, открыла клетку и грубо вытащила оттуда попугая, который испуганно верещал и пытался укусить сжимающую его руку.

Когда клетка освободилась, Золинда подошла к королевской чете, потерявшей от ужаса дар речи, и, указав на клетку, с гостеприимным жестом пригласила:

– Полезайте, прошу! – и, помедлив секунду, расхохоталась. – Не можете? Придётся помочь!

Она сделала какой-то жест, король и королева исчезли, а в клетке забились две птицы. Их оперение повторяло цвета королевских одежд.

Золинда захлопнула дверцу клетки.

В это время принц Венциан схватил свой маленький кинжал и кинулся на ведьму.

– Верни родителей! – закричал он.

Но Золинда только расхохоталась. Как только кинжал коснулся её одежды, как клинок исчез, неизвестно куда. В руке у принца остался только эфес. Он отбросил его в сторону, и, сжав кулаки, кинулся в атаку. Но кулаки били по воздуху, а ведьма хохотала:

– Но, но, потише, отобьёшь себе все руки!

Потом она подняла свой серый плащ, укутала им клетку, и сказав:

– Ну, мне пора, что-то я загостилась, – исчезла вместе с клеткой.

Мальчик с рыданиями выскочил в соседнюю комнату, но там не было не только ведьмы с клеткой, но и вообще никого.

Принц бежал по комнатам и залам дворца и отчаянно звал на помощь слуг и стражу. Но ответом ему была только тишина. Венциан выскочил на балкон. Ещё несколько минут назад на площади шли народные гуляния. Звучала весёлая музыка, люди ели, пили, танцевали и распевали весёлые песни. Они ждали, когда стемнеет и начнётся праздничная иллюминация. Но сейчас в сгущающихся сумерках принц увидел только столы, уставленные угощениями и брошенные подле них музыкальные инструменты. Королевство опустело.

Принц был в отчаянии, но оставалась последняя надежда, и мальчик устремился в башню. Поднимаясь всё выше и выше, он громко звал учителя. Но не было его ни в личных покоях, ни в библиотеке, ни в лаборатории, ни в зимнем саду. Уже безо всякой надежды зашёл он в обсерваторию, и тут увидел доктора Гнозиуса, который возился с телескопом, что-то в нём совершенствуя. У учителя сегодня был выходной. С утра он поздравил принца, подарил ему микроскоп, а потом попросил разрешения удалиться, потому что шумные праздники утомляли немолодого мудреца. Он решил в этот выходной претворить в жизнь своё изобретение, которое, по его разумению, позволило бы видеть в телескоп мельчайшие детали на Луне.

Принц Венциан кинулся к своему учителю, крепко обнял его, как будто боялся, что тот тоже исчезнет, и, захлёбываясь слезами, стал рассказывать, как родителей на его глазах незнакомая женщина по имени Золинда превратила в птиц, и как он потом увидел, что все люди исчезли.

Когда мудрец, наконец, понял, что случилось, он, перво-наперво, постарался успокоить своего ученика:

– Слезами горю не поможешь, мой дорогой мальчик. Сейчас нам надо разобраться со всем этим, а потом постараться всё исправить: расколдовать короля и королеву и вернуть всех людей. Пойдём-ка в библиотеку, знаю я одну книгу, в которую надо заглянуть.

В библиотеке доктор Гнозиус усадил принца в кресло, а сам полез по длинной стремянке к потолку. С самой верхней полки он снял такую толстую и такую огромную книгу, что принц испугался: вдруг учитель не выдержит её веса, упадёт на пол и разобьётся.

Но Гнозиус благополучно спустился и возложил книгу на специальный пюпитр. Он бережно стёр с книги пыль и открыл её.

Принц подошёл сзади и заглянул через плечо учителя. Книга была написана от руки на каком-то непонятном языке. Картинок в ней не было.

Принц снова сел в кресло, а доктор Гнозиус весь погрузится в чтение. Он листал страницы, потом, видимо, найдя то, что искал, начал изучать письмена и время от времени бормотал себе под нос:

– Ну да, ясно, так я и думал.

Или:

– Вон оно что. Так-так, интересно…

Наконец учёный захлопнул книгу и сказал:

– Есть надежда. Нелегко будет справиться, но тут всё зависит от тебя. Эта Золинда, скорее всего, училась в Академии чёрного волшебства и ворожбы, находящейся недалеко от южного полюса. Так много злобы выплёскивает из себя это учебное заведение, что всю Антарктиду сковал толстый слой льда. Эту Академию может увидеть и посетить только человек, решившийся посвятить всю свою жизнь умножению зла на земле.

Давай, я вкратце объясню тебе, в чём смысл их чёрного волшебства. Каждому хорошему чувству пытается противостоять плохое. Например, добру противостоит зло, любви – ненависть, надежде – безнадёжность и отчаяние, вере – безверие и цинизм. Хорошие чувства гораздо сильнее плохих. Но дело в том, что хорошие чувства всегда деликатны, боятся кого-то обидеть, поэтому не всегда могут дать отпор злому.

Золинда ненавидит твоих родителей, а ты их любишь. Поэтому ты можешь их спасти, заметь, только ты один. Должен быть честный поединок: ты против Золинды.

– А где я её найду? – поинтересовался принц. – И как я смогу её победить? Ведь клинок моего кинжала исчез, как только я направил его на Золинду, а мои кулаки били воздух!

– Ах, принц, ты пытался бороться со злом грубой силой, а я уже тебе объяснил, что зло побеждается только добром. Пойдём-ка в лабораторию, я тебе должен кое-что дать, чтобы ты смог победить в этой битве.

В лаборатории учитель что-то долго искал в огромном шкафу. Наконец он извлёк из него маленький фонарик. Не было в этом фонарике ни свечки, ни ёмкости для масла, а только фитилёк, закреплённый на дне фонарика.

– Его надо зажечь, – сказал доктор Гнозиус.

– Надо высечь искру из огнива? – спросил Венциан.

– Нет, надо получить искру любви из твоей души. Сейчас подумай о родителях, почувствуй, как их любишь, а потом подуй на фитилёк.

Принц так и сделал, и вдруг с его губ слетела крохотная искра, и в фонарике загорелся огонёк.

– Смотри, – сказал учёный, – это свет твоей любви. Пока ты думаешь о своих родителях, спешишь им на подмогу, фонарик будет гореть. Но если ты начнёшь жалеть себя, мечтать о мягкой постели, тёплой одежде, вкусной еде и покое, если захочешь вернуться во дворец без родителей, тогда фонарик погаснет, и ничто на свете не сможет зажечь его снова. Если увидишь, что огонёк в фонарике бледнеет и моргает, подумай, что ты делаешь не так. Когда ты достигнешь замка Золинды и найдёшь клетку с птицами, в которых превратились твои родители, ты должен будешь открыть их темницу, выпустить пленников на волю и посветить на них своим фонариком. И король с королевой снова станут людьми, а Золинда исчезнет без следа.

– А как я узнаю дорогу в замок Золинды?

– Фонарик подскажет тебе. Когда ты ступишь на правильную дорогу, он вспыхнет ярче, а если свернёшь в сторону, будет слабо мигать. Помни, на пути ты можешь и даже должен помогать всем, кто будет нуждаться в твоей помощи. Но нигде не должен ты останавливаться,

принимать от кого-то угощение, или ложиться отдыхать. Стоит тебе это сделать, как навсегда забудешь, зачем и куда шёл.

– Что же я буду есть и пить в дороге? И мне ведь, наверное, захочется спать? Как же быть?

– Сейчас, – сказал учитель.

Он подошёл к столу, уставленному колбами и ретортами, и налил из них две жидкости в маленькую бутылочку. Сначала жидкость внутри бутылочки окрасилась всеми цветами радуги, затем побелела, а потом стала прозрачной и бесцветной как вода.

– Отхлебни, – предложил доктор Гнозиус. Принц послушался. На вкус это была обыкновенная вода.

– Пей понемногу, и никогда не допивай до дна. Тогда жидкость в бутылочке не закончится, пока ты путешествуешь. Эта вода даст тебе бодрость, и спать тебе никогда не захочется. Но больше ничего не пей.

– А что я буду есть?

Учитель пошарил в шкафу и вытащил оттуда чёрствый ломтик хлеба.

– Откусывай понемножку, и он тоже не будет заканчиваться. Крошками от этого хлеба можешь накормить птиц перед тем, как открыть клетку. Золинда наверняка морит их голодом, а крошки их подкрепят. И воды из бутылочки тоже им дай, когда станут людьми. И помни, за время твоих странствий ты не должен есть ничего, кроме этого хлеба. Ты всё запомнил хорошо?

– Всё, учитель, – ответил принц, а потом с надеждой попросил: – Учитель, а ты не смог бы пойти со мной?

– К сожалению, нет. Я же тебе говорил: поединок должен быть честным – ты и Золинда, один на один. Колдовство сможет разрушиться только в том случае, если ты всё сделаешь сам, без посторонней помощи. Да, и лучше никому не говори, кто ты, и куда идёшь.

– Учитель, а почему ты не исчез вместе со всеми людьми?

– Я думаю, это заклятье исчезновения действует на определённое расстояние, в том числе и в высоту. Ведьма просто не могла предполагать, что в день, когда все люди пришли на праздник, кто-то сидит на самой вершине башни. Тратить силы впустую и увеличивать высоту распространения заклятья она не захотела, вот и вышла промашка, к нашей пользе. Заметь, всегда со злом так. Вечно где-нибудь допустят ошибку то от жадности, то от глупости, а то и от гордыни. На этом их и надо ловить.

Принц переоделся в оранжерее в простую одежду. В ней он ухаживал за растениями, Учитель повесил ему через плечо полотняную сумку, в которой лежали бутылка с водой и кусочек хлеба. В руке у Венциана светился ровным светом фонарик. Слёзы уступили место решительности и надежде. Теперь он был готов к спасению своих родителей.

Прямо от площади перед королевским дворцом расходились в разные стороны четыре дороги. Принц и доктор Гнозиус подходили к началу каждой из них. На первых двух фонарик только слабо мерцал, но на третьей вспыхнул ярким огоньком.

– Тебе сюда, – сказал учитель. – Ступай, мой мальчик. Будь храбрым, но осмотрительным, настойчивым, но не безрассудным. Выбирай то, что подсказывают тебе сердце и разум, а не желания и сиюминутные порывы. Помни всё, о чём я предупреждал. Не поддавайся ни на лесть, ни на уговоры. Пока ты чист душой, Золинда бессильна тебе навредить. Я буду ждать тебя, принц, вместе с родителями.

Учёный обнял Венциана, и тот решительно зашагал по дороге.

Стояла глубокая ночь, но темноту разгонял свет от фонарика в руке принца. Всё-таки ему было немножко страшно, поэтому Венциан решил представить себе, что он – храбрый солдат, идущий сражаться за правое дело. Он даже запел песню про оловянного солдатика, которой научил его отец. Во дворце была целая комната оловянных солдатиков. Они стояли на огромном столе, изображавшем поле боя. Король и сам любил эту игру, поэтому часто между ними

разыгрывались настоящие сражения. Вот и сейчас Венциан вспомнил эти весёлые минуты и затянул:

– Я солдатик оловянный, весело шагаю,
Я страну свою родную от врагов спасаю.
Предстоит мне путь далекий, ратный труд кровавый,
Ну а после в дом родимый возвращусь со славой!

Пел Венциан сначала тихо, вполголоса, а потом воодушевился и запел громче. Так он и встретил рассвет. На минутку остановился у ручья, чтобы умыться, откусил кусочек хлеба и отпил глоток воды из бутылочки. Учитель был прав, спать совсем не хотелось, и усталости он не чувствовал.

Вокруг по-прежнему не было ни души. Принц проходил мимо опустевших деревень и городков. Так продолжалось два дня, а на третий ему попался на глаза один человек, потом другой, и принц понял, что на эти земли колдовство Золинды уже не распространилось.

Однажды Венциан встретил на дороге старушку, которая тащила тяжёлую корзинку. Видно, у неё болела спина, потому что она согнулась почти пополам и стонала. Им было по пути, и принц предложил помочь донести корзинку. Он был хотя и маленький, но сильный.

Старушка очень обрадовалась и стала рассыпаться в благодарностях. Она рассказала Венциану, что живёт совсем одна, только в соседнем селе у неё есть сестра. К сестре она сегодня и ходила. Посидели, поговорили, вспомнили старые годы. А потом старушка засобиралась домой. Сестра ей дала гостинец – напекла сдобных лепёшек. Печь такие вкусные лепёшки никто больше не умеет! А на полпути вступило в поясницу, думала – не дойдёт до дому. А тут такой хороший мальчик встретился! Повезло. А куда же идёт милый мальчик один? Да и поздно уже…

Венциан ответил, что идёт выполнить одно поручение, а темноты совсем не боится.

Вскоре дошли до деревни, где жила старушка. В окошке дома горел огонёк. Зашли. Очаг был растоплен, и в домике было очень тепло и уютно.

– Садись вот сюда, в кресло, поближе к очагу, – пригласила старушка. – Я сейчас поставлю чай и угощу тебя лепёшками моей сестры. Ты таких никогда не пробовал!

Но принц вежливо поблагодарил и отказался. Он сказал, что очень спешит, и шагнул за порог. Фонарик в доме старушки всё время тревожно мигал. Да и сам принц заметил, что не всё там ладно. Кто, спрашивается, затопил очаг, если старушка ушла к сестре рано утром, а живёт она одна, сама говорила! Нет, что-то там не то.

А старушка вышла на крыльцо и проводила Венциана глазами, пока тот не скрылся из виду. Тогда она топнула ногой, и всё сразу исчезло: и дом, и деревня, а на гнилом пне, оказавшемся на месте стола, вместо лепёшек лежала болотная тина, да дорожная грязь.

– В этот раз не попался, в другой раз оплошаешь! – прошипела старушка (впрочем, она уже снова стала Золиндой). – Не родился ещё человек, которого я не смогла бы провести!

А принц шёл всё дальше. Он немного жалел, что ему нельзя было попробовать лепёшку. Уж очень они аппетитно выглядели. Но тут свет фонарика потускнел, и Венциан постарался выбросить из головы глупые мысли. Он достал свой ломтик хлеба (тот нисколько не уменьшился за несколько дней!), откусил кусочек, запил водой и почувствовал, что бодр и сыт.

Еще через день фонарик начал мигать на опушке леса. Принц заметил, что в чащу ведёт малозаметная тропка. Когда мальчик ступил на неё, фонарик вспыхнул с прежней силой. Дальше путь Венциана шёл через лес. Тропинка то и дело терялась из виду. Дорогу преграждали поваленные деревья, валежник и заросли колючих кустарников. Лес был очень старым. Высоченные деревья сплелись кронами и почти не пропускали солнечный свет. А ночью вообще была непроглядная тьма. Но фонарик горел ярко, а это было самым главным. Значит, принц идёт правильно. Часто попадались следы каких-то зверей, иногда слышался вой, но ни

волка, ни лисицы, ни какого-нибудь другого зверя принцу не встретилось. Видимо, их отпугивал свет фонарика.

И вот, однажды Венциан услышал детский плач. Он пошёл на звук и увидел девочку лет пяти в грязном и рваном платьице. Она размазывала слёзы по чумазому личику. Принц постарался успокоить ребёнка, и девочка рассказала, что её отец – лесник. Мать и отец сегодня ушли из дома и оставили дочку одну, строго-настрого велев из дома не выходить. Но девочка оказалась непослушной. Она решила сходить за грибами и заблудилась. Прошло уже несколько часов, стемнело, и она очень боится волков, которых много в этих местах. Принц сказал:

– Я отведу тебя домой. Только вот я понятия не имею, где избушка лесника. Но тебя я не брошу. Пойдём, может быть, мы выйдем на дорогу, или встретим кого-нибудь, кто знает, как разыскать твой дом.

И они пошли вместе. Шли медленно, потому что девочка то и дело садилась передохнуть, а нести её на руках Венциан не мог.

И вот, когда уже наступило утро, они вдруг вышли прямо на домик лесника.

Родителей они застали в слезах. Отец поведал, что весь день и всю ночь безрезультатно искал ребёнка в лесу. Наконец, он решил, что дочку утащили волки, и вернулся домой, не зная, как сказать жене о своём страшном предположении.

Родители и ласкали дочку, и ругали за непослушание, и, не переставая, хвалили принца за спасение их чада. Они ни за что не соглашались отпустить Венциана. Он должен отметить с ними счастливое возвращение их любимого, единственного ребёнка. Если мальчик торопится, то лесник запряжёт лошадку, и доставит его куда угодно. Но только после того, как они посидят вместе за столом, и мальчик расскажет, как нашёл их дочку, и как сумел разыскать в лесу сторожку лесника.

Но фонарик тревожно моргал, и принц, с трудом вырвавшись от благодарных родителей, почти бегом удалился в лесную чащу. Если бы он вернулся, то очень бы удивился. Домика на поляне уже не было, как и самой поляны. На этом месте громоздилась куча валежника, на которой сидели две вороны. А рядом стояла Золинда. От маленькой беззащитной девочки остались только грязные разводы на щеках.

– Ну, что же! Сумел на этот раз вырваться, в другой раз может повезти меньше! – сказала колдунья, И, обратившись к воронам, прибавила:

– Вы свободны. Благодарю за службу.

Вороны каркнули и улетели, на ходу обсуждая, понравилось ли им изображать безутешных родителей.

30. Первая фотография (продолжение)

Граф какое-то время молчал. Поль ничего не спрашивал – он понял, что только до этого места успела рассказать сказку его бабушка.

Затем граф продолжил:

– На следующее утро я проснулся, няня помогла мне одеться и умыться, и я по своему обыкновению ещё до завтрака выскочил во внутренний двор замка. Каково было моё удивление, когда я увидел, что около конюшни стояла карета, конюх запрягал четвёрку выездных лошадей, а лакей грузил в карету какие-то картонки и саквояжи.

Я помчался в столовую. Родители уже сидели за столом. Они пожелали мне доброго утра, но я не ответил, а сразу стал спрашивать, куда мы едем.

– Едем только мы с мамой, – ответил отец, – а ты нас подождёшь в замке.

– Не хочу, чтобы вы ехали без меня, хочу с вами, – закричал я.

– Рольфи, милый, – сказала мама, – мы уезжаем ненадолго, всего на неделю, ты не заметишь даже, как быстро она пролетит.

– Мы приглашены на ежегодный бал по поводу годовщины коронации нашего короля. Он прислал нам приглашение. Согласись, невежливо не явиться на королевское приглашение, – сказал папа.

Я продолжал упрямиться и капризничать:

– Ты недорассказала сказку! – обратился я к маме.

– Дорасскажу, когда вернусь, – пообещала мама.

– Рольфи, ну что ты, в самом деле, – нахмурился отец. – Мы и в прошлом году уезжали, ты слова не сказал. А сейчас ты уже совсем взрослый мальчик, и вдруг такие капризы…

Я не уступал, но, несмотря на все мои слёзы и уговоры, родители вскоре после завтрака уехали.

Я дулся и едва буркнул: «До свидания». Мог ли я тогда подумать, что вижу их в последний раз? Но какое-то предчувствие беды тяготило моё детское сердце.

Я всё время плакал, не хотел ничем заниматься, а вечером не пожелал слушать сказку, которую, было, начала рассказывать няня Лиззи.

Следующий день прошёл без происшествий. Я продолжал сердиться и слегка капризничать, но, поскольку я был, в общем-то, спокойным ребёнком, мне уже самому надоело моё поведение. Просто сразу признать, что вчера я вёл себя плохо, мне не позволяло моё самолюбие.

Итак, день, а затем и ночь прошли спокойно, но в середине следующего дня всё изменилось. Сначала прискакал верхом какой-то, неизвестный мне человек. Он что-то быстро сообщил слугам, которые вышли его встретить, и сразу ускакал. Его приезд вызвал у всех бурную реакцию. Женщины заплакали, мужчины нахмурились и стали что-то энергично обсуждать. Так продолжалось довольно долго. Я сначала наблюдал из окна, но потом любопытство выгнало меня во двор.

– Няня Лиззи, что случилось? Кто этот человек, зачем он приезжал? – пристал я к няне. Но она только утирала слёзы и шептала:

– Не спрашивай, мой бедняжечка…

– Почему ты зовёшь меня бедняжкой? – обиделся я.

Но няня больше ничего мне не сказала. Остальные слуги тоже молчали и отводили глаза, когда я обращался к ним с вопросами.

Обед в этот день пригорел, мною никто не занимался. Только няня Лиззи была рядом, но всё падало у неё из рук, отвечала она невпопад и всё время плакала.

Ближе к вечеру приехал ещё один посетитель, на сей раз в коляске. Он прошёл в замок и велел всем собраться в столовой. Меня туда не пустили. Няня увела меня в мою спальню.

Через какое-то время незнакомец уехал. Перед отъездом он пожелал на меня посмотреть. Несколько секунд он так сверлил меня взглядом, что я вспомнил папин рассказ про кроликов, которых удав гипнотизирует перед тем, как съесть.

Но подкрепляться мной незнакомец не стал. Он отвёл глаза и сказал:

– О дальнейшем вам будет сообщено в своё время. Ваше ходатайство о том, чтобы молодой граф находился до улаживания всех формальностей на вашем попечении в замке, будет рассмотрено в установленном порядке. Однако, я ещё раз предупреждаю вас, что, если будет установлено, что вы причинили какой-либо ущерб имуществу семейства Вундерстайнов, вас будет ждать уголовная ответственность. Пломб не срывать. За благополучие наследника вы тоже отвечаете головой.

С этими словами он отбыл.

Я снова кинулся к няне:

– Кто этот молодой граф, и почему он должен жить в нашем замке? И кто такой наследник? И что за пломбы, которые нельзя срывать?

Но ответил мне дворецкий, а не няня:

– Мужайтесь, ваше сиятельство. Так случилось, по воле Божьей (мы все в его руках!), что ваших родителей больше нет с нами. Мост, по которому ехала их карета, обрушился, и они погибли. Сейчас они на небесах. А вы теперь – граф Вундерстайн и наследник. Одному Всевышнему известно, что теперь ждёт вас и всех нас, грешных.

То, что я услышал, не вмещалось в моё сознание. Жизнь была простой и ясной и приносила только радости. Папа и мама всегда были рядом. Другого в жизни я не знал, не представлял, что может быть иначе. Сначала я молчал, потом начал кричать, что это неправда, что я так не хочу. Я требовал, чтобы меня немедленно увезли к родителям. Но слуги только плакали и шептали слова утешения. Кроме потери хозяев, которых они очень любили, Микельсы понесли и личную утрату. Погибла их дочь Ленни, горничная мамы. Кроме родителей и Ленни погибло ещё двое: камердинер отца Филипп и кучер Христофор. Всего пять человек.

Никто особенно не расследовал, как я полагаю, отчего обрушился мост. То ли он был ветхим, то ли кто-то это подстроил. Трудно сказать. Это был деревянный мост через глубокий и узкий овраг, на дне которого протекал ручей. Сейчас этого места не узнать. Ручей взят в трубу, овраг засыпан. Я тебе показывал, где это. Много лет спустя, когда я вступил в права наследства, я решил в память о трагедии, унесшей жизни пяти человек поставить на этом месте памятную часовню. Впрочем, ты сам хорошо это знаешь.

Следующие дни я помню смутно. Припоминаю, что вся прислуга ходила в трауре, а я никак не хотел надевать чёрный бархатный костюмчик, потому что отказывался верить в смерть родителей. Все комнаты, кроме моей спальни и малой гостиной были заперты и опечатаны. Кругом сгустилась атмосфера скорби и неопределённости.

Именно в это время я вообразил, что смогу вернуть родителей, если, как принц Венциан, пойду на их поиски. Но у меня не было ни мудрого учителя Гнозиуса, который смог бы мне всё объяснить, ни волшебных предметов. Я требовал у няни Лиззи, чтобы она мне дорассказала до конца сказку о принце Венциане, но няня уверяла, что такой сказки она не знает.

Не помню, сколько дней прошло с того ужасного дня. Думаю, недели две – три. Время от времени приезжали какие-то люди, подолгу сидели с дворецким, показывали ему какие-то бумаги. Микельс-старший что-то доказывал, просил. Уже много позже, через двенадцать лет я узнал, что всех слуг рассчитали и предложили покинуть замок. Все так и поступили. Осталось только семейство Микельсов. Идти им было некуда. Все Микельсы испокон веку жили в замке и другого жилья не имели. Наконец те, кто решал мою и их судьбы, согласились, чтобы Микельсы перебрались в самый маленький и ветхий флигель, прилепившийся к замку (сейчас

его уже снесли). Там было всего две комнатки. Камин (причём неисправный и дымящий) был только в одной из комнат. В таких условиях предстояло жить верным Микельсам. При этом их ещё обязали платить арендную плату. Им объяснили, что раньше бесплатная крыша над головой им полагалась, как часть оплаты за службу, но сейчас в их услугах больше никто не нуждается.

Сразу расскажу тебе, как жили Микельсы дальше. Прочистили дымоход камина, собрали в лесу сухие ветки и валежник и кое-как пережили зиму. Следующей весной засадили огород в тайном садике. Хорошо, что про это место никто из посторонних не знал, а то наверняка запретили бы Микельсам пользоваться этим клочком земли. Нужны были деньги на жизнь и на оплату аренды. И все Микельсы искали в городе любого заработка. Анне вскоре исполнилось семнадцать лет, и её взяли горничной в гостиницу. Место было хорошее, и Анна старалась изо всех сил. В миловидную и работящую девушку влюбился сын хозяев Антоний. Родители не возражали против этого союза. Все обитатели замка, независимо от того были это хозяева или слуги, пользовались в городе большим уважением. Анна была умна, прекрасно воспитана, имела хороший, добрый характер. На бедственное материальное положение будущие родственники закрыли глаза, тем более что жених не имел денежных затруднений. Самой Анне тоже нравился хозяйский сын, и вскоре дело было слаженно.

Надо сказать, что Анна переняла от своей матери (моей няни Лиззи) умение хорошо готовить, знала рецепты многих редких изысканных блюд, которые подавали к столу в замке и в господском доме в Флизберге. Анна предложила готовить эти блюда в трактире при гостинице, и доходы трактира сразу выросли.

Прошло ещё несколько лет. В трактире появилась новая горничная Фанни. Анне понравилась скромная и трудолюбивая девушка и вскоре они подружились. Наш теперешний дворецкий частенько приходил в гостиницу к сестре. Для него всегда находилась работа. Он колол дрова, помогал с ремонтом, закупал и привозил продукты. Родители к тому времени постарели, часто недомогали и уже не могли зарабатывать на жизнь. Поэтому вся надежда была только на сына и дочь – Анна тоже помогала родителям.

Стариков очень волновала моя судьба. Они ничего обо мне не знали. Несколько раз в замок наезжала моя опекунша. Каждый раз она что-то увозила с собой. Микельсам очень хотелось спросить её обо мне, но они не решались попадаться опекунше на глаза, опасаясь, что та рассердится и изгонит их из последнего пристанища. Старика дворецкого терзала мысль о том, что, если со мной что-то случится, род Вундерстайнов прервётся, и замок унаследуют какие-нибудь дальние родственники, или он отойдёт в государственную казну. Тогда и роду Микельсов, много лет состоявшему на службе Вундерстайнов и замка придёт конец. Всё же он надеялся, что я, достигнув совершеннолетия и вступив в права наследства, посещу замок и вспомню своих старых слуг. Сам он уже не мечтал дожить до этого времени, поэтому настойчиво обучал сына всем тонкостям службы. И, как ты знаешь, сын всё твёрдо усвоил, мне даже порой хочется, чтобы он хоть иногда не так рьяно соблюдал все многочисленные правила и обычаи. Но когда вижу, что ему это доставляет огорчение, стараюсь потерпеть.

Ещё родители переживали, что сын до сих пор не женат. Он был молод, хорош собой, мастер на все руки. Но отсутствие жилья и постоянной работы отпугивало многих невест.

Обрёл свою вторую половину молодой Микельс тоже в гостинице. Он давно поглядывал на горничную Фанни. От сестры узнал, что девушка – сирота, к тому же родня после смерти родителей фактически вытеснила её из родительского дома. Так что Фанни жила в небольшой каморке при гостинице. Несмотря на все трудности, Фанни не утратила живого и лёгкого характера. Микельс обрадовался, что девушка была ему ровней. Ты ведь его знаешь. Гордый характер никогда не позволил бы ему ухаживать за богатой невестой, рассчитывая на её приданое.

Анна, увидев склонность брата к Фанни, осторожно выяснила у той, нравится ли ей её брат. И увидев, что чувство взаимно, сделала всё, чтобы знакомство завершилось свадьбой. Теперь Фанни каждое утро преодолевала путь от замка до гостиницы, а вечером возвращалась обратно, но у молодости много сил, а любовь увеличивает их многократно.

Старики полюбили свою невестку. Они приняли её в клан Микельсов. Лиззи обучала её кулинарному искусству и работе горничной. А старый Микельс нашёл в её лице благодарную слушательницу всевозможных семейных историй и преданий.

Чета старых Микельсов немного не дождалась моего возвращения в замок. Сначала не стало моей дорогой нянюшки Лиззи. Супруг пережил её ненамного. Так что встретил меня только их сын с семейством. Произошло это через долгих двенадцать лет.

Но я отвлёкся. Вернёмся снова к тем трагическим дням. Всё казалось каким-то дурным сном. Я никак не мог утешиться. Ах, если бы я только знал, что ждёт меня в недалёком будущем!

Как-то днём во двор замка въехала карета. Из неё вышел невысокий человек средних лет совершенно непримечательной внешности и примерно того же возраста дама. Поскольку ей пришлось сыграть в моей жизни довольно значительную роль, опишу её поподробнее.

Это была худощавая особа со скучающим и недовольным выражением лица. Волосы были сильно зализаны и собраны в маленький пучок на затылке, что ей вовсе не шло. На лоб была надвинута небольшая шляпка с вуалеткой, из-под которой зорко выглядывали глаза, беспрерывно бегающие из стороны в сторону. Один только раз они остановились на мне, и мне очень захотелось провалиться сквозь землю. Тонкие губы особы были крепко сжаты, и, казалось, никогда в жизни улыбка их не касалась.

Прибывшие зашли в замок и в присутствии Микельсов зачитали мне (именно мне!) какие-то бумаги. Тогда я ничего не понял. Поэтому расскажу тебе то, что узнал об этом документе впоследствии.

Приехавший господин был представителем опекунского совета. Он объявил мне, что в результате розыска опекунскому совету удалось найти мою ближайшую родственницу – троюродную сестру моей матери госпожу Диану Шмерц, и указанная госпожа дала согласие быть моей опекуншей до совершеннолетия. Дальше излагались многочисленные юридические условия, которые я, шестилетний ребёнок не в состоянии был понять, а тем более опротестовать.

Слугам было велено собрать мои вещи, так как через час мне предстояло уехать с совершенно незнакомыми людьми.

За этот час произошло ещё одно событие, которое снова вызвало у меня слёзы. Пришёл какой-то мужчина и вывел из конюшни, а потом и увёл неизвестно куда всех лошадей, включая и моего пони. Напрасно я кричал, что пони – мой собственный, что это подарок родителей. Господин из опекунского совета и госпожа Шмерц смотрели на меня, как на пустое место.

А дальше последовало прощание со слугами. Няня Лиззи плакала навзрыд. Старый Микельс наклонился и шепнул мне на ухо:

– Мы будем ждать вас, ваше сиятельство! Возвращайтесь скорее.

В его глазах тоже блестели слёзы.

Меня оторвали от няни и запихали в карету. Уже давно выехали мы из замка, и даже из города, а я всё продолжал плакать. И тут впервые я услышал голос моей опекунши:

– Какой капризный мальчик. Чувствую, что с ним будет много мороки…

31. Первая фотография (окончание)

Я плохо помню нашу дорогу. Окна в карете были маленькими и тусклыми, вдобавок, вскоре зарядил долгий и нудный дождь. Меня утомили мои переживания, и я задремал.

На ночлег мы останавливались в каких-то унылых постоялых дворах, грязных и плохо освещенных. Маленькие поселения за окном кареты сменялись лесами, полями, и так, казалось, будет без конца. Но на третий день колеса кареты застучали по мостовой, дома стали выше и стояли, плотно прижавшись один к другому.

Карета остановилась. Представитель опекунского совета вылез из нее, напоследок обратившись ко мне и выразив надежду, что я буду послушным мальчиком и всегда буду благодарен госпоже Шмерц за то, что она взвалила на себя непосильный труд по моему воспитанию. А мы поехали дальше. Через какое-то время кучер остановил лошадей перед неприметным двухэтажным домом. Через минуту из дверей выскочил слуга, помог нам выйти из кареты, забрал багаж, и вскоре мы, поднявшись на второй этаж, вступили в квартиру господ Шмерцев. Здесь мне предстояло провести два самых грустных и одиноких года моей жизни.

Квартира занимала весь второй этаж. Сколько в ней было комнат, сказать не могу. Мне выделили маленькую комнату, в которой из мебели были только кровать, шкаф для одежды, маленький столик и стул. Слуга занёс чемоданы с моими вещами, и в комнате сразу стало очень тесно. Когда стали распаковывать вещи, оказалось, что там была только одежда. Ни одной игрушки, ни одной книжки. Уже потом Микельс рассказал мне, что все "лишние вещи" госпожа Шмерц выбросила из чемоданов.

Слуга поместил мою одежду в шкаф и удалился. Я остался совершенно один. За время долгой дороги я устал, поэтому прилёг на кровать и, кажется, заснул.

Проснулся я от того, что надо мной стояла госпожа Шмерц. Она теребила меня и ругала за то, что я в дорожной одежде улёгся на кровать. Она сказала, что я плохо воспитан, если так поступаю. Потом она сказала, что через полчаса будет обед и велела слуге помочь мне переодеться и привести меня в столовую.

Надо сказать, что все комнаты в квартире Шмерцев были какими-то неприветливым и мрачными. Тяжёлые бархатные портьеры были всегда наполовину задернуты, и в комнатах царил полумрак. Резная старинная дубовая мебель была покрыта темным, почти черным лаком. Такими же были панели, которыми до половины были обшиты стены. Пыльные ковры тусклых расцветок довершали картину.

Я вступил в довольно обширную столовую с длинным столом посредине. Во главе стола сидел какой-то толстяк. Лица его я не видел, поскольку оно было заслонено газетой, которую толстяк внимательно читал, и от которой и не вздумал оторваться при моем появлении.

– Дорогой, – непривычно нежным и робким голосом обратилась госпожа Шмерц к своему супругу, – это Рольф Вундерстайн – тот мальчик, которого мне поручено опекать.

Ворчание, раздавшиеся из-за газеты, могло бы принадлежать очень раздражённому и недовольному своею жизнью цепному псу.

– Рольф, – повернулась госпожа Шмерц ко мне, – это мой супруг, господин Шмерц. Он занят очень серьезными делами, поэтому его нельзя отвлекать болтовней и прочими выходками. Кроме того, господин Шмерц часто страдает головными болями, которые могут усилиться от громких звуков, беготни и тому подобного. Прошу про это никогда не забывать.

Обед прошел в полном молчании. Лица господина Шмерца я так и не увидел. Он продолжал читать свою газету до тех пор, пока по распоряжению госпожи Шмерц слуга не увел меня в мою комнату.

В последующие дни обеды проходили точно так же. Несколько раз, когда я, забывшись, произносил что-нибудь за столом, из-за газеты раздавалось:

– Я же просил соблюдать тишину! Нет покоя в собственном доме!

Госпожа Шмерц бросала на меня укоризненный взгляд, делала страдальческое лицо, и я умолкал.

К счастью, завтракал и ужинал господин Шмерц у себя в кабинете. Там же он проводил всё свое время, за исключением тех часов, когда уходил из дома. Возвращался он чаще всего в дурном настроении и снова уединялся в своем кабинете.

Много позже я узнал, что господин Шмерц был подвержен пагубной страсти: он был игрок. Но играл он не за карточным столом, а на бирже. И играл, как правило, неудачно, постоянно терпел убытки. Сначала промотал свое состояние, доставшееся ему от родителей. Потом решил поправить дела женитьбой. У его невесты не было никаких привлекательных черт, кроме более чем приличного приданого. Кроме того, она была единственной дочерью у родителей, и после их смерти могла получить неплохое наследство. Эти соображения определили выбор господина Шмерца, и он женился. Госпожа Шмерц к этому времени почти отчаялась создать семью, поэтому предложение господина Шмерца стало для нее самым счастливым событием в жизни.

Она обожала своего мужа, преклонялись перед ним и во всем ему потакала. Поэтому безропотно позволила ему промотать всё своё приданое, а затем и наследство её родителей.

Не хочется говорить об этом, но опекунство надо мной открыло перед Шмерцами новый источник дохода. Конечно, деньги на банковском счёте родителей (а теперь моем) она беспрепятственно трогать не могла, так как должна была отчитываться перед опекунским советом. Приходилось изворачиваться, придумывать несуществующие траты. Но главным способом добычи денег была продажа вещей, которые она забирала из нашего дома и из замка, пользуясь тем, что полной описи имущества составлено не было. Исчезли многие картины, столовое серебро, другие ценные предметы. Микельсы сокрушались, наблюдая, как она во время очередного наезда в замок набивает карету разными вещами, но сделать ничего не могли. Так что я встретил свое совершеннолетие значительно обедневшим.

Впрочем, не в этом был главный для меня вред от опекунства госпожи Шмерц.

Потянулись один за одним скучные, серые и одинокие дни. Никто не собирался уделять мне ни минуты своего времени, ни в ком не встречал я любви и заботы. Меня кормили и одевали. На этом все труды опекунши по моему воспитанию заканчивались. Иногда я думаю, что она просто понятия не имела о том, что нужно маленькому человечку.

Только одна горничная – иностранка, почти не говорившая по-нашему, жалела меня. Поздно вечером, когда в доме все затихало, она бесшумно проскальзывала ко мне в комнату, садилась на мою кровать, обнимала меня, гладила по голове, совала мне в руку какую-нибудь конфетку или печенюшку, говорила мне что-то ласковое, и мне иногда в темноте, когда свет фонаря падал из окна на её лицо, казалось, что в её глазах блестели слёзы. Однажды её выследила госпожа Шмерц, и бедняжке сильно досталось. Вскоре её рассчитали, не знаю, был ли я невольным виновником тому.

По вечерам к госпоже Шмерц часто заглядывали приятельницы. Они пили чай в маленькой гостиной и болтали обо всём на свете. Очень часто темой их разговоров становился я. Моя опекунша в трагических красках описывала свой колоссальный труд по моему воспитанию. Я, по её словам, был мрачным, угрюмым, необщительным и вообще очень странным и трудным ребенком. Приятельницы восхищались ее благородным решением принять на себя заботы о сиротке, её терпением и добротой и выражали ей своё сочувствие.

Дни мои проходили уныло, и ни один из них не отличался от другого.

Молчаливый и чопорный лакей водил меня на прогулки, которые доставляли мне мало радости. Мне не разрешалось бегать, играть. Лакей крепко держал меня за руку и в течение часа водил меня всегда одним и тем же маршрутом по аллеям какого-то скучного, чахлого парка.

За два года, проведенные в этом доме я бы, наверное, совсем одичал, если бы не обнаружил в маленькой гостиной шкаф с книгами. Удивительно, что госпожа Шмерц не стала препятствовать тому, чтобы я читал их, видимо решила, что это самый лучший и лёгкий способ занять меня чем-нибудь. Только предупредила, что книги очень дорогие, и, если я помну или испачкаю хоть одну страницу, она запрёт шкаф на ключ.

Читать я научился очень рано и прочёл до того, как попал в дом Шмерцев, много хороших детских книг. Но библиотека моей опекунши совсем не подходила для детского чтения. Здесь были только примитивные детективы и сентиментальные женские романы. Ни одной детской книги, ни одного классического произведения. Вот на такой низкопробной литературе я и рос. Сначала я надеялся, что в одной из книг найду окончание истории про принца Венциана и узнаю, как вернуть родителей. Но постепенно моя вера в это слабела, и к восьми годам я уже ясно понимал, что никогда не смогу возвратить прежнюю жизнь. Читать я всё же продолжал по привычке, да и заняться больше мне было решительно нечем.

Так прошло два года. Я думаю, что такое положение вещей устраивало мою опекуншу, но к счастью, за исполнением ею своих обязанностей, наблюдали органы опеки. Они вежливо, но решительно напомнили ей, что ребенок, достигший моего возраста, должен начать получать образование.

Сделать это можно было тремя способами.

Во-первых, можно было приглашать приходящих учителей, либо нанять учителя с тем, чтобы он проживал в доме. Но это было бы очень дорого, да и нарушило бы драгоценный покой господина Шмерца.

Во-вторых, можно было отдать меня в гимназию или лицей. Но тогда бы пришлось каждый день отводить меня туда, а потом забирать, так как все подобные заведения находились довольно далеко от дома Шмерцев. А потом надо было следить за выполнением домашних заданий. Это совершенно не устраивало мою опекуншу.

Она выбрала третий вариант: нашла лицей с полным пансионом и содержанием. Таким образом, она полностью освобождала себя от утомительных забот по опеке. Конечно, это было несколько дороже, чем лицей без пансиона, но деньги она тратила не свои, а моих родителей. Для вида она спросила меня, как я смотрю на то, что буду жить и учиться в другом месте. Я тут же согласился. В душе я был рад любым переменам, настолько мне опротивела жизнь в семействе Шмерцев. Вечером, как всегда, пожаловали приятельницы моей опекунши, и я слышал, как она сетовала на мою неблагодарность и бездушие.

– Сколько для него сделано, сколько сил потрачено, а он без сожалений готов покинуть приютивший его дом!

Приятельницы ахали, качали головами и утешали госпожу Шмерц.

32. Вторая фотография

Помнишь сказку о Снежной Королеве? Там у Кая сердце так заледенело, что он видел во всём, что его окружало, только всё самое плохое и гадкое. Вот таким стал и я за два года пребывания в доме Шмерцев.

Весёлый, жизнерадостный ребенок превратился в угрюмого мрачного и, можно сказать без преувеличения, разочарованного во всем маленького старичка (и это в восемь-то лет!)

Свою роль сыграли не только отсутствие любви и интереса к моей жизни, но и те сведения, которые я почерпнул из книг. К счастью, я, в силу своей детской невинности, понимал в этих книгах далеко не всё. Но и то, что я усвоил из их содержания, значительно отравило мою детскую душу. Убийства и грабежи переплелись в моей голове с супружескими изменами и совращением невинных девушек. Весь мир казался вместилищем всевозможных отвратительных вещей, зла и подлости.

Впрочем, жизнь моя стала немного разнообразнее, когда я стал жить в пансионе при лицее. Во-первых, рядом со мной появилось много сверстников. Подружиться ни с кем я, конечно, не смог, слишком велика была между нами пропасть. Но, хотя бы, мог видеть детей моего возраста

Во-вторых, начались занятия. По своей натуре я был любознательным ребенком, и даже пребывание у Шмерцев не смогло до конца убить во мне желание узнавать что-то новое. А кроме того, госпожа Шмерц и её приятельницы постоянно вбивали в мою голову мысли о моей никчемности, и мне хотелось доказать всем, а в первую очередь себе, что это не так. Поэтому учился я хорошо.

В-третьих, при лицее была неплохая библиотека, в которой я сразу стал брать книги. Библиотекарь, господин Клаус заметил мой интерес к чтению и стал предлагать мне то одну, то другую книгу. Так я начал открывать для себя хорошую литературу.

Пансион был дорогой, поэтому у каждого из пяти пансионеров была своя небольшая комнатка. Моя была довольно уютной. Она располагалась на втором этаже. Из окна открывался вид на старинный парк, а вдали виднелись золотые купола и шпили кафедрального собора.

Окно было забрано ажурной чугунной решёткой. Много часов провел я на широком подоконнике этого окна, читая или любуясь пейзажем за окном.

Преподаватели в лицее были самые лучшие, как я думаю. Они хорошо относились к учащимся и умели заинтересовать тем, чему учили. Меня особенно увлекали языки, история и словесность.

К слову сказать, наш лицей был устроен не так, как современные лицеи. У нас не было младших и старших классов. Набрав курс (восемнадцать мальчиков), от начала и до конца обучали только их. Поэтому и внимания к учащимся было больше, и порядок был идеальный, ну и, соответственно, это отражалось и на стоимости обучения.

Как я уже сказал, здание лицея окружал обширный старинный парк. Могучие вековые деревья сплетались ветвями и аллеи напоминали зелёные коридоры. В парке было много таких уголков, куда редко заглядывали люди, и где я любил уединяться с книгой в то время, когда мои сверстники устраивали шумные игры и беготню в других местах парка.

Наверное, я завидовал им. Почти все после занятий уходили домой, за некоторыми приходили слуги, гувернёры или даже родители, а иногда приезжали и экипажи.

Даже у четырех других пансионеров были семьи, и я часто слышал, как они мечтали о том, что будут делать дома на каникулах, и какие развлечения их родители обещали им организовать в это время. Все они были из других городов, а один мальчик даже из другой страны, вот почему им приходилось жить в пансионе. И только я один знал, что здесь, в этом городе, находится мой дом, но он пуст, заперт, покинут и одинок так же, как одинок и всеми покинут я.

Вот такое у меня было состояние души, когда я переселился от Шмерцев в пансион и стал лицеистом.

Прошло, пожалуй, месяца полтора, как вдруг моя жизнь круто изменилась.

Это было в воскресенье. Занятий не было, здание лицея опустело. Погода была замечательная. Четверо других мальчиков-пансионеров во что-то играли в парке, и я слышал из своей комнаты их веселые крики. Я же никуда не хотел идти и сидел у себя, читая какую-то книгу.

В дверь кто-то постучал и, когда я пригласил войти, в дверном проёме появилась крупная фигура нашего служителя Бальтазара. Это была колоритная личность. Высокий могучий старик с пышными бакенбардами, в прошлом солдат, он имел самый добрейший характер, что мало соответствовало его суровой внешности. По нашей просьбе он покупал нам пирожные и конфеты в ближайшем кафе, выполнял другие мелкие поручения. Надо сказать, что по уставу лицея каждый пансионер должен был иметь небольшую сумму наличных денег, так называемые "карманные", на которые можно было приобретать письменные принадлежности, книги и разные мелочи. Бальтазар закрывал глаза на то, что сладости не входили в перечень необходимых вещей, и баловал нас

Так вот, Бальтазар зашёл в мою комнату и доложил, что меня спрашивает дама, и что она ожидает в приёмной.

– Госпожа Шмерц? – поморщился я.

– Нет. Она отрекомендовалась госпожой Фрюлинг. Пожилая дама, – уточнил Бальтазар.

Фрюлинг? Это имя мне ничего не говорило. Возможно, это одна из приятельниц госпожи Шмерц? Но я не мог припомнить среди её знакомых особ пожилого возраста.

Любопытство пересилило во мне нежелание общаться с людьми, и я сказал Бальтазару:

– Передай, я сейчас выйду.

Я наскоро привел себя в порядок и отправился в приёмную.

33. Вторая фотография (продолжение). Госпожа Фрюлинг

В приёмной меня, действительно, ожидала пожилая дама. Она привстала при моём появлении, но я попросил её сесть. Надо сказать, что в доме Шмерцев я вырос достаточно невоспитанным ребёнком (ведь моим воспитанием, по сути дела, никто не занимался). Но в лицее нас с первого дня стали обучать правилам этикета и поведения в обществе. И кое-что я уже усвоил.

Итак, я предложил даме сесть, но что делать дальше, я не знал. Несколько секунд мы рассматривали друг друга.

Да, передо мной была, безусловно, немолодая женщина, но никто и никогда не решился бы назвать её старухой. Стройная осанка сохранилась не только благодаря корсету (который в то время носили все дамы), но и из-за присущего ей чувства собственного достоинства и благородства, при этом без малейшей тени самодовольства и высокомерия. Одета госпожа Фрюлинг была скромно, но изысканно, так, что в первую очередь привлекал внимание не её наряд, а она сама. Обычно она предпочитала носить одежду оливковых или жемчужно-серых цветов, что очень гармонировало с её тёмно-серыми глазами и почти полностью седыми волосами. Госпожа Фрюлинг смотрела на меня доброжелательно и с лёгкой, едва заметной улыбкой.

Я копался в своей памяти и старался припомнить, знаю ли я эту даму. Я чётко понимал, что среди приятельниц госпожи Шмерц её не было. Какие люди навещали моих родителей, когда те были живы, я совершенно не помнил. Странно, но пережитое горе поставило в моей памяти как бы высокую стену, и я очень смутно помнил, что было «до». Я даже стал забывать лица слуг, а знакомых не помнил вовсе.

Однако образ женщины, сидевшей напротив меня, всплывал со дна моего сознания и сразу же исчезал, что очень огорчало меня.

Госпожа Фрюлинг прервала неловкое молчание первая:

– Ваше сиятельство, вы меня не узнаёте?

– Н-нет, – пробормотал я. – А что, мы знакомы?

– Ну, конечно, вы были тогда малы и вряд ли обращали большое внимание на тех, кто бывал в вашем доме.

– Мы – родня? – решился я уточнить (хотя госпожа Шмерц много раз жаловалась своим приятельницам, что у меня не осталось, ну совсем никакой родни, поэтому она должна была взвалить на себя тяжкий крест присмотра за мной).

– В некотором роде – да, родня, но только не кровная, а скорее духовная. Я – крёстная мать вашей мамы, графини Севастианы. Мы с вашей бабушкой были большими подругами, вместе учились в гимназии, были подружками на свадьбе друг у друга. Потом нам приходилось часто разлучаться, потому что мой муж был дипломатом, и наша семья иногда по нескольку лет жила за границей. В очередной наш приезд на родину ваша бабушка поделилась радостной новостью: она ждала ребёнка. Моя подруга уже несколько лет была замужем, но детей всё не было, что её очень огорчало. И вдруг, такая радость! Мы договорились, что если родится девочка, то я буду её крёстной. У нас принято, что у девочек бывают только крёстные матери, а у мальчиков – крёстные отцы.

Так и случилось. Родилась прелестная девчушка, которую в крещении нарекли Севастианой. Я любила крестницу как свою родную дочь. Да её и невозможно было не любить. Она была милым, добрым ребёнком с живой фантазией и богатым воображением. Она была неистощима в изобретении новых игр, обожала читать книжки, и сама придумывала всякие истории. Маленькая Севви росла, и всё ярче расцветала её красота. Она хорошо пела, играла на фортепиано, а в танцах ей не было равных. Вокруг девушки всегда было много воздыхателей

и искателей её руки. Но Севастиана не была ветреной кокеткой, поэтому к выбору спутника жизни отнеслась ответственно.

Настал день, моя крестница приехала ко мне и привезла приглашение на церемонию обручения. Её избранником стал ваш отец, граф Маркус Вундерстайн. Отпрыск древнейшего и прославленного рода, он был молод, хорош собой, вращался в высшем свете, имел лёгкий характер и добрую репутацию. Родители графа к тому времени уже отошли в иной мир, братьев и сестёр у Маркуса не было, и он единолично распоряжался своим небольшим состоянием. Да, он был небогат, но на достойную семейную жизнь средств хватало. Граф не был ни игроком, ни кутилой, поэтому потеря средств к существованию им не грозила. К тому же, он имел доступ в высшее общество, поэтому после замужества Севастиана могла бы посещать приёмы у короля, балы и рауты, двери в которые были открыты только представителям высшего дворянства. Для молодой красивой девушки это тоже было небезразлично.

Одним словом, выбор её был одобрен, родители благословили молодых, и через некоторое время сыграли свадьбу.

Я часто бывала в гостях у молодожёнов, сначала с подругой, вашей бабушкой, а потом, когда её не стало, то и одна. Ваши родители любили приглашать гостей, поэтому всегда звали и меня. А через год родились вы. И в раннем детстве я часто держала вас на руках, но, разумеется, вы были слишком малы, чтобы помнить это. А потом… – госпожа Фрюлинг вздохнула и замолчала, но мне и без этого было понятно, что означает это «потом».

– Прошу прощения, что отняла у вас столько времени своим рассказом, – продолжила дама. – Собственно говоря, я вас побеспокоила потому, что у меня есть к вам одна просьба.

Вот оно что! А я, было, подумал, что, наконец-то нашёлся человек, который просто хочет меня проведать, поговорить о родителях… Я ответил, наверное, чересчур резко, но мне было очень обидно:

– К сожалению, госпожа Фрюлинг, я вряд ли чем-то могу быть вам полезен. До моего совершеннолетия всеми моими средствами и всем имуществом распоряжается моя опекунша, госпожа Шмерц. Мне выдают совсем маленькую сумму на карманные расходы. Так что, ничем не смогу вам помочь.

Я уже собирался раскланяться и гордо удалиться, как госпожа Фрюлинг улыбнулась и сказала:

– Нет-нет, прошу прощения за то, что неясно выразила свою мысль. Я совершенно не нуждаюсь в средствах. Мой покойный муж оставил мне неплохое состояние, которое позволяет не только безбедно жить, но и оказывать помощь другим, когда это требуется. Кроме того, мой сын, который пошёл по стопам отца и стал дипломатом, тоже мне помогает. Нет, моя просьба совершенно иного рода.

Слышали ли вы, что король Максимилиан открыл свой зверинец для посещения всем своим подданным? (Я, разумеется, не слышал). Наш государь очень любит животных. Про это узнали послы, представляющие в нашей стране свои государства. И правители этих стран стали преподносить в дар его величеству самых разнообразных зверей. Король захотел, чтобы все эти животные не ютились в тесных грязных клетках, и повелел разбить огромный парк, оборудованный обширными вольерами, в которых его питомцы чувствовали себя так же свободно, как на воле. Когда через несколько лет труды были закончены, то все признали, что королевский зоопарк ни в чём не уступает лучшим зоопаркам мира.

Тогда король рассудил, что будет несправедливо, если любоваться на животных, и наблюдать за их повадками будут только члены королевской семьи и придворные. И он распорядился пять дней в неделю открывать двери зоопарка для всех желающих. Те из моих знакомых, которые уже посетили королевский зверинец, остались в полном восторге.

Должна признаться, что я тоже очень люблю животных, и хотела бы на них посмотреть, но мне не с кем пойти. Мой сын с женой и с внучкой живут в Южной Америке (он служит

там послом в одной из стран). А среди моих приятельниц, желающих не нашлось: кто болен, кто боится животных, а кто просто их не любит. А идти одной – это не получить никакого удовольствия. Ведь хочется с кем-то поделиться впечатлениями, поговорить. Вот я и подумала, может быть, вы составите мне компанию?

Предложение вырваться хоть ненадолго из стен пансиона, посмотреть на животных, было, разумеется, очень соблазнительным. Но я настолько разуверился в возможности чего-то хорошего в своей жизни, что мрачно ответил:

– К сожалению, меня не отпустят. Меня предупреждали, что выходить на улицу я могу только в сопровождении госпожи Шмерц, представителя опеки или директора лицея…

– О, пусть это вас не тревожит, – успокоила меня госпожа Фрюлинг. – Я получила письменное разрешение от вашего начальства, что могу вас забрать до девяти часов вечера.

И она продемонстрировала мне какую-то бумагу. Позже я узнал, что покойный муж госпожи Фрюлинг имел весьма обширные связи. Он был дружен с директором департамента образования, и последний, узнав от госпожи Фрюлинг мою историю, выдал ей письменное разрешение забирать меня к себе в любое свободное время, кроме ночного. Директор лицея тоже не возражал. Он был разумным и порядочным человеком и видел, в каком душевном состоянии я поступил к ним. Поговорив с госпожой Фрюлинг, он понял, что эта дама, возможно, сумеет излечить мою исковерканную душу, и не ошибся.

Но я всё ещё упрямился и сказал, что в три у нас обед, на что госпожа Фрюлинг с улыбкой ответила, что мы найдём, где перекусить.

Итак, не веря своему счастью, я опрометью кинулся переодеваться, и уже через несколько минут мы вышли из здания лицея.

Госпожа Фрюлинг наняла экипаж, и мы отправились в путь. Стояла тёплая ранняя осень, так называемое «бабье лето», верх экипажа был опущен, и я без устали любовался голубым небом, разноцветной осенней листвой, красивыми фасадами домов. Как давно я не испытывал этой простой радости!

34. Вторая фотография (продолжение). В зоопарке

Не буду тебе, Поль, подробно рассказывать про сам зоопарк, ты там бывал много раз, видел всех животных, и не хуже моего знаешь, как там всё устроено.

Скажу только, что этот день до мельчайших подробностей запечатлелся в моей памяти. Ведь именно с этого светлого, тихого и теплого осеннего дня началось возрождение во мне любви, доброты и радости.

Мы бродили от вольера к вольеру, глазели на животных (а я почти никого из них раньше не видел живьём), смеялись над их проделками (да, я, оказывается, ещё не разучился смеяться!), кормили, если это разрешалось. Должен тебе сказать, что король, беспокоясь как о животных, так и о посетителях, распорядился около каждого вольера поставить обученного служителя, который отвечал бы на вопросы, рассказывал о привычках и образе жизни своих подопечных и, если разрешалось, давал посетителям морковку, четвертинку капусты или специальный хлебец для угощения животных. Денег за это не брали, но у каждого вольера имелась копилка, на которой было написано, что собранные средства пойдут на корм для обитателей зоопарка. И госпожа Фрюлинг не пропустила ни одной копилки.

Ещё в самом начале нашего путешествия по зоосаду я попросил её не называть меня «ваше сиятельство». Ты знаешь, я до сих пор не люблю это обращение, потому что помню, при каких обстоятельствах получил титул. Пришлось разрешить так обращаться ко мне только Микельсу и его семье, иначе он бы очень расстроился, ты понимаешь.

Госпожа Фрюлинг спросила, как же лучше ко мне обращаться? Я немного задумался. У Шмерцев меня называли по имени, но это случалось очень редко. Представитель опеки звал меня «господин граф», а в лицее и учителя и учащиеся обращались ко мне по фамилии.

Поколебавшись, я попросил называть меня по имени.

– Но только с одним условием, – согласилась госпожа Фрюлинг. – Вы будете тогда называть меня «бабушка Генри». Так зовёт меня моя внучка, она на два года старше вас и сейчас очень далеко. Я скучаю по ней, и мне будет приятно, если меня будет называть бабушкой еще один человек. И вы действительно мне, как внук. Ваша мама была мне дочерью, пусть и крёстной, значит, вы вполне можете быть моим внуком.

Кажется, в тот день я так ни разу не назвал госпожу Фрюлинг по имени, что-то меня удерживало, наверное, те дикость и нелюдимость, которые я приобрёл в доме Шмерцев.

Часа через три я был настолько переполнен впечатлениями, что уже просто не мог больше ничего вместить, Заметив это, госпожа Фрюлинг предложила мне отдохнуть и посидеть в кафе.

Сейчас этого кафе уже нет на территории зоопарка, а жаль. Оно располагалось на круглой плавучей платформе посредине пруда с белыми и чёрными лебедями. Попасть на этот плавучий островок можно было только, пройдя по подвесному мостику. Мы сели за один из столиков, и бабушка Генри сделала официантке заказ. В то время мороженое было редкостью, потому что холодильников не было, но, как видно, в зоопарке был погреб со льдом, поэтому нам принесли разноцветные шарики мороженого в блестящих металлических кремanках. Бабушка Генри попросила меня не торопиться и прибавила, что вовсе не хочет, чтобы я простыл, а она была бы в этом виновата. Но меня было не удержать. Я попробовал мороженое, наверное, впервые в жизни, и угощение исчезло мгновенно. Я даже попросил добавку, и передо мной оказалась новая порция. К счастью, здоровье у меня было хорошее, и я не простудился.

Потом я отошёл к краю платформы и стал любоваться на лебедей, плавно и величаво скользящих по зеркальной воде, которая отражала небо и казалась его продолжением. И вот, глядя на эту картину, я вдруг, неожиданно для себя самого, заплакал. И не просто заплакал, а беззвучно зарыдал. Бабушка Генри, наблюдавшая за мною от нашего столика, сразу же оказалась рядом. Она обняла меня, прижала к себе и тихо шептала:

– Ну полно, милый, успокойся, всё будет хорошо… Бедный мой мальчик, сколько же ты пережил…

Она ласково гладила меня по голове, говорила слова утешения, и голос у неё слегка дрожал. Когда я, наконец, поднял глаза, то увидел, что её лицо тоже мокро от слёз.

Это было так непривычно! Меня не ругали за мои слезы, не смеялись над ними, а сочувствовали, утешали и сопереживали. Мне кажется, что именно с этого момента начал таять айсберг, образовавшийся в моей душе после гибели родителей и последовавшими за ней событиями.

Когда мы немного успокоились, бабушка Генри предложила где-нибудь пообедать.

– Мороженое – это перекус, а нам надо основательно подкрепиться. Я знаю одно неплохое место. А в зоопарк мы, если, конечно, ты захочешь, можем прийти ещё раз.

Я хотел, но на сегодня, и вправду, было достаточно. Бабушка Генри после моих слёз в кафе стала обращаться ко мне на «ты», но я был не против, мне даже нравилось.

Мы снова взяли экипаж, и моя спутница назвала адрес, сказав при этом, что надо по дороге заехать в магазин «Александрия».

На этот раз экипаж был крытый, меня укачало, и я слегка задремал. Очнулся я от того, что мы остановились, госпожа Фрюлинг вышла из кареты и попросила кучера подождать несколько минут. Я рассматривал в окно витрины магазина, за дверью которого скрылась бабушка Генри, и понял, что здесь торгуют книгами. Вскоре госпожа Фрюлинг вышла из магазина в сопровождении приказчика, который нёс увесистый свёрток, вмещавший, наверное, несколько толстых томов.

Приказчик помог бабушке Генри сесть в экипаж, положил свёрток на сидение и попрощался, поблагодарив за покупку и прибавив, что они всегда будут счастливы снова увидеть даму в своём магазине.

Кучер натянул вожжи, и под мерное постукивание колёс по мостовой я снова погрузился в дремоту.

Очнулся я от того, что услышал тихий и ласковый голос бабушки Генри:

– Рольфи, милый, просыпайся, мы приехали.

Экипаж стоял перед одноэтажным домом, сравнительно небольшим, но очень красивым и элегантным.

– Чей это дом? – спросил я, протирая глаза.

– Мой, – ответила бабушка Генри.

35. Вторая фотография (продолжение). Летиция

Не успела ещё госпожа Фрюлинг с помощью кучера выйти из экипажа, как дверь домика стремительно распахнулась, и из неё выскочила нам навстречу невысокая кругленькая женщина в чепце и фартуке.

– Я совсем заждалась вас, госпожа Генри! – воскликнула она. – Все глаза проглядела, уже волноваться стала! Да вы не одни, а с молодым человеком! Вот славно, давно у нас не было гостей. А я, как чувствовала, испекла булочки!

Произнося всё это, она успела подать руку госпоже Фрюлинг, чтобы та оперлась на неё, а другой рукой подхватила свёрток из книжного магазина.

Через одну минуту мы оказались в хорошо освещенной прихожей, и служанка помогла бабушке Генри снять плащ, а мне – курточку. Тут она внимательнее вгляделась в меня и вскричала:

– Госпожа Генри, скажите, что мои глаза меня не обманывают! Это ведь молодой граф Рольфи Вундерстайн! Неужели я его снова вижу? Вот счастье-то!

– Вот, Рольфи, позволь тебя познакомить: это моя компаньонка Летиция, прошу любить и жаловать, – улыбаясь, отрекомендовала женщину бабушка Генри. – Она видела тебя ещё совсем маленьким, лет четырёх, а всё-таки сразу узнала.

– Скажете тоже, компаньонка! – рассмеялась та. – Я горничная, прислуживаю госпоже Генри.

– А готовит кто? – спросила госпожа Фрюлинг.

– Ох, подумаешь, труд какой, вы едите чуть-чуть, а мне самой тоже ведь чем-то питаться надо. Считайте, для себя и готовлю.

– Не слушай её, Рольфи, Летиция вот уже больше, чем полвека, как мой ангел-хранитель, оберегающий меня от всякого зла, от всех житейских забот. Я бы без неё давно пропала.

Я, тем временем, рассматривал Летицию. Внешне она являла полную противоположность своей хозяйке, невысокая, полненькая, с румяными щеками и круглым лицом она напоминала сдобную булочку, которые так мастерски пекла.

Позже госпожа Фрюлинг рассказала мне историю их знакомства и многолетней дружбы. Перед свадьбой жених юной Генриетты показал ей квартиру, которую купил для своей семьи. Он сам нанял всю прислугу, кроме горничной для своей будущей жены. Господин Фрюлинг предложил ей выбрать служанку самой. И они отправились в бюро по найму прислуги. Там им предложили несколько кандидатур с хорошими рекомендациями, с опытом работы в лучших домах. Невеста сказала, что ей надо подумать, чтобы сделать выбор. Молодые решили, что зайдут завтра. И вдруг на улице около агентства будущая госпожа Фрюлинг заметила плачущую девушку, почти ребёнка. Она спросила, кто обидел её, и не может ли она чем-то помочь. Девушка рассказала, что она из небольшой деревни, в нескольких десятках миль от столицы. Недавно у неё умер отец, и мачеха объявила, что не намерена кормить бездельницу, которая сама может зарабатывать себе на жизнь. В деревне никакой работы не было. Кто-то сказал ей, что в большом городе заработок всем найдётся, и она отправилась в столицу искать счастья. Где-то шла пешком, где-то ей разрешали немного проехать на подводе.

Оказавшись в городе, девушка растерялась. Она не знала, куда идти, где искать место, что есть, где ночевать. Вскоре стало ясно, что никто не горит желанием взять на работу бездомную девушку, которая толком ничего не умеет. Правда, одна мадам, пытливо оглядевшая её, сказала, что можно попробовать предложить её какому-нибудь из знакомых джентльменов, но, когда до Летиции дошло, что ей предлагают, она сразу же убежала.

В бюро по найму прислуги с ней даже не стали разговаривать. Кому нужна служанка без рекомендаций, неумелая и неотёсанная.

И вот сейчас уже темнело, где ночевать – неизвестно, а в желудке второй день не было ни крошки, и от этого кружилась голова.

Когда госпожа Генри выслушала горестный рассказ девушки, она сказала жениху:

– Я хочу взять в горничные эту девушку.

– Ты уверена? – спросил господин Фрюлинг.

– Да, – ответила его невеста.

И впоследствии госпожа Фрюлинг ни разу не пожалела о своем выборе.

Летиция стала не только камеристкой, но и верным, преданным другом, практически членом семьи. Она с первых же дней начала вникать во все подробности своей службы, старалась научиться всему, что могло пригодиться.

Летиция быстро освоила все домашние работы, даже добровольно (это не входило в её обязанности) помогала на кухне, и там постепенно изучила искусство приготовления пищи. Госпожа Фрюлинг научила Летицию читать и писать, и та накупила себе целую стопку книг по домоводству и кулинарии.

Господин Фрюлинг был дипломатом, им приходилось жить в разных странах, и везде Летиция стремилась узнать что-то новое: то рецепт экзотического блюда, то новый узор вышивки, а то и чужой язык…

Но, пожалуй, самым главным достоинством Летиции была преданность своей госпоже. В любую минуту она была готова прийти на помощь своей хозяйке. Как-то госпожа Фрюлинг тяжело заболела, и Летиция несколько дней не отходила от её постели. Ей удалось выходить свою хозяйку. В другой раз в дом залезли воры. Неизвестно, чем бы это закончилось, но Летиция подняла такой переполох, что грабители испугались и в панике бежали.

Генриетта Фрюлинг, которая была на пять лет старше своей служанки, часто говорила, что ей будет жалко расставаться с Летицией, когда та найдёт своего избранника и выйдет замуж. А Летиция уверяла, что не родился ещё тот человек, ради которого она захочет покинуть свою госпожу. К счастью, этого не потребовалось: через несколько лет у господина Фрюлинга появился новый камердинер, который и влюбился в молодую горничную. Летиция к тому времени расцвела, в ней трудно было узнать заплаканную и изнуренную голодом и несчастьями деревенскую девчонку. Молодой камердинер сумел завоевать её сердце, и вскоре сыграли свадьбу. Так и служила эта семейная пара в доме Фрюлингов много лет, пока не скончался господин Фрюлинг, а вскоре и муж Летиции. Её дети уже имели свои семьи, и госпожа Генри предложила своей служанке снова поселиться под её кровом, так как семейство сына госпожи Фрюлинг к тому времени уже несколько лет проживало в Южной Америке, а оттуда, как известно, часто в гости не наездишься.

Так две одинокие немолодые женщины стали жить под одной крышей, всячески поддерживая друг друга.

Быстрота, с которой двигалась Летиция, поначалу просто ошеломляла. Казалось, она была во всех местах одновременно. При этом никто не сказал бы, что она бестолково мечется по дому. Нет, все её перемещения были целесообразны и помогали ей провернуть за короткое время массу дел. Она проводила нас в гостиную, подбросила в камин пару поленьев, затем на несколько секунд исчезла, а, появившись снова, уже несла из кухни поднос, уставленный какими-то кастрюльками и судками. Стол был накрыт заранее, так что мы сразу приступили к трапезе, которая была то ли поздним обедом, то ли ранним ужином.

В пансионе нас кормили хорошо, но всё-таки там была не домашняя еда. Кроме того, я нагулял аппетит на свежем воздухе, поэтому набросился на угощение, возможно не совсем в соответствии с представлениями о том, как должен вести себя за столом воспитанный мальчик.

Госпожа Фрюлинг предложила Летиции сесть за стол вместе с нами, если, конечно, Рольфи не возражает. Я не возражал, и мы поглощали стряпню Летиции (действительно очень вкусную!) и весело болтали, что, разумеется, не совсем правильно, но очень приятно. Разгова-

ривали, в основном, бабушка Генри и Летиция, я больше молчал. Пребывание у господ Шмерцев отучило меня от разговоров за столом, да и в пансионе полагалось принимать пищу молча. Летиция расспрашивала, где это мы так долго гуляли. Бабушка Генри стала рассказывать ей про зоопарк, но камеристка в притворном ужасе замахал руками.

– Ох, страсти какие! А что, как это зверьё вырвется из клеток и нападёт на почтенную публику? И как это люди не боятся!

Она рассказала, что в детстве они, деревенские дети, дрожали от страха, когда из леса доносился волчий вой. Вот с тех пор у неё и появилась боязнь всех зверей.

36. Вторая фотография (продолжение) Бабушка Генри. Исцеление души

После обеда бабушка Генри устроила мне небольшую экскурсию по дому. Всё в жилище двух пожилых женщин дышало уютом. Я и сейчас не особенно разбираюсь в интерьерах, а тогда и вовсе ничего не понимал. Чувствовал я только одно: мне здесь хорошо. Особенно меня поразил кабинет. За стеклянными дверцами шкафов стояли самые необыкновенные вещи, которые только можно было себе представить. Здесь были статуэтки из дерева, слоновой кости, бронзы, камня и керамики, причудливые вазы, старинное оружие, модели парусных кораблей, древние книги в кожаных переплетах, морские раковины и кораллы, и множество других удивительных предметов, которые я даже затруднялся назвать. На стенах висели картины и экзотические маски. Словом, кабинет напоминал музей или лавку антиквара. Бабушка Генри объяснила мне, что эту коллекцию собрал её покойный муж во время их поездок по дальним странам.

Сколько часов впоследствии я провёл в этом кабинете! Бабушка Генри рассказывала мне о путешествиях, об удивительных народах, так не похожих на нас, об их обычаях, искусстве и ремёслах. Мне казалось, что я сам побывал во всех этих странах.

Но в этот раз я не мог долго оставаться в гостях. Уже наступил вечер, и мне было пора возвращаться в пансион.

Ещё за обедом бабушка Генри попеняла Летиции, что та снова испекла слишком много булочек. Сегодня съесть их уже нет никакой возможности, а завтра вкус будет уже не тот.

И вот сейчас бабушка Генри попросила Летицию завернуть оставшиеся булочки.

– Угостишь своих товарищей, – предложила она.

Решили, что в пансион меня отвезёт Летиция, так как госпожа Фрюлинг к вечеру немного устала. Когда мы уже уходили, бабушка Генри указала на свёрток, который она приобрела в книжном магазине:

– Не забудьте. Это для Рольфи, на память о сегодняшнем дне.

Потом она нежно обняла меня и спросила:

– Ну как, хочешь, проведём следующее воскресенье вместе?

Я боялся, что этот чудесный день может никогда больше не повториться, поэтому с радостью ответил согласием.

Летиция наняла извозчика, и скоро мы уже звонили в двери лицея.

Открывший нам Бальтазар принял от Летиции свёрток с книгами и кулёк с булочками. Летиция тепло со мной попрощалась, прибавив, что через неделю будет очень рада увидеть меня снова, а уж она постарается приготовить что-нибудь вкусненькое.

Мы поднялись в мою комнату, и я попросил Бальтазара принести блюдо для булочек. Его я тоже стал угощать, но он взял только одну, сказав, что пусть лучше молодым господам больше достанется.

Все четверо мальчиков-пансионеров как раз были в общей гостиной, и я не без гордости поставил перед ними блюдо с булочками. Их не надо было уговаривать. Угощение мои однокашники уплетали за обе щёки, и скоро на блюде остались только крошки.

Потом начались расспросы.

Моих друзей интересовало всё: где я сегодня провёл целый день, кто та пожилая дама, которая меня забирала, кто испек эти булочки. Я отвечал не слишком подробно, так как мне пришло в голову, что если за мной больше никто никогда не придёт, то мальчики станут надо мной смеяться, говорить, что я не понравился своим родным. Поэтому я ограничился только сообщением что дама – моя дальняя родственница, и что я был у неё в гостях, а булочки

испекла ее прислуга. Про зоопарк я рассказывать не стал. Мне хотелось побыть одному и подумать обо всех событиях, которые случились сегодня.

Надо сказать, что с тех пор мои отношения с другими учениками стали улучшаться. Дело было не только в булочках или других лакомствах, которыми меня регулярно снабжали пожилые дамы, а в том, что само моё отношение к окружающим стало меняться.

Когда я вернулся в свою комнату, то обратил, наконец, внимание на свёрток с книгами – подарок бабушки Генри.

Я развернул бумагу и замер в восхищении. Передо мной лежали три толстых тома «Жизни животных» Брема. Роскошное издание в кожаных, с золотым тиснением переплетах и золотыми же обрезами, с многочисленными иллюстрациями и цветными вклейками, переложенными папиросной бумагой. Ты хорошо знаешь эти книги, Поль, они и сейчас занимают почётное место в нашей библиотеке. Не могу сказать, во сколько я лёг спать в тот день, потому что никак не мог оторваться от своего сокровища.

Всю неделю я не находил себе места. Дни тянулись медленно. На уроках я был рассеян. Мысли постоянно крутились вокруг одного: был ли тот волшебный, незабываемый день единственным в моей жизни или теперь моя судьба изменится? А вдруг я вёл себя плохо? Вдруг не понравился госпоже Фрюлинг или Летиции, и они больше не захотят меня видеть? Сознание полной ненужности, появившееся у меня за годы жизни в семействе Шмерцев, прочно укоренилось в моей душе.

Как ни медленно тянулось время, но утро воскресенья всё-таки наступило. Сразу после завтрака я оделся в свой лучший костюмчик (такие костюмчик обязаны были иметь все воспитанники на случай праздников и торжественных мероприятий) и уселся ждать. Терпения не хватало, и я несколько раз спускался в холл на первом этаже, чтобы через окно выглянуть на улицу. Но стоило в холле кому-нибудь появиться, как я опрометью бежал в свою комнату. Наконец, в мою дверь постучал Бальтазар и доложил, что в приёмной меня ожидает посетительница – госпожа Фрюлинг.

Чуть ли ни бегом ворвался я в приёмную. Бабушка Генри тоже устремилась мне навстречу, и мы обнялись. Она поцеловала меня и сказала:

– Милый мой мальчик, как я соскучилась!

Я только смог кивнуть головой – в горле у меня стоял комок, наверное, это были слёзы, которые я сдерживал.

Чтобы успокоить меня, бабушка Генри стала расспрашивать, как прошла неделя, и понравились ли мне книги. Я с жаром поблагодарил её, сказав, что всю неделю не мог с ними расстаться. Так, разговаривая обо всём, мы вышли за двери лицея.

На этот раз погода была более прохладной, всё же приближалась зима.

Мы немного погуляли по осеннему парку, пособирали осенние листья, каштаны и жёлуди. Бабушка Генри любовалась их красотой, и я тоже вдруг увидел, как они красивы.

Потом заморосил дождик, бабушка Генри раскрыла зонтик, и мы пошли ловить экипаж.

Минут через двадцать нас уже приветствовала на крыльце маленького домика Летиция.

Она очень разволновались от того, что мы попали под дождь, заставила снять промокшую верхнюю одежду, унесла её сушиться, потом закутала нас в пледы и усадила около камина. Напоив нас чаем, она произнесла:

– Госпожа Генри, вам не кажется, что нашему мальчику негоже ходить всё время в казённой форме? В ней и неудобно, и испачкать недолго.

– Верно, – согласилась госпожа Фрюлинг. – Надо приобрести что-нибудь подходящее.

Летиция уже притащила сантиметровую ленту и снимала с меня мерки. Бабушка Генри записывала их на бумажке.

И уже в следующее посещение их гостеприимного жилища передо мной лежала целая стопка самой разной одежды от рубашек, жилетов и брюк до курточек, плащей и пальто. Меня

попросили примерить обновки. Всё было мне в пору и сидело хорошо. Особо хочу отметить теплый мягкий свитер, который за неделю связала мне Летиция.

В детстве у меня было очень много всяких нарядов, мама любила, чтобы я выглядел маленьким франтом. Но из них я давно вырос и с тех пор имел только самый необходимый минимум одежды. Госпожа Шмерц вовсе не озадачивалась тем, как я одет.

Гардероб, который я получил стараниями бабушки Генри и Летиции меня порадовал, хотя до этого дня я не задумывался о том, что на мне надето.

Бабушка Генри только предупредила меня, что будет лучше, если при госпоже Шмерц я не буду появляться в новых нарядах, и вообще, хорошо, если она не узнает о наших встречах.

– Не подумай, я не учу тебя врать, – сказала бабушка Генри. – Просто не упоминай обо мне, а сама она расспрашивать не будет, я полагаю. Она может запретить нам встречаться, а мне этого очень не хочется.

Я уверил её, что меня это тоже огорчит.

С тех пор началась у меня другая жизнь. Шесть дней я жил в пансионе, старательно постигал разные науки и ждал, когда же наступит воскресенье. А когда оно, наконец, наступало, я с утра попадал в теплые и ласковые руки бабушки Генри и Летиции.

Госпожа Фрюлинг вовсе не занималась моим воспитанием. Она не читала мне нотаций, не принуждала поступать так, как она считала нужным. Нет, она просто проводила со мною время, беседовала, расспрашивала о моих делах в лицее. Она знала по именам всех моих преподавателей, всех друзей, никогда не забывала, какие предметы мы изучали. Сама она прекрасно знала несколько языков, и мы частенько разговаривали на одном из них. Это была как бы игра, в которой я незаметно совершенствовал свои знания. Бабушка Генри стала советовать мне прочесть ту или иную книгу, прививала мне вкус к хорошей литературе, и мы часто обсуждали с ней прочитанное. Именно бабушка Генри пробудила во мне любовь к истории. Сначала она давала мне почитать книги, где говорилось о наших предках, а потом и другие труды по истории нашей страны. Я стал понимать, что история – это не нечто, бывшее давным-давно и оторванное от современной реальности, нет, каждый день, каждый час жизни, уходя в прошлое, становится историей, а задача историка – как бы вернуть и сохранить, пусть не всё прошлое, но, хотя бы, его фрагменты.

Мы ходили с бабушкой Генри в театры и на концерты, посещали музеи и выставки. Она развивала мой вкус и расширяла мой кругозор. Своей любовью и вниманием она как бы стирала с моей души раны, нанесённые потерей родителей и пребыванием в доме Шмерцев.

Почти десять лет была рядом со мной бабушка Генри. За это время я превратился из мальчика в юношу.

Два раза приезжал из-за океана сын госпожи Фрюлинг с семейством. В первый раз я сильно комплексовал. Мне казалось, что им не понравится, что их мама и бабушка дарит свою любовь чужому мальчику. Но волновался я совершенно зря. Все отнеслись ко мне, как к родному, они даже привезли мне подарок – очень красивое пончо из шерсти ламы. Мои лицейские друзья пришли в восторг, когда его увидели, и это пончо неизменно принимало участие в наших играх в индейцев.

Да, я постепенно перестал дичиться и принимал участие во всех играх и развлечениях. Поскольку я был, пожалуй, самым начитанным, то часто сам придумывал сюжеты игр, и мальчишкам это нравилось. А ещё они любили, когда я пересказывал им воспоминания бабушки Генри о дальних странах и путешествиях. И уж, конечно, когда я возвращался из гостей, все с нетерпением ждали, что вкусненького приготовила для них Летиция.

Я все реже и реже вспоминал годы, проведенные в доме Шмерцев.

Впрочем, совсем забыть мою опекуншу не получалось. Два раза в год: перед Рождеством и накануне летних каникул она заявлялась в лицей в сопровождении представителя опекун-

ского совета. В первые годы им был тот господин, который забрал меня из замка, потом его сменила дама.

Об их визите директор лицея предупреждал меня обычно накануне. Если их приход планировался на воскресенье, я посылал моим добрым дамам записку с сожалениями, что не смогу их посетить.

Госпожа Шмерц и представитель опеки приносили много разных бумаг, некоторые из которых я должен был подписать в присутствии директора лицея. Затем мне задавали несколько стандартных вопросов: всем ли я доволен, не хочу ли я повести каникулы в семействе Шмерцев (я, разумеется, не хотел), есть ли у меня какие-то просьбы.

Когда мне было лет тринадцать-четырнадцать, я спросил, нельзя ли мне увеличить сумму карманных денег. Дело в том, что мне очень хотелось на праздники делать подарки бабушке Генри и Летиции. Сейчас я мог себе позволить только небольшой букетик цветов или коробочку конфет. Моя невинная просьба вызвала целую бурю. Меня стали расспрашивать, зачем мне нужны деньги. Сразу возникли предположения, что я втянулся в азартные игры, наделал долги или, возможно, приобрёл вредные привычки. Когда я сказал, что мне хочется иногда делать подарки моим друзьям, то сразу же выслушал лекцию о том, что я напрасно воображаю себя богачом, что деньги надо беречь, что госпожа Шмерц из всех сил старается сохранить мои средства, а я этого совсем не ценю. Я уже и не рад был, что высказал эту просьбу.

Уже много позже, когда мне было семнадцать лет, незадолго до своего ухода бабушка Генри сказала, что ей надо сообщить мне нечто важное.

– Ты сейчас уже взрослый юноша, через год вступишь в права наследства, я хотела рассказать тебе всё после твоего совершеннолетия, но боюсь, что не доживу до этого дня…

Я стал протестовать, говоря, что она проживёт ещё долго, что я мечтаю съездить с ней в мой родовой замок, что хочу отметить свой следующий день рожденья в моем городском доме и хочу видеть её и Летицию самыми желанными гостями.

– Это было бы замечательно, – улыбнулась госпожа Фрюлинг. – Я сама хочу этого, но нельзя знать своё будущее, поэтому, прошу, выслушай меня.

Когда не стало твоих родителей, я сразу же отправилась в опекунский совет с просьбой отдать тебя под мою опеку. Но мне было отказано, так как я не была твоей кровной родственницей, да и мой возраст внушал опасения, что я не смогу выполнять свои опекунские обязанности до твоего совершеннолетия.

Через некоторое время я узнала, что опекуном назначено троюродная сестра твоей мамы, моей дорогой Севастианы. Я решила проведать тебя и познакомиться с госпожой Шмерц. Но меня не пустили дальше прихожей. Твоя опекунша заявила, что ты – нервный, неуравновешенный и истеричный ребенок. Мой визит выбьет тебя из колеи, и ей потом будет очень трудно привести тебя в норму. А кроме того, её супруг, господин Шмерц, страдает мигренью. Посторонние люди в доме могут вызвать у него приступ головной боли.

Вернувшись домой, я задумалась. Поведение твоей опекунши насторожило меня. Я очень хорошо знала всю семью твоей покойной мамы. С твоей бабушкой мы были подругами с детства. И никогда я не слышала о родне по фамилии Шмерцы. Но, возможно, девичья фамилия госпожи Шмерц была мне знакома? И я наняла сыщика.

Через некоторое время он представил мне отчёт. Выяснилось, что госпожа Шмерц не состоит ни в каком родстве с твоей мамой, зато её муж является приятелем того служащего опекунского совета, который занимался поисками твоей родни. Господин Шмерц, будучи неудачным биржевым игроком, к тому времени имел огромные долги. Возможно, приятель посоветовал ему оформить опеку и путём разных махинаций извлекать из этого выгоду. Во всяком случае стало понятно, почему госпожа Шмерц так равнодушно относилась к своим обязанностям. Муж просто вынудил её принять опеку, а она, слепо преклоняясь перед ним, не смогла

отказать, хоть и тяготилась обязанностями опекуна. А, кроме того, она, очевидно, боялась разоблачения.

Ведь для того, чтобы извлекать материальную выгоду из опекунства, приходилось пускаться на разные подлоги и мошенничества, а это уже подсудное дело. Вот поэтому ты и вызывал у госпожи Шмерц раздражение, в основе которого гнездился страх.

Потом я ещё несколько раз прибегала к услугам сыщика. Он выяснил, что время от времени твоя опекунша наведывалась и в ваш городской дом, и в замок. Что ей там могло понадобиться? Боюсь возводить напраслину на человека, но, возможно, ты не досчитаешься некоторых вещей, принадлежавших твоей семье.

(Замечу, Поль, что так и оказалось. Пломбы почти на всех дверях были сорваны. На стенах выделялись пустые места с торчащими гвоздями, недвусмысленно указывающие на то, что здесь когда-то висели картины. Старый Микельс по памяти составил опись всех ценных вещей, имевшихся в доме и в замке. Его сын по тетради отца провёл полную инвентаризацию и многого не досчитался).

Так вот, бабушка Генри продолжала:

– В одном из последних отчётов сыщик сообщил, что Шмерцы окончательно разорились, продали свою квартиру и сейчас снимают скромное жильё где-то на окраине. Кажется, у господина Шмерца случился апоплексический удар, и он совсем не выходит из дома.

Скоро тебе предстоит вступить в права наследства, дорогой Рольфи. Возможно, тебя огорчит и даже возмутит то, как уменьшилось твоё состояние за те годы, когда им распоряжалась госпожа Шмерц.

И у меня есть к тебе просьба, или совет, считай, как хочешь.

Не вступай ни в какие тяжбы со Шмерцами, не подавай на них в суд. Взять с них всё равно нечего. Но всякого рода разбирательства только ожесточат твою душу. Прими всё, как есть, а справедливый суд предоставь Богу. В своё время он рассудит всех по их делам. Не старайся изменить прошлое – это невозможно. Старайся созидать будущее. Получи хорошую, интересную профессию. Найди любимую девушку и создай с ней крепкую семью, твой оплот в этой жизни. Я верю, ты не погонишься ни за внешней красотой, ни за богатым приданым. Самое главное в твоей будущей избраннице – это её душа.

Помни, ты продолжатель древнего рода, и этот род не должен угаснуть.

К сожалению, сложилось так, что исполнение этого пожелания бабушки Генри произошло только через многие годы…

Но я забежал вперёд.

Как растению необходимо, чтобы на него падали солнечные лучи, так и душе ребёнка необходимы любовь и внимание окружающих. И с появлением в моей жизни бабушки Генри и Летиции я получил то, чего мне так не хватало. Знаешь, Поль, когда я читаю книги, в которых описана жизнь детей, брошенных на произвол судьбы, оказавшихся не только без родных, но и без крыши над головой, без куска хлеба, я спрашиваю себя: так ли плохо было мне, как им? Ведь я был сыт, одет, спал в своей постели, меня даже водили на прогулки. Но те дети (по крайней мере в книгах) на своём пути рано или поздно встречали людей, не важно: детей или взрослых, с которыми могли поговорить по душам, и которые иногда становились их друзьями. Конечно, случалось и так, что они попадали в дурные компании и шли по кривой дорожке. Я был от этого защищён. Но глубокое духовное одиночество – это тоже страшно. Два года у Шмерцев наложили на мой характер отпечаток, который не исчез, а только сгладился с годами. Я нелегко схожусь с людьми, меня тяготят шумные компании. Возможно, я сух в проявлении своих эмоций. Если ты когда-нибудь чувствовал это, прости меня.

– Что ты, папа, – поспешил возразить Поль, – я всегда считал, что мужчина должен быть сдержан в проявлении чувств. Я, наоборот, чересчур эмоционален, и постоянно стараюсь себя одергивать…

– У каждого человека свой характер. Что, конечно, не исключает того, что над своими недостатками надо работать.

Но я продолжу. Конечно, я не могу сейчас рассказать тебе о тех почти десяти годах, когда каждый свободный день я проводил под гостеприимным кровом бабушки Генри. Закончилось детство, прошло отрочество, наступила юность. Уже был недалёк тот день, когда я, наконец-то должен был получить самостоятельность. Я строил грандиозные планы: переехать в свой дом, купить автомобиль (тогда они всё чаще встречались на улицах, и я буквально бредил ими), съездить в замок, и, если возможно, найти Микельсов (я бы почти забыл про них, но бабушка Генри мне всё время о них напоминала). К тому же, я заканчивал обучение в лицее, и мне предстояло поступление в университете. Жизнь рисовалась мне исключительно в розовых тонах.

Огорчало меня только состояние здоровья госпожи Фрюлинг. Нет, она не болела, а как-то таяла. А, может быть, и болела, но не в её характере было огорчать окружающих своими жалобами. Часто бабушка Генри с улыбкой говорила извиняющимся тоном:

– Что-то я сегодня совсем разленилась, хочется полежать в постели.

Между тем, голова её была совершенно ясной, память не подводила, и на исхудавшем бледном лице светились совершенно молодые глаза. Мы много разговаривали, иногда я читал вслух (зрение её ослабело), а после мы беседовали о прочитанном. Всё так же интересовалась бабушка Генри моими делами в лицее.

Однажды она сообщила мне, что скоро приедет её сын с семьёй.

– Я попросила их приехать. Хочу, чтобы они были рядом, когда ЭТО случится.

Мы с Летицией поняли, что значит ЭТО, и с жаром принялись её уверять, что она ещё долго проживёт.

Но бабушка Генри покачала головой:

– Я чувствую. И поверьте, это вовсе не так страшно, если человек прожил свою жизнь до конца, если у него чиста совесть и, если рядом любимые и любящие люди. Я верю, что с ними меня не сможет разлучить и смерть. А когда-нибудь мы снова встретимся с теми, кого любили, чтобы больше никогда не расставаться.

Через несколько дней, действительно, приехали её сын, невестка и внучка. Но не только. Внучка (ей уже исполнилось девятнадцать лет) привезла с собой своего жениха. Бабушка Генри была счастлива. Жених ей понравился, и она благословила молодых. Так среди самых близких людей провела она свои последние дни. Меня она тоже просила приходить как можно чаще. Директор лицея уважал бабушку Генри, и разрешил мне навещать её каждый вечер.

Все собирались вокруг постели госпожи Фрюлинг и беседовали. Она с интересом слушала рассказы сына о его работе, о той далёкой стране, где они жили, и где ей самой не пришлось побывать. После одного из таких вечеров я вернулся в пансион и лёг спать. А рано утром меня разбудил стук в дверь. Бальтазар доложил, что ко мне пришла посетительница. Это была заплаканная Летиция. Она, задыхаясь от слёз, сообщила, что бабушка Генри скончалась той ночью во сне.

Потом наступили печальные дни похорон, дни прощания. Госпожа Фрюлинг упокоилась рядом со своим супругом, и только сейчас я понимаю, как ей не хватало его в последние годы её жизни. Теперь они были вместе.

После заупокойной службы я вернулся в пансион. Через два дня меня снова навестила одетая в траур Летиция. Она сообщила, что в полдень будет оглашение завещания, и я обязательно должен на нём присутствовать. Я, было, хотел отказаться, но Летиция сказала, что так хотела бабушка Генри, и я обещал быть.

Госпожа Фрюлинг не забыла в своём завещании никого. Основное имущество она, конечно, оставила своим родным. Какая-то то часть средств была завещана благотворительным фондам. Своей верной Летиции она приобрела небольшой, но очень уютный домик с полной

обстановкой, где та и прожила последние годы с семьёй своей старшей дочери. Кроме того, ей было назначено ежегодное денежное пособие, позволявшее вести безбедную жизнь.

К моему удивлению, я тоже был упомянут в завещании. Бабушка Генри оставила мне кабинетный мебельный гарнитур, когда-то заказанный господином Фрюлингом в Индии. Ты хорошо его знаешь, Поль. Бабушка Генри написала в завещании, что верит в то, что я буду заниматься наукой, поэтому мне пригодятся и письменный стол, и книжные шкафы, и удобное кресло.

Я пытался отказаться от такого дорогого дара, но семья бабушки Генри не хотела и слушать. Её сын сказал мне:

– Мы очень благодарны вам, что вы все эти годы были рядом с нашей мамой и бабушкой. И вы были для неё настоящим, любимым внуком. Поэтому имеете полное право на то, чтобы быть в числе наследников, как один из самых близких и дорогих людей.

Поскольку я пока не мог забрать кабинет – ключи от дома по-прежнему были у госпожи Шмерц, то было решено, что до моего совершеннолетия мебель постоит в доме госпожи Фрюлинг, а, когда я смогу забрать её, то мне откроет дом Летиция, у которой оставались ключи от дома бабушки Генри.

Скажу, что этот дом был продан только через несколько лет, когда родня бабушки Генри сделала выбор и решила остаться навсегда в той стране, где они прожили долгие годы. Мне было очень грустно, что в этом дорогом для меня доме, где прошло много счастливых часов моей жизни, теперь жили совершенно посторонние люди, но такова жизнь.

Летиция прожила после ухода бабушки Генри ещё восемь лет. Я её часто навещал. Мне нравилось её семейство, я видел, что Летиция окружена заботой и любовью, но что-то в ней изменилось. Она вроде бы бывала и весёлой, и хлопотливой, как раньше, но не было в ней той жизнерадостности, что при госпоже Фрюлинг.

37. Между второй и третьей фотографией. Встреча с Микельсами

Через три месяца мне исполнилось восемнадцать лет.

Почти полтора месяца: с окончания лицея до моего дня рождения я жил один в опустевшем пансионе. Директор объяснил мне, что моя опекунша по некоторым обстоятельствам не может забрать меня к себе. В таком случае меня полагалось сдать в приют, но директор похлопотал, и мне разрешили оставшееся до совершеннолетия время пожить в пансионе. Он разрешил мне выходить в дневное время, и я употребил свободные дни на обучение вождению автомобиля.

И вот наступил долгожданный день.

В присутствии нотариуса госпожа Шмерц очень быстро и нервно сложила с себя обязанности моей опекунши. Выглядела она неважно, сильно похудела, глаза ввалились, и их окружали синие тени. Одета она была очень бедно. Мне показалось, что госпожа Шмерц боится смотреть мне в глаза. Несмотря на то, что я не видел от неё ничего хорошего, в тот момент мне стало её жаль. Я подписал какие-то бумаги, которые мне подал стряпчий, получил целую стопку каких-то документов. Госпожа Шмерц почти кинула мне две связки ключей: от дома и от замка. Я пробормотал:

– Спасибо, – но она мне ничего не ответила.

После этого мы расстались, и больше я ее никогда не видел. Может быть, мне следовало проявить милосердие, навестить её, возможно чем-то помочь. Но я чувствовал, что она будет совсем не рада. Ведь я являлся для неё живым укором. Она понимала, что растратила существенную часть моего имущества и очень боялась разоблачения.

Не могу передать тебе, Поль, с каким чувством я вступил под крышу моего родного дома. Я совсем забыл, как он выглядел. Но как только шагнул через его порог, мне сразу показалось, что я никогда его не покидал.

Летиция помогла мне на первых порах. Она наняла женщин, которые провели уборку, вытерли многолетнюю пыль, выбили ковры, помыли окна и простирали шторы. И дом снова стал приветливым и гостеприимным. Я освободил одну комнату и там разместил наследство бабушки Генри – мебель работы индийских кустарей. Сюда же я принес и все подарки бабушки Генри. А их много накопилось за эти годы. И все они были со смыслом. На моё шестнадцатилетие бабушка Генри подарила мне модель каравеллы «Санта Мария» Христофора Колумба. Она заказала её специально для меня.

– Смотри, – сказала она, – парусники прекрасны, они как птицы, летящие над водой в неведомые страны. Но для меня это ещё и символ вечного поиска, стремления к чему-то новому, неизведанному и прекрасному. И ещё мне почему-то кажется, что и ты когда-то тоже устремишься на поиски чего-то загадочного и никем пока не открытого на таком же или похожем корабле…

Ну, Поль, ты знаешь, что этой догадке бабушки Генри не суждено было сбыться, разве только в переносном смысле. Мои поиски неизвестного проходят только в архивах, библиотеках, да иногда на раскопках.

Один раз бабушка Генри подарила мне диковинную вещицу, работу китайских мастеров: девять ажурных резных сфер находящихся одна внутри другой и выточенных из цельного куска слоновой кости без единой склейки.

– Погляди, какая тонкая и чистая работа. Сделать такое можно, только если у мастера есть огромное терпение и виртуозное мастерство. Если сразу представить себе, что должно

получиться, то работа покажется невыполнимой. Но если всё делать тщательно и аккуратно, шаг за шагом, то в результате можно создать вот такое чудо.

Дарила она мне и множество других интересных вещей, и, конечно, книги. Ты, Поль, всё это видел много раз, не буду долго тебе рассказывать. А одним из самых дорогих подарков для меня стала вот эта фотография, на которой я запечатлён с моими родителями. Все годы, что я учился в лицее, она стояла на моём столике, и я иногда, глядя на неё, мысленно беседовал с моими родными.

То лето было переломным моментом в моей жизни. Я закончил лицей, был свободен и самостоятелен и жил в своём доме.

Печалила меня только мысль о том, что бабушка Генри не дожила до этого времени.

За оставшийся летний месяц мне предстояло сделать три важных дела: поступить в университет (тогда вступительные экзамены сдавали позже, чем сейчас – в сентябре), съездить в замок, и купить автомобиль.

До экзаменов оставалось недели три, а сразу после них начинались занятия в университете. Поэтому все дела надо было делать побыстрее. Я решил начать с покупки автомобиля. Мне очень хотелось въехать в замок на личном авто. Конечно, это было юношеское тщеславие, но я всё-таки решил исполнить свою мечту. Оправдывал я себя тем, что на автомобиле можно добраться до замка гораздо быстрее, чем в экипаже. Большими средствами я не располагал, поэтому купил сравнительно недорогую модель и отправился в путь.

Я ехал почти без остановок, только перекусил один раз в придорожном трактире, да постоял недолго у того места, где когда-то находился злополучный овраг, в котором погибли мои родители.

Когда я въехал в Вундерстайн, то мой автомобиль произвёл настоящий фурор. Люди бросали все дела, чтобы поглазеть на диковинную повозку без лошади. Автомобили заезжали к ним нечасто. Когда моя машина приблизилась к замку, то в просвете полуразрушенных ворот показалась мужская фигура. Она устремилась ко мне навстречу, и когда мы почти поравнялись, я остановился.

Микельс, а это был он, тогда ещё статный молодой мужчина, был взволнован почти до слёз.

– Ваше сиятельство! Вы приехали! Вы всё-таки приехали! А я верил, что вы приедете, я вас ждал. Недели две уж прошло, как вам восемнадцать сравнялось, а вы всё не едете. Я уже в столицу собирался, узнать, как у вас дела, сказать, что ждём вас…

Я почувствовал, что должен был хотя бы написать. Но я и предположить не мог, что про меня кто-то помнит, что меня ждут.

Я пригласил Микельса сесть в машину, и мы въехали во двор замка. Здесь нас встретила молодая женщина – жена Микельса Фанни. Она немного робела, и старалась держаться позади мужа.

Вместе мы открыли дверь и вошли в замок. Я и Микельс – через двенадцать лет после того, как покинули его, а Фанни – впервые.

Со смешанным чувством радости и печали вступил я под эти своды. Здесь я провёл самые счастливые и беззаботные дни моей жизни, и здесь же я испытал самое огромное горе.

А Микельс всё говорил и говорил. Он сообщил мне о смерти своих родителей, о том, как они мечтали снова увидеть меня, да вот, не пришлось… Рассказал о замужестве своей сестры, о своей женитьбе. Поведал и о том, как переживали верные слуги, когда в замок наезжала госпожа Шмерц, как выносила и запихивала в экипаж какие-то вещи. И как они старались не попадаться ей на глаза, хотя очень хотелось спросить, куда и зачем она увозит господское имущество. Я понимал, что они чувствуют передо мной вину за это, и поспешил успокоить Микельсов, сказав, что важно только одно: они сохранили для меня самое дорогое – самих

себя. Они были тронуты, но я увидел в глазах Микельса невысказанный вопрос. Я попросил прямо сказать, что его беспокоит.

– Я хотел бы узнать, ваше сиятельство (если это дерзость с моей стороны, простите меня): можем ли мы считать себя по-прежнему слугами дома графа Вундерстайна, или вы предпочтете нанять другую прислугу, а нам надо искать иное место?

Я понял, что дело не только в работе или жилье. Нет. Самое главное, они не мыслили другой жизни, чем жизнь в замке, иных хозяев, кроме нашего семейства. Бабушка Генри часто рассказывала мне, что семейства Вундерстайнов и Микельсов веками жили рядом, и говорила, что такие связи разрывать нельзя.

Я поспешил успокоить Микельсов, сказав, что и не представляю никаких других слуг, кроме них, но выразил сожаление, что моё теперешнее финансовое положение не позволит мне платить им большое жалованье, которого они, безусловно, заслуживают за свою верность.

Они не могли скрыть свою радость и облегчение. Микельс заверил меня, что размер жалования для них неважен, самое главное – что они снова получили работу и кров.

– Отец мечтал об этом дне, – сказал он. – Думаю, он сейчас радуется на небесах вместе с матушкой и Ленни.

Мои вновь обретенные слуги сразу же начали хлопотать по хозяйству. Но замок был мало пригоден для ночлега. Воздух был сырым и затхлым. Постельное бельё за долгие годы приобрело неприятный запах. Растопить печь и камины было нечем.

Немного смущаясь, Микельс спросил, не соизволю ли я провести несколько дней в местной гостинице, где хозяином был его зять Антоний.

– Анна будет так уж рада! Она тоже вас ждала… Хотя и негоже вам жить в гостинице, да всё же лучше, чем здесь. А мы уж приложим руки, через несколько дней вы замок не узнаете.

Микельс сел со мной в машину, а Фанни отказалась. Тогда она побаивалась этого транспортного средства.

В гостинице меня встретили с распростёртыми объятьями. До Антония и Анны уже дошли слухи о том, что некий молодой человек на новомодном средстве передвижения проехал через город, но нигде не остановился, а сразу направился в замок. Никем иным, кроме как графом Вундерстайном этот незнакомец быть не мог.

Меня ожидал самый радушный приём. Был подан роскошный ужин, которым не стыдно было бы угостить и короля. Где-то в середине трапезы явился сам мэр города, который услышал о моём приезде и решил лично меня поприветствовать и узнать о моих планах. Я сказал, что мне ещё предстоит учеба в университете, но в свободное время я обязательно буду приезжать в своё родовое гнездо. Мэр пожелал мне успехов и выразил надежду, что я буду способствовать процветанию родного города.

Я очень устал в этот день, ужин затянулся за полночь, и я был рад, когда он, наконец, закончился. Мне отвели самый лучший номер, и я заснул, едва положив голову на подушку.

Проснулся я поздно. Микельс ждал моего пробуждения в коридоре, и услышав, что я поднялся, сейчас же появился с предложением своих услуг. С детских лет я всё делал сам, поэтому желание Микельса непременно помогать мне умываться и одеваться сильно меня смутило. Я сказал, что привык одеваться самостоятельно, что очень огорчило Микельса. Он объяснил, что все годы отец обучал его обязанностям камердинера, которые были освящены вековыми традициями. Отказ от них Микельс считал величайшим кощунством. Я же попытался ему объяснить, что я, напротив, с этими традициями совсем не знаком, поэтому не считаю их исполнение обязательным.

Микельс хоть обиделся, но спорить не стал. Впрочем, он вскоре снова обрёл хорошее настроение. Ведь ему предстояло изрядно потрудиться, чтобы привести замок в пригодное для жизни состояние. Я выдал ему деньги на необходимые расходы, и он, препоручив меня заботам Антония и Анны, удалился почти бегом.

Три дня я провёл под гостеприимным кровом гостиницы. Хозяева, кажется, задались целью откормить меня, как на убой. Завтрак плавно перетекал в обед, а тот в ужин. Мне предложили приносить еду в номер, но я отказался, и столовался в общем зале. Приток посетителей увеличился во много раз: кажется, всем жителям городка понадобилось хоть на минутку заглянуть в трактир при гостинице. Всем хотелось хоть одним глазком посмотреть на молодого графа Вундерстайна. Анне пришлось нанимать дополнительную прислугу на кухню, иначе бы они не справились.

Мне же очень хотелось удрать из гостиницы и побродить по городу, но, представив, что за мной будет ходить толпа любопытствующих зевак, я от этой мысли отказался. Микельс являлся ко мне дважды в день: утром и вечером. Он осведомляться о моем самочувствии, спрашивал, нет ли у меня каких-то поручений к нему. На мой вопрос, когда можно будет вернуться в замок, он неизменно отвечал:

– Скоро.

И вот, вечером третьего дня он торжественно объявил, что утром можно будет снова вернуться под крышу замка.

Как Микельсам удалось за столь короткий срок проделать такую работу, я не понимаю до сих пор.

Все жилые помещения были приведены в тот вид, какими я их запомнил с детства (конечно, насколько это было возможно).

Я зашёл в свою детскую. Все мои игрушки, книжки были на своих местах. Как будто и не было этих двенадцати лет… Всё-таки это было очень грустно, тут всё было без изменений, а я стал другим.

В спальню родителей я заходить не стал, это было выше моих сил. Я запер её на ключ, и прошло несколько лет, прежде чем я понял, что прошлым жить нельзя, и велел все устроить в этой комнате по-другому. Да, Поль, нам порой хочется сохранить зримые воспоминания о тех, кого мы любили, и кого потеряли. Но нельзя всё время жить в мемориальном музее. Память надо хранить в сердце, а не в вещах. Я оставил на память только некоторые личные вещи моих родителей.

В моей детской спальне стояла маленькая кроватка, застеленная белым кружевным покрывалом. Было ясно, что на таком ложе я не помещусь, даже если сложусь пополам.

Микельс спросил меня, где я хотел бы устроить свою спальню. Я выбрал одну из гостевых комнат, и к вечеру она была готова. Во всех комнатах топились камины, и сырость и застой воздуха уже совершенно не чувствовались. С кухни неслись вкусные запахи – там колдовала Фанни.

Одну неделю провёл я в замке. За это время я привык к семейству Микельсов, и мне казалось, что они всегда были со мной.

Но, хоть и хорошо мне было в замке, но надо было возвращаться в столицу: предстояли вступительные экзамены, а к ним ещё надо было подготовиться.

38. Между второй и третьей фотографией (продолжение)

Микельс немного помнил наш дом в столице, а Фанни никогда не покидала мест, где родилась и выросла. Переезд в город был для них огромным событием, но они без колебаний отправились со мной. Я к тому времени уже немного обучил Микельса вождению автомобиля, и он заменял меня за рулём на более спокойных участках дороги. А Фанни сидела на заднем сидении с зажмуренными глазами – ей казалось, что автомобиль несётся с огромной скоростью, и мы вот-вот разобьёмся.

В городском доме Микельс ориентировался хорошо, всё-таки ему было пятнадцать лет, когда он в последний раз был в этих стенах. Он сразу нашел те комнаты, в которых жила прислуга и занял комнату своего отца.

Вообще, я заметил, что он изо всех сил старался подражать нашему старому дворецкому. После первого излияния чувств при нашей встрече он стал сдержан и немногословен. Микельс старался неукоснительно соблюдать всё, чему научил его отец, это был своеобразный кодекс чести идеального слуги. Увы, я в первое время не мог оправдать его надежд. Я никогда никем не повелевал и не видел, как повелевают кем-то другие: в доме Шмерцев я был слишком мал и слишком подавлен, чтобы обращать внимание на взаимоотношения слуг и хозяев. Летиция и вовсе была не в счёт, они, скорее, были добрыми подругами с госпожой Фрюлинг. Кроме того, у меня вообще не было никакого жизненного опыта, и я был очень молод. Микельс был девятью годами старше меня, а в нашем возрасте эта разница казалась очень большой. Я едва вышел из подросткового возраста, а Микельс был взрослым, уже женатым мужчиной. У него был большой жизненный опыт, опыт выживания, опыт лишений, опыт борьбы с трудностями. Но почти не было опыта слуги. Все свои знания он получил теоретически и, наверное, очень переживал за то, что вдруг не сможет поддержать фамильную честь рода Микельсов.

По отношению ко мне он испытывал двойственные чувства. С одной стороны, я был его господином, чьи слова всегда должны были беспрекословно исполняться, с другой стороны, я, наверное, казался ему несмышлёнышем, почти ребенком, к тому же не разбирающимся в традициях, принятых в доме Вундерстайнов.

Через какое-то время мы всё-таки сумели найти общий язык, притёрлись друг к другу. Микельсы стали моей семьёй, сейчас я не мыслю жизни без них.

Я успешно поступил в университет, на исторический факультет. Как я уже упоминал, любовь к истории привила мне бабушка Генри. Она много рассказывала мне о родителях, потом разговоры перешли на более отдаленных предков. Очень большое впечатление на меня произвела история рыцаря Валента Вундерстайна и его подвиг. Я старался найти более подробные сведения о Битве при перевале. И меня увлекли исследования, научный поиск. У кого-то изучение старых, всеми забытых документов вызывает скуку и раздражение, а для меня это было сродни поискам клада. Ты вот тоже не захотел копаться в пыли веков. Но я сейчас думаю, что это неплохо. Литература и история могут идти рука об руку, и, возможно, ты когда-нибудь напишешь книгу о наших теперешних поисках, особенно, если они увенчаются успехом.

Начались занятия в университете. На лекциях рядом со мной почти всегда сидел высокий светловолосый парень, очень обаятельный и дружелюбный. Когда он улыбался (а улыбался он очень часто), то на душе становилось как-то светлее. Мы представились друг другу. Он назвал себя – Фрид. А потом и фамилию – она совпадала с фамилией короля. Я заметил, что он – полный тёзка младшего сына короля, принца Фридерика.

– А я – он и есть! – заявил юноша.

Я смутился:

– Простите, что обращался к вам недостаточно учтиво, ваше высочество.

– Брось ты с этим «высочеством»! Оно мне и во дворце надоело. А то я тебя буду звать «сиятельством»! Ты ведь граф Вундерстайн, верно? Давай по имени и на «ты», без церемоний!

Так я стал не «другом короля», как Валент Вундерстайн, а «другом принца». И эта дружба длилась все студенческие годы.

У Фрида любовь к истории возникла по иной причине, чем у меня. Он был страстным нумизматом. Как-то в детстве на день рождения ему подарили небольшую коллекцию старинных монет, среди которых были и редкие. И принц «заболел» ими. Ему хотелось как можно больше знать о каждой монете: что на ней изображено, в какую эпоху она имела хождение, какие события с ней связаны. Отсюда и возникло желание изучать историю.

Венценосные родители не возражали. Наследным принцем был старший сын – Николаус. Ему предстояло со временем унаследовать отцовский престол.

Для наследника существовал особый порядок обучения. Он не учился на определенном факультете, а изучал на разных факультетах, а также и индивидуально все те дисциплины, которые могли понадобиться ему при управлении страной: право, международные отношения, экономику, военное дело, языки и многое другое. Иногда обучение растягивалось лет на десять. И брат Фрида – Николаус, который был на семь лет старше его, усердно постигал всё необходимое. А младший брат смог избрать себе занятие по призванию.

Мы очень сдружились с Фридом, он оказался прекрасным другом, интересным собеседником, обладал лёгким и весёлым нравом и прекрасным тонким чувством юмора. Он как бы дополнял мою немногословность и сдержанность. Часто противоположности сходятся.

Годы нашей учёбы пришлись на нелёгкое время: через год началась первая мировая война. Хотя Мединленд напрямую в ней не участвовал, но тяготы войны задели и нас. Сразу же в наше королевство хлынул поток беженцев. Наша маленькая страна не в состоянии была прокормить всех. Рабочих мест не хватало, безработица и голод толкали людей на преступления. Всё резко подорожало, особенно продукты. Я думаю, именно потому, что король помнит о тех тяжёлых временах, он старается не допустить такой ситуации сейчас, после второй войны, потрясшей мир.

Когда мы заканчивали обучение, нам предложили продолжить совершенствовать свои знания и заняться научной работой на университетской кафедре.

Но вышло по-иному. Старший брат Фрида, наследный принц Николаус неожиданно заболел испанкой, которая тогда уносила тысячи жизней, и вскоре скончался. Где он мог заразиться? Предполагали, что во время одного из зарубежных визитов, в которых он часто принимал участие.

И наследным принцем стал Фридерик. Теперь ему в срочном порядке надо было получать все знания, необходимые для монарха. У нас с той поры совсем не было времени на встречи. И ещё меньше времени стало через пару лет, когда от удара скончался его отец – король Максимилиан (он так и не смог пережить смерти старшего сына), и власть перешла в руки Фридерика.

С тех пор мы виделись всего несколько раз. Нет, он не загордился, не забыл меня. Ты помнишь какое трогательное письмо с соболезнованиями прислал он, когда не стало нашей мамы? А ведь он был в это время за границей, но нашёл время написать и поддержать меня. Король не принадлежит себе. Поэтому и я не навязываюсь к нему с воспоминаниями о нашей дружбе. Знаю, он помнит всё, как и я.

39. Третья фотография. Глория

Фридерик правил, а я занимался наукой. Писал научные труды и книги, получал степени, участвовал в конференциях и симпозиумах, читал лекции.

Только одно оставалось без изменений: я был одинок. Виной тому была и замкнутость моего характера, и отсутствие знакомых, в чьих домах я мог бы найти свою избранницу. Нет, мне, конечно, приходилось знакомиться с девушками, но очень скоро я понимал, что не могу представить ни одну из них спутницей своей жизни. А если так, зачем морочить девушке голову, подавать ей надежды?

Микельс с огорчением взирал на всё это. Пару раз он даже взял на себя смелость и намекнул мне, что роду Вундерстайнов никак нельзя без наследника. У него самого уже подрастал один сын и ожидался второй.

Я к этому времени совсем разуверился в том, что могу создать такую семью, о которой мечтал, и подумывал о том, что следует вступить в брак без любви с какой-нибудь хорошей девушкой для продления рода. Такая мысль была мне неприятна. Очень не хотелось жениться «по расчёту», пусть и не связанному с материальной выгодой.

Вот тогда-то я и познакомился с твоей мамой.

Наша кафедра отмечала юбилей. И по случаю круглой даты была организована конференция, довольно интересная, надо сказать. Было много выступающих, в том числе и я, и ещё больше слушателей. После конференции намечался неизбежный банкет, на который были приглашены в основном только докладчики, по желанию каждый мог привести одного члена семьи или знакомого. Я попытался избежать присутствия не банкете. Ты знаешь, Поль, как я не люблю подобные мероприятия. Меня утомляют долгое сидение за столом, бесконечные тосты, светская болтовня. Но мне сказали, что кто-нибудь может принять это за неуважение, за презрительное отношение к нашим профессорам, поэтому я, скрепя сердце, согласился. Все наши преподаватели были уже не первой молодости (я был самым молодым из них), поэтому все их супруги тоже были соответствующего возраста. Распорядитель банкета рассаживал нас за столом по какому-то, одному ему ведомому, плану. Я с удивлением увидел, что моей соседкой оказалась весьма молодая особа: девушка, если не сказать, девочка. Сначала меня это обстоятельство даже раздосадовало. Ты ведь знаешь, по правилам хорошего тона мужчине положено проявлять внимание к своей соседке, передавать ей блюда, смотреть, наполнен ли её бокал, поддерживать светский разговор, если ей захочется таковой завести. Я представил себе, что мне в течение нескольких часов придется выслушивать пустую девичью болтовню, и внутренне поморщился.

Я недоумевал, кто она? Для жены кого-нибудь из наших профессоров она слишком молода. Студентка? Но в те времена девушек-студенток у нас было ещё очень мало, учились на факультете, в основном, юноши, девушку я бы запомнил. В конце концов, я решил, что кто-то пригласил её особо, возможно, она интересуется историей, а кто-то из её знакомых вхож на нашу кафедру.

Меня беспокоило ещё и то, что она может знать, кто я. Дело в том, что примерно за месяц до конференции в «Медилендских новостях» был опубликован «Список самых завидных женихов Медиленда». В этот список, к сожалению, попал и я. Конечно, состоянием я похвастаться не мог, но газета об этом умолчала, зато сообщила, что я потомок одного из самых древних дворянских родов в стране, аристократ, владелец замка, к тому же, ещё и талантливый учёный. Там же была опубликована и моя фотография, правда, не совсем похожая.

Я успокоил себя тем, что девушки редко читают газеты. Начало банкета прошло без происшествий, и я почти успокоился, как вдруг моя соседка спросила:

– Можно задать вам вопрос, профессор?

Её вопрос касался моего сегодняшнего доклада и поразил меня своей точностью. Действительно, я сократил текст выступления из-за регламента, поэтому одна важная деталь, доказывающая правильность последующих выводов, отсутствовала. Это нарушало логику изложения. Я очень удивился её внимательности и глубине понимания темы, поэтому, объяснив, почему так вышло, попросил её представиться и сказать, откуда у неё при ее очевидной молодости такие глубокие познания в истории.

– Меня зовут Глория. Глория Морган.

Профессор Элберт Морган (да Поль, твой дедушка, ты ведь его помнишь?) был одним из самых уважаемых и эрудированных профессоров нашей кафедры. Я почему-то страшно поглупел в тот момент, и никак не мог сообразить, кем же ему приходится эта девушка? Ведь все участники банкета пришли с жёнами… Но не может же быть у профессора такая молодая жена? Или может? Я вспомнил, что года за два до этого, мы узнали, что у профессора Моргана умерла жена. Тогда все ему очень сочувствовали. Неужели он женился снова, да ещё и на такой молоденькой?

Очевидно, моё недоумение затянулось, потому что девушка с улыбкой сообщила, что она дочь профессора.

Я вздохнул с облегчением и сам удивился, почему это было для меня так важно.

Всю остальную часть банкета мы проболтали о самых разных вещах. Она объяснила, что неплохо знает историю, потому что любит читать книги и научные журналы своего отца.

Я стал рассказывать ей о замке, о том, что совсем рядом с ним находится поле, на котором происходила Битва при перевале. Потом разговор перешёл на то, как Микельсы долго и верно ждали моего возвращения двенадцать лет.

– Как бы я хотела увидеть этих людей! – вырвалось у неё. Правда, она при этом сильно смутилась, подумав, что невольно напросилась в гости. Я заверил её, что буду счастлив принять её у себя, разумеется, вместе с профессором Морганом.

Её, казалось, глубоко огорчило то, что я пережил в детстве.

– Я тоже потеряла маму два года назад. Хорошо, что у меня остался папа, так что мне было легче чем вам. Но мамы мне очень не хватает.

Мы не заметили, как банкет окончился, и к нам подошёл профессор Морган.

– Я вижу вы совсем подружились. Собирайся, дочка, пора домой, поздно уже, – добродушно проворчал он.

Я повторил своё приглашение посетить меня в любое удобное для них время, и профессор это приглашение принял.

Я возвращался домой со смешанным чувством радости и сомнений. Радости – потому, что я всей своей душой понимал, что наконец-то встретил ту, с которой буду счастлив всю жизнь. С сомнением – потому, что между нами была разница почти в пятнадцать лет. Захочет ли она выйти замуж за такого, уже не молодого человека? Ведь перед ней вся жизнь, ей всего девятнадцать лет. И согласится ли на такой брак её отец?

Я спрашивал себя, и передо мной возникал её образ. Мне казалось, что она смотрит на меня ласково и ободряюще, и это вселяло в меня надежду.

Визит состоялся через несколько дней. Я был переполнен счастьем. Глория показалась мне ещё более желанной и привлекательной. Профессор добродушно посматривал на нас поверх очков и улыбался каким-то своим мыслям.

Микельсы расстарались на славу. Стол был великолепен, кажется лучше они не принимали и моего друга, принца Фридерика.

Микельс тогда был в самом расцвете своих сил, и если бы кто-то задумал провести конкурс на звание образцового дворецкого, то я бы без колебаний поставил на него все свои деньги.

Глория попросила меня представить ей Микельсов. Представляешь, какое впечатление это на них произвело! Глория подробно расспросила Микельса и его жену о замке, о городке, о том, как они жили, когда меня не было. Некоторые подробности я сам узнал впервые.

Когда Микельсы удалились на кухню, Глория сказала:

– Как вам повезло! Не часто можно встретить таких людей. Долг, честь – для них это не пустые слова, а смысл жизни.

Я мог только согласиться с этим.

После того, как я отвез их домой и вернулся, Микельс обратился ко мне:

– Возможно, вы сочтёте за дерзость, ваше сиятельство, и скажете, что я вмешиваюсь не в свои дела, но я всё же скажу: никогда мне такой замечательной девушки видеть не приходилось!

Я сказал, что да, это так, но в словах Микельса мне послышался какой-то намёк, поэтому я прибавил, что девушка очень молода, ей всего девятнадцать лет.

Микельс поклонился и молча удалился из комнаты.

Потом было ещё несколько визитов. То они приходили ко мне, то я к ним. Я видел расположение Глории, но всё не решался сделать ей предложение. Страх получить отказ сковывал меня.

Однажды на кафедре профессор Морган отозвал меня в сторонку, сказав, что нам надо поговорить.

– Как вы относитесь к моей дочери? – спросил он безо всяких предисловий.

– Я… её… люблю… – выдавил я через силу.

– Ну, так и чего вы ждёте, позвольте спросить? – продолжал атаку профессор.

– Она очень молода, у нас разница в пятнадцать лет. Я боюсь испортить ей жизнь. Ведь я стану стариком, а она будет ещё молода, и я буду ей обузой…

– Один Бог знает кому и сколько суждено прожить. Я тоже был старше своей супруги на двенадцать лет, и вот – я живу, а её уже два года, как нет со мной. Глория вся извелась. Она не понимает, как вы к ней относитесь, серьезны ли ваши намерения или вы встречаетесь с ней от скуки. Подумайте и обо мне. Здоровье у меня неважное, да и возраст почтенный. Я хочу знать, что моя дочь устроена в жизни, и не останется одна, когда меня не будет. Да и на внуков мне хочется успеть порадоваться. Послушайте, вы ей тоже очень нравитесь, и если правда то, что вы сказали, то я благословляю вас!

Вскоре я по всем правилам предложил Глории руку и сердце, и она их приняла. Мы сыграли свадьбу. Да, Поль, двадцать один год прожили мы вместе с твоей мамой, и каждый день я благодарил судьбу, что мы вместе. И до сих пор не могу до конца осознать, что её уже никогда не будет с нами. Но я всё же счастлив тем, что она была в моей жизни. И ещё я благодарен ей за то, что она подарила мне тебя.

Не буду дальше продолжать заниматься воспоминаниями: ведь почти всё, что было потом, происходило на твоих глазах.

Я, почему-то думаю, что ты когда-нибудь захочешь написать книгу о нашей семье. И тогда окажется, что эти вечера воспоминаний были тебе полезны.

Поль совершенно искренне заверил отца, что он очень рад был узнать так много нового о его жизни.

40. Кот начинает действовать

Кот дремал под креслом. Он старался внимательно слушать все эти разговоры, но получалось не всегда. Как много говорят люди! Вот уже который вечер сидят вдвоём, и тот, который старше, говорит, говорит, говорит… Суть всех этих речей ускользала от Кота. Половину слов он не понимал. Говорили о чём-то, что было давно, но не совсем уж давно, назывались какие-то имена, даже пару раз упоминали того Валента, имя которого так взволновало друга. Руби. Но не удалось уловить слов: сокровища, клад, сундуки, шкатулка…

Кот делал вид, что спит, но иногда и вправду засыпал от скуки.

Но не всё время протекало у Кота так бездарно. Он постоянно присутствовал при поисках шкатулки, принюхивался к старым запахам, проникающим к нему в нос из-под снятых стенных панелей, прислушивался к малейшему шороху. Никаких свежих признаков присутствия мышей он не обнаруживал. Видимо, они действительно ушли. Кот надеялся, что они ищут клад.

Но самое веселье наступало, когда господа уходили обедать. Кот мчался на кухню, где его ожидала миска, полная всякой всячины. Кот быстро всё проглатывал, потому что самое увлекательное было впереди.

Котята! Они росли не по дням, а по часам. Сначала они по одному переваливались через край корзинки и неуверенно делали несколько шагов. Задние лапки заплетались, передние – разъезжались. Мисси сейчас же хватала беглеца зубами за шкирку и водворяла на место. Но уже через несколько дней котят было невозможно удержать на месте. Они все одновременно выскакивали из корзинки и разбегались в разные стороны. Мисси не успевала поймать одного, как сбегал другой, и так без конца. Вскоре она поняла, что с озорниками ей не справиться, и наблюдала за их проделками из корзины. Она также перестала злиться, когда Кот приближался к её чадам. И Кот с упоением принимал участие во всех играх. Он бегал с ними взапуски, в шутку боролся и небольно кусался. Они прятались друг от друга, а потом внезапно выскакивали из засады и нападали. Никогда Коту не было так весело! В детстве ему было не до игр, лишь бы выжить. И он не обращал внимания на презрительные взгляды Мисси. Что она понимает!

Самой прекрасной была игра с бумажкой, которую Тоби, или дети Бруна, а иногда и Поль привязывали на ниточку. Бумажка сразу превращалась в мышку, а то и в птичку. И её надо было поймать. Кот всегда делал это лучше всех, а котята смотрели на него восхищёнными глазами. Им очень хотелось стать похожими на своего отца: быстрыми, ловкими и сильными.

Ради такой прекрасной жизни Кот вытерпел даже то, что Фанни уже два раза искупала его в лохани. Это было очень противно, но Кот заметил, что блохи, от которых шкура всё время чесалась, куда-то и впрямь исчезли.

День за днём проходили в таких занятиях, но однажды, когда Кот поедал свой обед, вошёл Брун и сказал госпоже Микельс:

– Матушка, почки на капитанском кусте начали раскрываться, думаю, завтра он расцветёт.

– Приготовьте там всё, – отвечала Фанни. – Господа придут полюбоваться. И погода обещает быть хорошей. Давно они не отдыхали на воздухе, особенно их сиятельство.

Кот оторопел. Как же так? Уже наступило время, которое он назначил Маусине, а мыши так и не выполнили его условия!

Кот бросился в садик. На кусте, действительно, некоторые почки лопнули, и из них высунулись розовые кончики лепестков: точь-в-точь, как язычки из крохотных ротиков.

Но Коту было не до лирики. Благодушное настроение последних дней сменилось в нём возмущением и злостью. Он хотел начать охоту прямо сейчас, но потом сдержался. Ведь дого-

варивались до срока, когда куст расцветёт. А он расцветёт завтра. Завтра и начнётся его месть всем мышам на свете! Они горько пожалеют.

41. Исполнение обещания

Было очень поздно. То ли вечер закончился, то ли ночь началась.

На небе висела огромная серебряная луна, но и она не могла развеять мрак в душе Кота. Он сидел на крыше конюшни (ныне гаража). Ему не хотелось никого видеть, а сюда могла забраться только Мисси, но она сейчас сладко спала в корзинке с котятами.

Коту было очень обидно, что его надули мыши. Это был позор. Но ещё больше его огорчало, что рухнули его надежды помочь Руби. А он так об этом мечтал!

Кот продумывал планы мести, где и как он будет ловить этих обманщиц-мышей, как обязательно поймает мышку с надорванные ухом – Маусину, и как её накажет.

Было очень тихо. Городок у подножья горы давно заснул. Из замка тоже не доносилось ни звука. Кот слышал, как пробили куранты на городской ратуше, и снова – тишина.

Внезапно чуткое ухо Кота уловило звуки, которых он очень боялся. Где-то далеко бежал гигантский зверь. Его дробный топот прерывался время от времени протяжным воем, и это было очень страшно. Кот знал, как зовут чудовище – поезд. Он как-то подслушал разговор двух мужичков, возвращавшихся домой поздно вечером. Тогда тоже раздались такие звуки.

– Слышишь? Поезд, – сказал один из них.

– Да, – ответил его приятель. – Силища. А знаешь я ведь его видел. Громадный, страсть какой, несётся так, что никакому скакуну не догнать.

– Скоро, говорят, и до нас доберётся.

– Да, я тоже слыхал…

Мужички ушли, а Кот с тех пор больше всего на свете боялся чудовища по имени поезд.

Опять стало всё тихо, но не так, как до поезда. Кот прислушался к какому-то едва слышному писку и вдруг разобрал:

– Господин Кот, спуститесь, пожалуйста! Мы здесь, в садике, мы хотим вам рассказать о том, что нашли.

Пока Кот спускался с крыши сердце его гулко билось, как будто выговаривая: «На-шли, на-шли». Но когда он показался в садике, то заставил себя идти спокойно и величественно, не выдавая волнения. Все органы чувств оповестили Кота о том, что мыши расположились на одном из двух старых, вросших в землю камней. Кот грациозно вспрыгнул на другой камень и сел, обвив ноги хвостом. Теперь он мог разглядеть картину, открывшуюся перед ним. И от этого вида у Кота перехватило дыхание. Вся поверхность противоположного камня была заполнена мышами. Такого количества этих грызунов одновременно Кот не только никогда не видел, но и не мог себе вообразить. Он нервно облизнулся, и по мышиному морю пробежала дрожь.

– Не бойтесь, господин Кот дал слово, и я ему верю!

Кот пригляделся к мышке, стоящей впереди толпы и произнесшей эти слова. Ну да, ухо порвано. Это Маусина. Только как же она подросла за минувшее время!

– Позвольте, господин Кот, принести вам свои извинения. Случились непредвиденные обстоятельства, задержавшие нас с ответом. Скончался наш горячо любимый монарх – Мышинг сто двадцать восьмой, надо было отдать ему последние почести, а потом короновать его сына – Мышинга сто двадцать девятого. Вот, позвольте вам представить: его величество, король всех мышей замковой горы Мышинг сто двадцать девятый. (Стоящая рядом с Маусиной мышь слегка поклонилась). Между прочим, мой жених! Как только пройдут дни траура, состоится свадьба.

– Меня не интересуют ваши семейные дела, – проворчал Кот. – Меня интересует, что вы нашли.

– Сейчас расскажу. Для того чтобы найти большие ящики, закопанные в землю, (которые вы называете сундуками), мы призвали на помощь наших союзников: полевых мышей под управлением герцога Норинга и полёвок, возглавляемых бароном Землероем. Хочу обратить ваше внимание на то, что полевые мыши и полёвки – не одно и то же. У полевок хвост короче и…

– Мне нет дела до того, какой у кого хвост. Вы все одинаково вкусные, – перебил Кот. Его начинало злить многословие Маусины.

– Так я и говорю только самое важное. Мы плохо умеем рыть землю, поэтому и привлекли дружественные силы, которые умеют делать это гораздо лучше. Они надеются, что ваше обещание не ловить мышей распространится и на них тоже.

– Я же не уточнял, каких мышей именно не буду ловить. Ни одной мыши не буду ловить и есть, если вы нашли что-то стоящее.

– Нашли, господин Кот. Наши друзья изрядно поработали. Они вдоль и поперек исследовали всё, что находится под поверхностью земли. И в дальнем углу этого сада, вон там, где стена разрушилась, нашли под землёй что-то, что может быть сундуками. Их три, и они очень большие. И вокруг них рассыпано много кругляшков, которые так любят люди. Мы вытащили несколько штук на поверхность, хотя это было и нелегко. Но мы хотим, чтобы вы поверили нам. Эй, прикатите кругляши!

Из травы показалось несколько мышей. Они шли парами на задних лапках, а передними катили монеты. Докатив их до камня, на котором сидел Кот, мыши кидали свою поклажу и улепетывали в заросли травы, видимо, им было очень страшно.

Монеты так и сверкали в лунном свете. Кот внимательно их рассмотрел.

– Ну и что? – спросил он. – Я вам таких сколько хочешь найду под прилавками на рынке. Люди часто их роняют.

– Такие не роняют, господин Кот. Это такой металл, который никогда не тускнеет. Называется, золото.

Кот слышал это слово.

– Ну, допустим. Но почему вы думаете, что в тех трёх сундуках тоже монеты?

– Мы не знаем этого, говорим честно. Эти ящики снаружи железные, и мы не можем их прогрызть. Но если вокруг них лежит много таких кругляшков, почему бы им не быть и внутри?

Кот задумался. Пусть так. Но одно дело, найти место, где закопаны сундуки, и совсем другое – объяснить это людям.

Наконец ему пришла в голову одна мысль.

– Слушайте, мыши. Я вам пока верю. Сделайте вот что. Вокруг того места, которое вы нашли, как можно лучше перероите всю землю. Затем прикатите туда все (все до единого, понятно?) кругляши, как вы их называете, которые сейчас лежат передо мной, и слегка присыпьте землёй. Это надо сделать до утра, ясно?

– Сделаем, господин Кот, – пискнула Маусина.

– Ну так идите и делайте!

– Господин Кот! А разве вам не хочется услышать о том, где лежит маленький ящичек?

И как Кот мог про это забыть? Видно, первая находка его сильно разволновала.

– Вы и его нашли? – спросил он как можно равнодушнее.

– Да, господин Кот! В то время, как наши собратья перекапывали землю вокруг замка, мы обследовали всё внутри него. Не было ни уголочка, ни щёлочки, куда бы мы не заглянули, и всё напрасно. Мы уже, было, решили, что не сможем выполнить ваше задание, как вдруг исчез один мышонок. Пик, выйди!

Из толпы мышей выбрался совершенно малюсенький мышонок и уставился на Кота со смешанным выражением ужаса и восторга.

– Ка-акой большой! – прошептал он.

– Так вот, Пик пропал, его мама звала его, искала повсюду и плакала. Мы все присоединились к поискам. И вдруг Пик появился сам. Пик, расскажи, где ты был и что видел.

– Ничего я не видел, там темно было! Совсем темно. Сначала все что-то искали, ну и я стал играть в то, что тоже ищу это. Потом я полез в узенькую щёлку между камнями. Такую узенькую, что мне сдавило бока. Я хотел вернуться, но задом наперед протиснуться не мог, а развернуться, тем более. Я плакал и звал маму, но никто меня не слышал. Делать было нечего, я стал ползти вперёд. Полз-полз, и вдруг щель кончилась, и я куда-то свалился. Там было немного пустого места, а посредине что-то было: гладкое и холодное. Я обошёл это «что-то» кругом, мне показалось, что у него несколько углов. Потом я стал искать выход. Нашел щель, из которой дуло свежим воздухом, решил попробовать пролезть в неё. Так и выбрался.

Мышонок замолчал.

– Почему вы решили, что это шкатулка? – спросил Кот.

– Если это не шкатулка, то никакой другой шкатулки в замке нет.

– Ну, и где же это место?

– В замке есть огромная-преогромная железная дверь. Её никогда не открывают. Так вот, это место как раз над ней, ближе к внутренней стороне стены. Никто из взрослых мышей пролезть туда не смог, так что проверить слова Пика нам не удалось. Так что решайте, господин Кот, выполнили ли мы ваше задание.

Кто ещё немного подумал.

– Вот что, мыши. Сейчас идите. А я подумаю, как проверить то, что вы сказали. Если всё это правда, то не сомневайтесь, что я сдержу свое слово, никогда не трону ни одной мыши, и своих котят попрошу этого не делать. Но и вы должны помнить своё обещание: в замок – ни ногой. Можете жить в гараже, ну, или вокруг замка.

– Мы поняли, обещаем, – сказала Маусина, и голос её был немного грустным.

Неожиданно заговорил король Мышинг сто двадцать девятый:

– Напоследок я хочу выразить вам благодарность, господин Кот, за то, что не съели тогда мою возлюбленную невесту Маусину.

– Ладно, чего уж там… Вы тоже мне услугу оказали. Спасибо за труды. А теперь, ступайте.

Раздался лёгкий шорох, и в одно мгновенье камень, на котором только что были мыши, опустел.

А Кот всё сидел и думал. Потом ему пришла мысль сбегать к Руби, своему другу. Вот он-то точно даст ему правильный совет.

Руби не спал. Несмотря на глубокую ночь, он сидел на своем любимом камне. Руби обрадовался Коту.

– А я тебя ждал. Завтра как раз две недели исполняется. Есть новости?

Кот пересказал всё, что узнал от мышей.

Руби, кажется, очень разволновался. Потом ненадолго задумался и, наконец, сказал:

– Хотя меня больше интересует шкатулка, но трудно тебе будет объяснить людям, где она спрятана. Поэтому они сначала должны в тебя поверить. Для этого ты начни с того, что помоги им разыскать клад. С монетами ты хорошо придумал. Главное, не прозевай, когда они завтра пойдут смотреть на цветение этого растения. Когда все соберутся, начинай.

– А может быть, ты придёшь в замок и объяснишь им на человеческом языке, где всё спрятано?

– Нет, нельзя. Они спросят, откуда я про это знаю? Что я им скажу? Что Кот рассказал? Они примут меня за ненормального, а ещё хуже – за преступника, который за ними следит. Котик, друг ты мой, ты должен всё сделать сам. Я в тебя верю. Если будет что-то новое, сообщи. А сейчас беги в замок. У тебя завтра очень важный день.

42. Клад

На следующий день утром Кот, наскоро проглотив свой завтрак, помчался в садик. Там уже хлопотали Брун и Тоби. Посредине садика в лучах утреннего солнца красовался капитанский куст. За ночь он чудесно преобразился и сейчас совсем не походил на какое-то заурядное растение. Один человек сравнил бы его с пышным облаком, которое заря окрасила в розовый цвет, другой – с фонтаном розовой воды, а кто-то даже с огромным куском розовой сахарной ваты (у всех фантазия работает по-разному). Кот же (ну не понимал он, как можно любоваться какими-то цветочками!) только взглянул издали и, убедившись, что куст расцвёл, помчался в тот угол, где стена частично обвалилась. Место считалось опасным, и туда старались не ходить. Мыши потрудились на славу. Они перерыли всю землю, и кое-где в ней поблескивали монетки.

Кот сел и стал терпеливо ожидать. Это ожидание показалось ему вечностью.

Наконец, он услышал голоса, и вскоре появились граф, Поль, а с ними и Микельс с женой.

Кот благоразумно не сразу приступил к делу. Он дал людям время повосхищаться цветочками, обменяться впечатлениями. И только, когда все восторги утихли, он подбежал к разрытому мышами участку и стал громко мяукать. Сначала на него прикрикнули, но он не унимался. И Фанни велела младшему сыну пойти и посмотреть, что так разволновало Кота. Увидев, что всё вокруг перекопано мышами, Тоби крикнул:

– Всё нормально, просто здесь мыши всё разрыли, а Кот это чует.

И приказал Коту:

– А ну, замолчи! Не беспокой господ!

Он хотел уйти, но Кот заорал ещё громче, и лапой выгреб из разрытой земли золотую монету. Тоби заинтересовался и, присев на корточки, взял монету в руки.

– А ну, покажи, что это там ты нашел?

Рассмотрев находку, он обтер её платком и поспешно направился к отцу.

Микельс сейчас же показал монету графу, (сокрушаясь о том, что у него нет с собой подноса, на котором следовало подать находку).

Граф, едва взглянув, пришёл в сильное волнение – монета была старинной и очень редкой.

– Мыши там в углу всё разрыли, ну и, видимо, вырыли её из земли, – объяснял Тоби.

А Кот, увидев, что его хитрость удалась, призывно мяукая, и то и дело оглядываясь, словно приглашая следовать за собой, снова помчался к разрушенной стене.

Тут уже все последовали за ним. Микельс, правда, напоминал на ходу, что там опасно, что стена может обрушиться дальше, что господам не следует туда ходить, но его никто не слушал.

Кот энергично разрывал землю, и на свет являлись новые монеты.

После третьей или четвертой находки граф велел принести лопаты и начать копать.

Когда все монеты в поверхностном слое земли были найдены, то дальше пошла простая слежавшаяся земля, правда, с многочисленными мышиными ходами.

Стали думать, есть ли смысл копать дальше. Слой земли здесь был неглубок, вряд ли тут можно было зарыть клад.

Но Кот ринулся в раскопанную яму, и отчаянно стал разгребать землю лапами.

– Он что-то чует. Копайте, – велел граф.

– Ваше сиятельство! А вдруг оползень случится! Место-то ненадёжное, – забеспокоился Микельс.

Но граф, казалось, его не слышал. Всех охватил азарт. Копали довольно долго. По всем расчетам уже должна была начаться скала. Микельсу ли было этого не знать. Сколько раз он рыл здесь ямы, пытаясь посадить деревья, и каждый раз его заступ вскоре ударялся в твер-

дую породу. Вот и сейчас раздался характерный скрежет. Только это был не камень. Это была крышка большого сундука.

43. Нелегко обладать кладом

Если вы когда-то слышали выражение «немая сцена», то группа людей у раскопанной ямы лучше всего могла бы его проиллюстрировать.

Все неподвижно замерли. Граф Вундерстайн так побледнел, что Поль испугался, не упал бы тот в обморок. Лицо Микельса, напротив, стало багровым, немолодой дворецкий был в шаге от удара. Его жена беззвучно шевелила губами (наверное, молится, подумал Поль).

Через несколько секунд оцепенение стало проходить, и первыми пришли в себя Брун и Тоби. Они, сжав в сильных руках заступы, ринулись, было, как можно скорее откопать сундук. Но их остановил окрик графа, который тоже уже овладел собой:

– Стойте, ни с места. С этого момента никто ничего не делает без моего распоряжения. Клад лежал в земле столетия, полежит ещё несколько минут. Сначала успокоимся, всё обсудим, и составим план действий. Волнение и поспешность – плохие помощники в любом деле. Давайте присядем и поговорим.

Все отошли к скамейкам. Граф и Поль сели на одну из них. Граф, указав на другую, строго произнёс:

– Джон, Эпифания, садитесь. Это не просьба, а приказ, прошу выполнять. Мне совсем не нужно, чтобы в такой момент мои слуги разболелись и вышли из строя!

Старшие Микельсы беспрекословно исполнили приказ графа. Они были поражены тем, что тот впервые назвал их по именам.

– Послушайте мои соображения. Мы не знаем, что внутри сундука, и когда он был зарыт. Допустим, это клад Валента Вундерстайна. Прошло много веков. Вполне вероятно, что деревянные детали сундука истлели, и при попытке достать или даже открыть сундук, его содержимое высыплется на землю. И, кстати, найденные монеты говорят о том, что часть содержимого уже оказалась в земле. Если судить по тем же монетам, то содержимое сундука очень тяжёлое. Поэтому будем доставать его небольшими частями и очень осторожно. Для этого в замке надо найти место, где мы сможем сложить всё найденное, чтобы потом спокойно рассмотреть и рассортировать.

Микельс, я попрошу вас приготовить следующие вещи: какие-нибудь ёмкости, в которых мы могли бы переносить найденные предметы. У них должна быть надёжная ручка. Затем, нам нужны большие куски ткани. Лучше всего подошёл бы брезент, но я сомневаюсь, что он у нас есть. Поэтому сгодятся старые одеяла или что-то подобное. Ткань должна быть плотной и крепкой, чтобы не порвалась. На неё мы будем складывать всю извлечённую землю, чтобы потом просеять её. Причём, меня интересуют не только монеты и другие ценности, но даже черепки от посуды, обломки разных предметов и тому подобное. Для истории это очень важно. Госпожа Микельс, я как-то видел у вас решето с большими отверстиями, так называемый грохот. Он подойдёт.

И последнее. Наш замок – не самое надёжное место для хранения таких вещей. Пока весь город знал, что в замке нет ничего стоящего, мы могли не опасаться. Но сейчас кто-нибудь сможет соблазниться, если узнает о кладе. В городе после войны появилось много новых людей, которых никто не знает. Поймите, я не так боюсь за материальные ценности (жили же мы без них), как за ваши жизни. Грабители не любят оставлять свидетелей. Поэтому прошу, даже приказываю. До того времени, пока все ценности не будут находиться в надёжном и безопасном месте, никто не должен говорить о нашей находке никому. Повторяю, ни-ко-му! Ни родне, ни друзьям, ни девушкам, – тут граф выразительно посмотрел на Поля и Тоби, и оба смутились. – Брун, вы можете сказать своей жене, но ни вы, ни она не должны говорить об этом вашим детям, они могут невольно разболтать кому-нибудь. В садик до времени окончания работ и в те помещения, где мы будем разбирать находки, тоже детей не пускать. Все мы должны вести

самый обычный образ жизни: делать повседневные покупки, не тратить больше, чем всегда, поддерживать отношения со всеми людьми, с которыми мы обычно общаемся. Но о находке ни слова! Я на вас надеюсь. Ну, а теперь – к делу.

Микельс, не найдется ли в нашем хозяйстве что-нибудь более деликатное, чем лопаты? Подошли бы совки. А то лопатами мы рискуем повредить сундук и его содержимое.

– Найдем, ваше сиятельство, – отозвался Микельс.

Речь графа подействовала на всех отрезвляюще и успокаивающе. Ведь когда перед человеком ясный план действий, любое дело выполнять гораздо легче.

Медленно, совочек за совочком освобождался от земли сундук. Когда кладокопатели начали расчищать боковые стенки, их ждало новое открытие. Рядом с первым сундуком стояли ещё два, и один из них, тот, что был ближе к стене, сильно накренился. Видимо, почва под ним была действительно подвижна, что внушало опасения. Граф велел принести несколько досок (к счастью, у запасливого Микельса они нашлись) и положить их поперёк ямы. Затем очень осторожно, лёжа животом на досках Брун стал открывать крышку. Она поддалась не сразу, потому что стенки сундука перекосились. Пришлось воспользоваться ломиком.

Когда крышка отскочила, у всех людей вырвался возглас изумления. Сундук до верху был наполнен монетами, преимущественно золотыми.

Поскольку потревоженная почва могла начать двигаться, граф распорядился быстро и аккуратно извлекать содержимое сундука. Было решено, не носить каждое ведёрко с монетами в дом, поскольку это было бы долго, а ссыпать всё на расстеленное одеяло. Хотя молодые мужчины с трудом поднимали ведро, наполненное едва ли наполовину, всё-таки золотая гора на одеяле росла быстро, и к обеду первый сундук был пуст. Надо было перекусить и отдохнуть. Решили, что два человека на всякий случай останутся в садике, а остальные пойдут обедать.

Когда возвращались в замок, Поль сказал отцу:

– Всё-таки удивительно, что мы нашли этот клад именно тогда, когда о нём узнали из найденного письма.

– Да, Поль. Только нашли клад не мы, а вот этот рыжий герой! – и граф, наклонившись, потрепал шагающего рядом Кота по голове.

Кот немного обижался, что в суматохе все про него забыли, но сейчас он гордо поднял голову и громко, победно мяукнул. Его заслуги признали! Граф его погладил!

– Верно, папа. Как он нас звал, как выкапывал из земли монетки, как кидался в яму и рыл землю, когда мы хотели бросить поиски. Я просто поражаюсь его уму и интуиции. Порой мне кажется, что он понимает всё, о чем мы говорим.

– Мяу, – сказал Кот, – (ну, положим, не совсем всё…)

– Так или иначе, – ответил граф, – а мы все в неоплатном долгу перед этим выдающимся представителем кошачьего племени. Микельс, вот моё распоряжение: в моем доме отныне и навсегда этот Кот имеет право получать всё для хорошей жизни – кров, пищу, ну вы знаете. Но при этом не ограничивайте его свободу, к которой он привык.

– Будет исполнено, ваше сиятельство, – с готовностью откликнулся Микельс.

44. Клады находить нелегко

Бедный, бедный капитанский куст! Никогда ему не уделяли так мало внимания, как в этом году. А как он старался! Как он был хорош в лучах яркого летнего солнца! Как роскошны были его ветви, унизанные махровыми розовыми цветами! Разве он был менее красив, чем эти, найденные в земле, монеты, кубки, блюда, кольца, серьги, подвески и другие предметы, шестьсот лет ждавшие, когда их отыщут? Но на сей раз внимание людей было привлечено вовсе не к красоте экзотического растения.

Пятеро мужчин и одна женщина два дня трудились вокруг огромной ямы, не давая себе отдыха, начиная рано утром и заканчивая, когда исчезал последний солнечный луч.

Граф велел не трогать сундуки, пока они полностью не будут освобождены от их содержимого. И только после этого их очень осторожно вытащили на поверхность. Ни один из сундуков не имел повреждений, через которые могли высыпаться монеты, даже тот, который был перекошен сдвинувшейся землёй.

Сами по себе эти сундуки представляли собой значительную историческую и художественную ценность, но нуждались в основательной реставрации.

Граф велел отнести их в замок, чтобы в ближайшее время обработать раствором, консервирующим древесину. Лет десять назад он совместно с одним химиком разработал весьма неплохой состав. Но потом этот химик уехал работать в другую страну, а у графа тоже появились какие-то иные дела, так что эта работа и не возобновилась. Кажется здесь, в замке должны быть реактивы для этого состава и тетрадь с записями опытов. Граф мысленно похвалил себя за то, что привез их в замок, как будто чувствовал, что это может пригодиться.

Итак, поскольку повреждений в сундуках не было, граф сделал вывод, что сначала их поставили в яму, а уж потом заполнили монетами и прочими вещами. Да по-иному и быть не могло: никакому силачу, ни даже группе людей не хватило бы сил опустить заполненный сундук в яму. Значит, монеты попали в землю, когда люди в спешке заполняли сундуки, и часть монет упала мимо.

Стали аккуратно вынимать землю со дна ямы и просеивать её. И, действительно, нашли много монет и мелких украшений.

Попутно сама собой раскрылась загадка, почему земля здесь была намного глубже, чем в остальных уголках садика. Оказывается, скала имела в этом месте значительную естественную выемку. Древние строители из массивных камней сделали фундамент для стены, а оставшееся углубление оставили. Кто-то и решил, что это – самый удобный естественный «сейф». Достаточно поставить туда сундуки и засыпать землёй. Никто не рассчитывал, что сокровища будут лежать в земле долгие века. За минувшее время камни в фундаменте сдвинулись, стена в этом месте потеряла устойчивость и частично обвалилась. Что было тому виной: землетрясение, просчёты зодчих или иные причины – сказать мог только специалист. Но если бы этот процесс пошёл более активно, то не только часть стены и фундамент под ней, но и все три сундука просто сползли бы в практически недоступное ущелье.

Так что, кладоискателям крупно повезло.

Наконец, ценой огромных усилий из земли было извлечено все, что она хранила шесть веков, ну, или почти всё.

Граф со свойственным ему научным подходом интересовался даже не столько стоимостью сокровищ (было абсолютно ясно, что она огромна), сколько их научной и исторической ценностью. В кабинет были принесены из других комнат несколько столов, на которые стали складывать рассортированные сокровища.

Примерно две трети из них составляли монеты, большей частью золотые, но встречались и серебряные, и даже медные. Основная часть монет была медилендской чеканки, но попада-

лись довольно часто и иностранные. Глядя на них, граф всё время думал о короле Фридерике. Он, наверное, лишился бы чувств, видя такие нумизматические сокровища. Графу в голову пришла мысль, которой он поделился с Полем, и тот согласно кивнул.

Граф дал слугам задание отдельно сложить все крупные предметы и отдельно – украшения. А сам занялся монетами, привлекая к этому и Поля. От работы ломило спины, глаза слезились от напряжения. Но никто не жаловался.

Ещё четыре дня назад никто не верил в возможность найти клад, и вот сегодня они склонились над сверкающими горками золота, серебра и драгоценных камней. Рядом с графом лежал раскрытый иллюстрированный каталог монет, и он то и дело сверялся с ним, разглядывая в лупу очередной экземпляр.

Микельс любовно полировал замшевой салфеткой старинные серебряные чаши, кубки и блюда. Фанни раскладывала на зелёном сукне драгоценные украшения, иногда непривычные современному глазу: головные обручи с подвесками, височные кольца, шейные гривны, да и такие, о назначении которых Фанни совсем не могла догадаться. Её удивляло, что драгоценные камни, поражавшие своими размерами, были не огранены, а только отполированы и сохраняли природную форму. Золотые оправки были массивны, а иногда и несколько грубоваты на современный вкус.

Пять дней шла работа, и вот, все сокровища были рассортированы и записаны в реестр.

Граф велел семейству Микельсов собраться, и когда все пришли сказал:

– Наконец настал день, когда я могу по заслугам вознаградить вас за долгую, верную и безупречную службу. Вы можете взять всё, что захотите из этих монет или вещей, кроме тех, что представляют историческую ценность. Вот, я отложил их отдельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.